

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР

М. М. СОЛОВЬЕВ

ЭКСПЕДИЦИЯ
&
БУХАРУ
с 1841~1842 г.г.

при участии
натуральника
А. ЛЕМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК СССР
МОСКВА
ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

М. М. СОЛОВЬЕВ

У Ч Е Н А Я
ЭКСПЕДИЦИЯ В БУХАРУ
в 1841 — 1842 гг.

при участии натуралиста
АЛЕКСАНДРА ЛЕМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1936 • ЛЕНИНГРАД

Непременный секретарь акад. *Н. Горбунов*

Июнь 1936 г.

Редактор *С. Н. Быковский*

Обложка работы *А. М. Соловьева*

Технический редактор *А. Д. Покровский*

Ученый корректор *С. М. Данини*

Сдано в набор 14 марта 1936 г. Подписано к печати 21 июня 1936 г.
Бум. 72×110 см. — 7 печ. л. + 2 карты $\frac{1}{4}$ печ. л. — 48128 зн.
в печ. л. — 8.42 уч. авт. л. — Тираж 3200. — Ленгорлит № 13474.
АНИ № 1214 — Заказ № 749.

Ленпромпечатъсоюз, тип. арт. „Печатня“. Ленинград, Прачечный
пер., д. № 6.

Глава I. О настоящем и прошлом Бухары

1. Бухара до экспедиции 1841 г. Миссия русского правительства в Бухару 1841 г. Прикомандирование к ней Лемана. Инструкция начальнику миссии, „открытая“ и „секретная“

Особенно убеждаешься в величайших завоеваниях Октябрьской революции во всех областях хозяйственно-культурного строительства, когда сопоставляешь настоящее и прошлое частей нашего Союза, отличавшихся в прежние времена исключительною отсталостью.

Такою страной бесправия и черного горя была в числе прочих и старая Бухара. Неограниченно господствовало в ней засилие феодальной знати, деспотическая власть эмира, произвол торгового капитала, интриги и колониальный гнет царизма. Знатность и богатство решали в стране все, и в защиту их все средства были позволены.

„Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве“.¹

Грамотность доходила только до полупроцента. Здесь не было никакой промышленности, не было железных дорог, не было каких бы то ни было культурных дорог вообще. Сейчас это страна большевистских колхозов, создающих важнейшие рычаги советской стройки и культурного подъема. 70% дехканских хозяйств Средней Азии охвачено коллективизацией. Проложены сотни километров новых культурных гудронированных дорог, достигающих до Памира. Строятся новые красные чай-ханы, клубы, ясли, усадьбы, электростанции... Тысячи автомашин несутся по автомобильным дорогам. Прочно вошел в транспорт самолет.

„Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения, для того чтобы держать массы в темноте“.²

В школах обучалось ничтожное количество детей и то преимущественно русских.

В 1934 г. в одиннадцать тысячах начальных школ Средней Азии обучался на родном языке

¹ И. Сталин. Политика советской власти по национально-колониальному вопросу. Сборник избранных статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 61.

² И. Сталин. Политика советской власти по национальному вопросу в России. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 61.

один миллион детей. Там имеется 35 высших учебных заведений. В частности в Таджикистане, основную часть которого образует бывшая Восточная Бухара, школы охватывают 80% детского населения, высшее образование таджики получают в своих пяти высших учебных заведениях и 29 техникумах. Сотни таджиков учатся в Москве, Ленинграде, Ташкенте.

Съезд писателей познакомил нас с рядом национальных советских писателей, поэтов и драматургов Таджикистана, Узбекистана и т. д., выпускающих в многотысячных тиражах свои стихи, новеллы и романы.

„В далеких знойных степях Средней Азии совершилось величайшее историческое событие, которое вызывает глубокое волнение на всем Востоке, где живет больше половины человечества. В среднеазиатских республиках Советского Союза, где недавно царил феодально-помещичий, рабский уклад, сегодня создается социалистический строй“.¹

Создается социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура.

Взамен жалких, скученных кишлаков вырастают поселения улучшенного, рационального типа. Тысячи тракторов, железных плугов, борон и сеялок

¹ Доклад тов. Д. З. Мануильского на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. „Правда“, 1 авг. 1935 г., № 230 (6476), стр. 3.

господствуют в сельском хозяйстве, в котором при старом строе царила необделанная деревянная рогуля — омач.

„До революции в сельском хозяйстве Туркестана работало 800 плугов, сейчас полмиллиона плугов и 15 тыс. тракторов вспахивают среднеазиатские поля“.¹

Пустынные земли получили впервые машинное орошение... Вновь орошены тысячи гектаров земли. Целый ряд крупнейших специалистов, профессоров, агрономов, техников, засучив рукава, работают на полях. Сеть вновь созданных промышленных предприятий покрыла страну. Так — в Таджикистане созданы механические заводы, крупнейшие в Союзе консервный, шелкомотальный комбинаты, швейная фабрика, новые нефтяные промыслы... Развивается золотопромышленность.

Местным золотом заинтересовался около ста лет тому назад (1838 г.) и властитель Бухары Наср-Улла. Он обратился к русскому правительству с просьбой прислать ему сведущих людей для исследования некоторых местностей Бухары, в которых предполагалось наличие золотых россыпей. Во исполнение этой просьбы в Бухару были командированы в 1839 г., в год похода русских

¹ Доклад тов. Д. З. Мануильского на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. „Правда“, 21 авг. 1935 г. № 230 (6476), стр. 3.

войск на Хиву, горные инженеры Ковалевский и Гернгрос, но они не добрались до места назначения из-за нападений на них, как они сообщили, „разбойных“ киргизов (читай — казахов) — приверженцев Хивы. В глазах этих правительственных чиновников казахи, боровшиеся за свою национальную самостоятельность, являлись не более, как разбойниками.¹

Надо сказать также, что находился в 1839 г. в Хиве и английский представитель Конолли, о котором придется еще говорить дальше, со специальной задачей, как утверждает Hellwald,²

¹ Происхождение казахов таково: в XIII в. под предводительством Чингисхана через Казахстан хлынули массы кочевых племен и народов. Одна часть этих кочевников — тюрко-монголов, завоевав культурные области, смешалась с оседлыми жителями. Другая часть продолжала кочевать в степях, разбившись на два союза: ногайский и узбекский. В XV веке ногайцы под давлением Московского царства ушли в Ставропольские степи. Почти одновременно узбеки завоевали бассейны Аму-дарьи и Сыр-дарьи, образовав новые ханства: Хиву, Бухару и Коканд. Прочим кочующим тюрко-монгольским родам остались в удел пустынные пространства, граничащие на западе с Московским государством, на востоке с Китаем, на юге с новыми ханствами — Хивой, Бухарой и Кокандом. Заключенные в этих пустынях и полупустынях, кочевники эти окончательно обособились под именем казахов. См. „Прошлое Казахстана в источниках и материалах“, сб. 1, под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Госуд. Публ. библиотека Казахстана и Казакский Научно-иссл. институт национальной культуры, 1935, Москва.

² Hellwald. Die Russen in Centralasien. 1873.

„открыть“ хивинцам и казахам „глаза на угрожающую им опасность со стороны России и побудить их к отпору русским“.

Ковалевскому и Гернгросу пришлось отказаться от путешествия в Бухару и присоединиться к шедшим на Хиву русским войскам Перовского, с которым и оба инженера и возвратились в Оренбург.

Хан бухарский, не дождавшись посланцев царя, на следующий год возбудил перед последним „повторительное ходатайство“, снисходя на которое, Николай I „для исполнения данного уже хану согласия, так и для вящего при настоящем благоприятном положении дел сближения с сим ханством“, распорядился снова отправить с наступлением весны 1841 г. в Бухару двух горных инженеров в сопровождении одного переводчика, одного топографа и нескольких казаков.

Первоначально предполагалось послать в Бухару опять Ковалевского, но он „по расстроенному здоровью“ поехать не мог, Гернгрос же, его спутчик, к тому времени уже оставил горную службу. Тогда остановились на горном инженере, майоре Бароцци, управлявшем одним из заводов на Урале. Он должен был прямо с места службы отправиться в Оренбург, где и получить все инструкции, присланные ему из Петербурга. Выбор министра финансов и главноуправляющего корпусом горных инженеров Канкрин пал на Бароцци по той причине, что Бароцци раньше несколько лет служил в Грузии, а потому, „имел

случай ознакомиться с бытом азиатским“. Однако министр иностранных дел граф Нессельроде, принеся „чувствительную благодарность“ Канкрину „за благосклонное“ его „распоряжение“, высказался против этой кандидатуры. Нессельроде считал необходимым лично „поставить начальника миссии в известность о разных сведениях, имеющих в министерстве иностранных дел, касающихся помянутого ханства, а также и о характере наших с оным отношений, дабы предупредить всякое с его стороны недоумение на счет настоящих видов и намерений правительства“, а потому предпочитал бы видеть во главе миссии какое-либо живущее в Петербурге доверенное лицо Канкринна, которое „имело бы более времени до отъезда в Оренбург приготовить себя к выполнению поручений министерства иностранных дел“.

„В удовлетворение такового желания“ министра Нессельроде, Канкрин „избрал для посылки в Бухару“ хорошо ему известного и весьма им ценного горного инженера, майора Бутенева 2-го, состоявшего при нем для особых поручений.

Константину Федоровичу Бутеневу было тогда 37 лет. Это был специалист по золотопромышленному делу и вместе с тем широко образованный человек. Сейчас же по окончании Горного кадетского корпуса он отправился смотрителем на золотые Миасские рудники и принял участие в экспедиции для исследования Воицкого рудника. Ознакомившись практически с вопросами добы-

вания золота, Бутенев уехал за границу „для усовершенствования в горных науках“. По возвращении оттуда в Петербург, он читал лекции в Горном институте по горному маркшейдерскому делу. В 1838 г. Канкрин назначил его первым редактором только-что созданной ежедневной газеты „Мануфактурные и горнозаводские известия“. С этой работы Бутенев и снимается для руководства Бухарской экспедицией 1841—1842 гг.

В помощь Бутеневу был назначен горный инженер поручик Федор Богословский, „один из лучших“, по отзыву Канкрина, „молодых инженеров Златоустовского округа“.

К нему были откомандированы из Главной конторы Златоустовских заводов „один из самых благонадежных штейгеров, Козлов, хорошо знакомый с отысканием и обработкой золотоносных песков“, и два горных мастеровых, Лепешков и Морозов, „один хороший промывальщик, а другой знакомый со стальной и булатной ковкой“.

Бутенев должен был принять Богословского и указанных мастеровых „в команду“ по прибытии в Оренбург, причем в отношении последних начальнику миссии поручалось между прочим „наблюдать, чтобы мастеровые одеты были прилично и единообразно, например, в зеленых полукафтанах с светлосиней выпушкой и, буде по местным обстоятельствам нужно, то и с саблями“.

Статистиком и географом экспедиции был определен двадцатилетний переводчик IX клас

са Азиатского департамента, Николай Владимирович Ханыков, хорошо знавший уже к тому времени арабский язык и в совершенстве персидский. 18-летним юношей в 1839—1840 г. он участвовал в должности переводчика в Хивинской военной экспедиции совместно с молодым натуралистом Александром Леманом. Последнему было разрешено присоединиться к миссии в Бухару в качестве частного лица.

Леман оставил в дневниках и письмах подробное описание своего путешествия в Бухару.¹ Помимо большого естественно-научного значения, рассказ Лемана о том, что он видел и слышал во время экспедиции, ярко характеризует ужасающее бесправие и бескультурность Бухары того времени. Рассказ этот убедительно подтверждает правильность слов М. Горького, сказанных в заключительном слове на съезде писателей: „Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего“.

Итак, Бутенев вместе со своими сотрудниками отправились в Бухару, чтобы искать для эмира в его стране золото. Но не таковы были главные побуждения, которые заставили царя послать в Бухару специалистов по золоту.

¹ Архив АН СССР, фонд 56, оп. I, №№ 1 — 5 (включительно).

И. Сталин говорит: „Дальнейший рост капитализма в Европе, потребность в новых рынках сбыта, искание сырья и топлива, наконец, развитие империализма, вывоз капитала и необходимость обеспечения великих морских и железнодорожных путей привели, с одной стороны, к захвату новых территорий старыми национальными государствами и превращению последних в многонациональные (колониальные) государства с присущим им национальным гнетом и национальными столкновениями (Англия, Франция, Германия, Италия), с другой стороны — усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей за счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самым ходом вещей с общим вопросом о колониях, а национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) „великих“ империалистических держав за подчинение слабых неполноправных национальностей“ („Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии“, (1921 г., п. 4).¹

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, стр. 66.

Так неминуемо столкнулись в начале XIX столетия в борьбе за овладение культурноотсталыми народностями Средней Азии и две географически близкие друг к другу страны: русского военно-феодалного империализма и английского империализма.

У обеих „великих“ держав к тому времени накопился уже достаточно солидный опыт по части закабаления более слабых национальностей, в частности, царская Россия как многонациональное государство, строящееся на господстве одной нации, точнее, ее господствующего класса, над остальными нациями, являла собой первоначальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений.

Одним из эффективнейших способов, которыми пользовались и Англия и Россия для достижения своих захватнических целей, была посылка в предназначенные к захвату государства особых „миссий“, скрытыми задачами которых было всяческими путями, начиная от заключения официальных договоров и кончая подкупам, угрозами, сеянием национальной розни и утонченнейшими интригами, добиться уловления государства в свои предательские сети, вовлечь страну сперва незаметно в сферу своего влияния, а дальше и совсем связать ее самостоятельность и превратить ее в своего вассала.

К. Ф. Нейман в 1847 г. писал: „Когда восточные князья и племена не хотят позволить обма-

нывать себя под именем дружественных торговых сношений. угрозы и сила оружия принуждают их к неограниченному повиновению. Так было прежде, так же точно и теперь".¹

Официальной целью такой, обычно весьма торжественно обставляемой экспедиции было засвидетельствование почтения главе государства, передача ему подарков в знак дружелюбнейших чувств и отсутствия каких-либо скрытых коварных намерений, производство научных, практически ценных для посещаемой страны изысканий, секретной же задачей являлось экономическое и политическое порабощение страны и принятие должных мер для парализования аналогичных условий со стороны великой державы-соперницы. Одной из подобных миссий на самом деле являлась и Бухарская экспедиция 1841—1842 гг.

В открытой инструкции от Горного департамента миссии предлагалось заняться в Бухаре отысканием и разведкой полезных месторождений, в особенности дорогих минералов, причем по мере возможности следовало организовать и „самую добычу оных“. Главнейшим предметом горных изысканий экспедиции должно быть „введение в сей стороне золотопромывательного производства, Вам и помощнику вашему достаточно извест-

¹ „Trauerspiel in Afghanistan“. В русском переводе под измененным названием: „Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах“. Сочинение К. Ф. Неймана, Москва, 1848.

ного". „Особенно приложите Вы старание,—говорилось в инструкции,— к собранию сведений: не производится ли в Бухаре и соседственных с нею странах торг хищническим золотом, Уральским или Сибирским, и, буде он существует, то какими главнейшими путями производится и в какой мере можно считать его значительным“.

Независимо от сего Бутенев обязывался собирать сведения об азиатской русской торговле вообще, согласно особой инструкции от Департамента мануфактуры.¹ Требовались эти данные в целях „увеличить в Бухаре сбыт наших произведений по ограниченности там фабричной промышленности и вместе с тем доставить выгодную мену на сырые тамошние произведения“. В виду желания правительства учредить в России компанию для распространения торговли вообще в Азии, надлежало выяснить, возможно ли будет в Бухаре учредить торговую контору такой компании или лучше ограничиться содержанием комиссионера и устройством склада товаров. Надо было договориться о правах такой конторы и таможенных правилах.

Естественно-научная инструкция² академиков Бэра и Купфера оговаривала прежде всего, что „горный офицер, отправляющийся в Бухарию только на несколько месяцев, не будет иметь воз-

¹ Ленинградское отделение Центрархива.

² Там же.

возможности производить непрерывные метеорологические наблюдения“, а потому для пользы метеорологии предлагалось ограничиться определением средней температуры месяцев, самого холодного и самого теплого (января и июня), далее рекомендовалось производить ежедневные психрометрические и барометрические наблюдения, последние даже во время дороги, для определения высоты тех мест, которые будут проезжать. При помощи компаса следовало определять направление ветра.

Инструкция зоологическая и ботаническая носили преимущественно прикладной, охотоведческий и сельскохозяйственный характер.

Для получения „наставлений по политической части“ Бутенев, согласно указанию Нессельроде, лично явился к нему. В результате этого свидания начальнику миссии были вручены две инструкции от министерства иностранных дел—одна открытая, другая доверительная.

В официальной „открытой“ инструкции Бутеневу вменялось в обязанность передать от царя хану Бухары письмо и подарки, после чего миссии надлежало заняться „изучением благородных металлов и камней, так же как и руд, находящихся в Бухаре“.

На самом же деле, как гласит переданная Бутеневу секретная инструкция,¹ основной задачей

¹ Архив АН СССР, фонд 56, оп. 1, № 18.

миссии являлось изыскание „наилучших путей для подчинения Бухары русскому влиянию“. Для выполнения последнего поручения Бутеневу предлагалось, „в целях упрочения политического влияния России и развития русской торговли“, собрать возможно достоверные и полезные сведения как о Бухарском ханстве, так и сопредельных с ним землях и установить должные отношения между Россией и Бухарским ханством. Чтобы обеспечить успех данных предначертаний, Бутенев на время пребывания в Бухаре получал звание посланника и снабжался, кроме официальных сумм, секретным денежным фондом. Последний был предназначен главным образом для тех влиятельных в Бухаре лиц, которые пожелали бы „извлечь личную пользу из добрых отношений к России“.

Для той же цели „сближения по азиатскому обычаю с занимательнейшими лицами“ Бухары, Бутеневу были отпущены многочисленные и ценные подарки, среди них богатое оружие из Музеума Горного института¹ и различные медали, серебряные и бронзовые, с СПБ. Монетного двора.

¹ 1. Сабля по образцу турецких с булатным клинком, ценою 34 р. 28⁴/₇ к.

2. Шашка на манер черкесских с булатным клинком, с серебряной оправой, ценою в 60 р. 28⁴/₇ к.

3. То же со ~~серебряной~~ ручкой, ценою 28 р. 57¹/₄ к.

Начальнику миссии предлагалось возможно больше путешествовать по стране и с пути давать как можно больше распоряжений и инструкций, касающихся горной части. На самом же деле работами этого рода самому Бутеневу рекомендовалось отнюдь не увлекаться. Все горные исследования надлежало поручить Богословскому, за собою же Бутенев обязывался сохранить только общее наблюдение за работой Богословского. Настоящей задачей поездок Бутенева по стране должно было быть возможно точное описание местностей, выяснение возможности расширения торговли с Россией, характеристика внутренней организации страны, соби́рание сведений об отношениях хана к своим подданным и обратно—подданных к хану, так же как и определение состава влиятельных лиц в стране и в особенности расположенных к России.

Особенное внимание инструкция уделяла отношениям России к Англии. Исключительно ценными были бы, говорит инструкция, сведения о том, как повлияли на Бухару недавний разрыв отно-

4. Нож в виде кинжала из платиновой стали, ценою 22 р. 80¹/₁₄ к.

5. Кинжал из платиновой стали, 19 р. 94⁵/₁₄ к.

Три последних вещи из числа оружия, бывшего на Мануфактурной выставке 1839 г. (Ведомость, приложенная к секретному циркуляру штаба корпуса горн. инженеров 4/III 1841 г. в Департамент горных и соляных дел). Лен. отдел. Центрархива.

шений между Англией и Хивой, так же как и последние события в Афганистане. Вообще крайне необходимо знать, каковы взгляды руководящих кругов Бухары на „акции“ Англии в Азии.

Если в Бухаре во время пребывания там русской миссии окажется агент Англии, предлагалось вступить с ним в самые дружеские, возможно близкие отношения и убеждать его в отсутствии у России каких-либо стремлений соперничать с Англией как в Бухаре, так и вообще в Азии.

Ни в коем случае не следовало мешать агенту Англии сблизиться с ханом. Рекомендовалось только тщательно следить за всеми действиями агента и принимать соответствующие меры к тому, чтобы в результате действий русского и английского агентов явилось подчинение хана и его приближенных не английскому, а русскому влиянию. Однако ни в коем случае не следовало допускать какого-либо вмешательства британского агента в переговоры русской миссии с ханом.

В числе требований, которые предполагалось предъявить хану от имени России, значилось между прочим указание на недопустимость „обращения русских пленных в рабское состояние“ и присвоения правительством Бухары личного имущества умерших русских подданных. Таковое имущество должно доставляться в сохранности до границы для передачи родственникам, живущим в России.

Все обычные донесения Бутенев должен был доставлять верной оказией Оренбургскому гене-

рал-губернатору.¹ Об особо важных предметах, которые Бутеневу удалось бы добыть, ему предписывалось доложить по приезде в Петербург непосредственно министру иностранных дел. В интересах соблюдения крайней осторожности, инструкцию воспрещалось брать с собой в Бухару. Ее надлежало сдать перед отъездом из Оренбурга в соответствующий стол канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

„Министр убежден, — говорится в заключении инструкции, — что Вы вполне оправдаете лестное для Вас, оказываемое Вам доверие и тем самым обратите на себя всемиловитвейшее внимание государя императора“. Последующий рассказ в значительной мере выясняет, насколько удалось Бутеневу и его сотрудникам выполнить данные поручения.

2. Жизнь и научная деятельность Лемана до отъезда в Бухару (1814 — 1842 гг.).

В Дерпте, незначительном прибалтийском городке, в 1814 г. шли большие торжества по случаю вступления союзных армий в Париж. Горожане зажгли „добровольную“, как сообщала местная газета, иллюминацию, а на площади при большом стечении публики был устроен студен-

¹ Ряд таких донесений сохранился в деле о Бухарской миссии в Ленинградском отделении Центрархива.

тами молодого, всего 8-летней давности, Дерптского университета праздник победы над Наполеоном.

Особенный успех имела среди других номеров программы исполненная студенческим хором патриотическая песнь на слова студента-медика Карла Бэра. Это „литературное произведение“ столь понравилось ректору университета Струве, что он распорядился его напечатать. Такова была первая опубликованная работа будущего знаменитого ученого зоолога и петербургского академика К. Э. фон-Бэра.

В том же году, во время указанных великолепных празднеств, в семье популярного дерптского врача Лемана родился его сын Александр, будущий спутник академика Бэра на Новую Землю, талантливый, много сделавший для науки, но, к сожалению, очень рано умерший ученый.

Среди своих братьев и сестер он провел все свое детство и юность, не покидая Дерпта, и девятнадцати лет поступил в университет своего же родного города.¹

Еще студентом Леман, благодаря своим выдающимся способностям, был горячо рекомендован Бэру дерптскими профессорами: петербургским академиком Е. Е. Парротом и членом-корреспондентом Петербургской Академии

¹ Архив АН СССР, фонд 56, оп. I, № 29.

Наук М. Ф. Энгельгардтом для участия в экспедиции на Новую Землю в качестве „сведущего натуралиста, особливо геогноста, так же как и искусного рисовальщика“. Бэр принял это предложение, и Леман отправился в далекий и утомительный путь на лошадях из Дерпта в Петербург для дальнейшего следования с Бэром и другими его сотрудниками в Архангельск. Свои дорожные впечатления Леман подробно заносил в свой дневник.¹ Из последнего видно, как живо интересовался своей поездкой и как много поработал на Новой Земле молодой, полный сил, жизнерадостный студент. Дневник этот, как и последующие все отчеты Лемана о других его ученых путешествиях и сохранившиеся его письма свидетельствуют и об его незаурядном литературном таланте.

Достигнув 16 июля 1837 г. берегов Новой Земли, экспедиция провела на ней 6 недель, после чего благополучно вернулась в Архангельск. По отзыву сведущих лиц, это первое посещение Новой Земли натуралистами составило эпоху в научном изучении не только Новой Земли, но и вообще полярных стран. Конечно, выдающиеся результаты экспедиции объясняются прежде всего руководящим участием в ней мирового ученого,

¹ Архив АН СССР. См. также М. М. Соловьев, Новые данные о путешествии акад. Бэра на Новую Землю, Вестн. АН СССР, № 5, 19

академика Бэра, однако немалую долю ее успеха приходится приписать и энергичной, самоотверженной работе Лемана, единственного научного сотрудника Бэра в этой экспедиции. Описанию последней посвящена отдельная брошюра,¹ к которой мы отсылаем читателя. В ней освещена и роль Лемана, „разделявшего с Бэром“, как удостоверяет Академия Наук, „труды и лишения, с таковым путешествием неизбежно сопряженные“.

По окончании экспедиции Леман вернулся ненадолго в Дерт. Вскоре после приезда туда он получил приглашение от оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского обследовать в естественно-научном отношении управляемую им область.

Основательно подготовившись к этой работе, Леман весной 1839 г. отправился на Урал и летом изучил его южную часть в „зоологическом, ботаническом и геогностическом отношениях“.

В следующем году Леман принял участие в Хивинской военной экспедиции. Она была организована после того как лорд Аукленд вторгся в Кабул.

Царское правительство, обеспокоенное возможностью захвата Туркестана Англией, предприняло немедленно контрманевр против маневра

¹ М. М. Соловьев. Бэр на Новой Земле. 3-е изд., изд. Акад. Наук СССР, Л., 1934.

английского империализма. Был снаряжен поход на Хиву под начальством ген. Перовского. Поводом к военным действиям выставлялись „грабежи русских караванов, производимые хивинцами“, и увод ими нескольких сот русских в неволю—события, которые до вторжения англичан в Кабул, однако, не принуждали еще русского царя прибегать к оружию против хивинцев.

О том, насколько такое наступательное движение в Среднюю Азию, по мнению русской дипломатии, было своевременно, свидетельствует донесение „весьма энергичного“ русского посла в Англии Бруннова министру Нессельроде: „Лишь бы Перовский исполнял свое дело,—писал Бруннов 31 января 1840 г., — пусть он прогонит хана или повесит его—все равно, он поступит отлично, и никто вам в том мешать не может. Только умоляю Вас, предпочтите действия писаниям. Эти писания в настоящее время даже в Европе очень мало имеют значения, еще меньше стоят они в Азии“.

В чрезвычайно неблагоприятных условиях неудачно сложившейся для царского правительства хивинской военной авантюры Леман перенес в течение полугода много лишений и голода и холода. Экспедиционный отряд, к которому был прикомандирован Леман, состоял из 4000 человек конных и пехотинцев при 20 орудиях. Выступили в поход в ноябре 1839 г. Движение шло весьма медленно из-за огромного верблюжьего транспорта

(до 10 000 верблюдов), так что только к концу месяца войска сосредоточились на расстоянии 150 верст от Оренбурга на р. Илек.

Морозы за это время достигали 30 и более градусов. Вороватое интендантство, конечно, не позаботилось о должных запасах зимнего обмундирования и топлива, и в них поэтому стал скоро резко ощущаться недостаток. Глубокие снега, бураны при 20-градусном морозе, отсутствие топлива и теплой одежды развили среди солдат болезненность и смертность. „Пехота пашет по колена в снегу“, писал участник похода, чиновник особых поручений при Перовском, Даль.¹ Десятки людей вырывала смерть ежедневно из отряда. Так, 6 декабря,² в день „торжественного празднования тезоименитства императора“, погибли 37 человек от „нервной и простудной лихорадки“. 7 декабря, пишет Леман, при 30-градусном морозе число больных еще умножилось.

При этих условиях солдаты, совершенно не заинтересованные в удачном исходе похода, начали „проявлять неповиновение“. По методу Николая I их стали прогонять через строй и пороть. 1 декабря, сейчас же после перехода реки Илек, в присутствии всего отряда была совершена, как глухо замечает Леман в дневнике, „печальная экзекуция“.

¹ Владимир Иванович Даль, известный лингвист (1801—1872 гг.).

² Хивинский дневник Лемана. Архив АН СССР, фонд 56, оп. 1, № 2.

Характерен для Лемана эпизод, описываемый Далем в одном из писем с этого похода. „Вчера сидели мы все пятеро в юлламе (кибитка. М. С.) своей вокруг огонька, и Л. (Леман. М. С.) нас ужасно насмешил и распотешил. В чайнике нашем была водка; выпивши ее, мы положили в него снег, чтобы выполоскать, и поставили на огонь. Л., ничего этого не зная, взвыл по-верблюжьи и зарычал львом, когда голубое пламя внутри чайника стало пробегать по снегу. Мы со своей стороны отвечали преспокойно, что это не диво и что здешний снег всегда горит. *«Ist es möglich? wäre es möglich? Das wäre doch des Teufels»*¹— словом, у нашего ученого ум за разум зашел и начал доказывать, что в снегу могут находиться горячие частицы щелока, и тому подобное, выскочил, сломя голову из юлламы, ухватил, как вдохновенно беснующийся, ком снега и поднес его к огню, но снег не загорался; решено было в общем собрании, что снегом топить нельзя, а надо запастись дровами“.

По достижении Ак-Булака, где Леману пришлось поместиться в ужаснейшей, вырытой в солончаковой почве, землянке, в строю отряда осталась только половина людей и верблюдов.

Надо было возвращаться. В июне 1840 г. войска вступили в Оренбург, везя с собой 1200 больных и потеряв умершими свыше

¹ Возможно ли это? Да как же это возможно? Так ведь это же чертовщина!

1000 человек. „Уцелевшие, — пишет Даль, — радостно встретились с семьями и друзьями своими, а принесшие в себе неисцелимую немочь цыгги отправились помирать по больницам...“

Русский хивинский поход 1839—1840 г. дал своеобразный резонанс в Бухаре.

Английский полковник Чарлз Стоддарт, живший во время этого похода в Бухаре, рассказывал в 1842 г. начальнику русской миссии в Бухаре Бутеневу о впечатлении, которое поход русских произвел на бухарского хана Наср-Уллу. Бутенев в своем секретном докладе министру иностранных дел Нессельроде пишет:

„Эмир следил чрезвычайно тщательно за всеми движениями русских войск против Хивы, получая из степи весьма частые сведения о них через киргизов. Когда страх его усилился до известной степени, он призвал к себе одного, лично известного ему, ученого муллу и предложил ему вопрос, что «если бы неверные вооружились против какого-либо мусульманского государства, то другое соседственное мусульманское государство для выгоды своей страны могло ли бы предложить неверным помощь»? Он не называл государств, но здесь ясно были Россия, Хива и Бухария. Мулла отверг возможность такого поступка, и эмир был столь раздражен сим, что лишил этого муллу выгодного его места при одной из главных мечетей Бухары.

Через несколько времени, когда русский отряд еще более надвинулся в степь, эмир призвал дру-

гого ученого и спрашивал, можно ли махомеданскому государю покориться войску неверных с тем, чтобы в государстве своем сохранить свою власть и свою религию; ясно к чему клонился и этот вопрос, но и второй ученый, вероятно познавший участь своего предшественника, отверг это, и был за то посажен в яму.

Затем эмир собрал большой совет ученых и предложил им справиться по книгам, какие есть пророчества на счет будущей участи Бухарии и не опасна ли для нее война русских против Хивы. Ученые несколько дней перечитывали книги, судили и рядили и, наконец, принесли эмиру ответ, что, хотя видно, что Бухария должна со временем пасть от неверных, и что в ней водворится христианство, но враг придет не с севера или запада, разумея русских, и не с юга, разумея англичан, но с востока. Хотя это много успокоило эмира, однако как уже сказано выше, он не переставал для задобрения нас готовить провиант и фураж.

Подробности о беспокойстве эмира и о советах его с учеными при зимней Хивинской экспедиции я знаю от Стоддарта, который в это время, после первого освобождения из тюрьмы, находился при дворе эмира, а как все переговоры последнего всегда известны во всем дворце, то и он мог знать их. Лгать же таким образом мне Стоддарт не имел никакой причины и скорее мог бы из политических видов в отношении Англии

представить это дело в превратном виде, в невыгоду расположения или страха эмира к России“.

Леман не вернулся с Хивинским отрядом обратно в Оренбург. Натуралист отделился от элосчастной экспедиции еще весною того же 1840 г. и отправился в солончаковые пустыни, на северо-восточный берег Каспийского моря, где, несмотря на тоже очень суровую обстановку, собрал богатые научные коллекции. Интереснейшие Лемановские дневники этого путешествия хранятся еще совершенно не разобранными в Архиве Академии Наук СССР.

Истомленный хивинским походом и тяжелой работой на Каспии, Леман возвратился в Оренбург больной, но благодаря заботам одного дружелюбно расположенного к нему врача восстановил свои силы и тотчас же снова приступил к исследованию Южного Урала вплоть до Златоуста.

Зима 1840—1841 г. застаёт Лемана над разработкой собранных им коллекций в Оренбурге, но уже в мае 1841 г. неутомимый молодой исследователь покидает Оренбург для участия в открывающей ему блестящие научные перспективы экспедиции в Бухару.

Леман весьма старательно готовился к этому новому и ответственнейшему путешествию и потому очень сожалел, что не мог ознакомиться с запиской, составленной В. И. Далем, по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10

прапорщика Виткевича, относительно пути его в Бухару и обратно (1835 г-). ¹

Записка эта оказалась засекреченной и потому недоступной Леману. С самим же автором записки было разговаривать уже поздно.

Виткевич, бывший польский повстанец, разжалованный из офицеров в рядовые Оренбургского корпуса, потом прапорщик, потом русский политический агент в Афганистане, к тому времени уже покончил жизнь самоубийством или может быть был убит по приезде с секретнейшими документами из Афганистана в Петербург, накануне приема у Николая I.

„Замечательный для своего времени маршрут А. Лемана в Бухарской экспедиции захватил, — свидетельствует А. П. Семенов-Тянь-Шанский, — Башкирию, Южный Урал, южную полосу Киргизских степей на протяжении между Оренбургом и Аралом с прихватом Мугоджар и песков Большие Барсуки, затем низовья Сыр-дарьи, пустыню Кизилкум, равнинную Бухару и весь Самаркандский округ с долиной верхнего Зеравшана и горами до Урмитана и Варземинара в восточном направлении“ (см. карты между стр. 210 — 211).

Описанию последнего „многотрудного“ и рокового для Лемана путешествия в Бухару и посвящаются последующие строки.

¹ Рукопись. Архив АН СССР, фонд 56, оп. 1, № 19, 1835 — 1836 г.

Глава II. Путь от Урала до г. Бухары

1. От реки Урала до пустыни Кара-кум

17 мая 1841 г. Леман переправил на 8 верблюдах всю свою поклажу на южный берег быстрой, многоводной реки, широко разлившегося весной Урала, и разбил палатку вблизи лагеря миссии. Она „состояла из самых разнообразных элементов“ (Леман). Кроме „горных офицеров“, Бутенева и Богословского, дипломата-статистика и географа Ханыкова, натуралиста Лемана и переводчика Аитова, в ее многочисленный состав входили топографы, препараторы, золотопромысловики (штейгеры), рабочие с златоустовских заводов, прислуга, бухарцы — члены бухарского посольства, возвращавшегося из России на родину за смертью в Петербурге бухарского посланца, сыновья этого посланца, везшие с собой тело покойного, и, наконец, военные разного рода оружия. Один только конвой миссии под начальством полковника генерального штаба Бларемберга представлял внушительную силу в 400 конных уральских казаков, 100 пехотинцев и артиллеристов при четырех пушках. Во вьюках экспедиции были уложены про-

виант, деньги (на Бухарскую миссию и двух агентов в Хиву было выдано 1533 червонца из Оренбургской казенной палаты, да из Петербурга извезлось 6477 червонцев российской золотой монетой, всего 8000 червонцев), медали, ордена, драгоценные шелка, хрусталь, фарфор, парча, ситцы, богатое оружие,—все подарки хану, визирю и другим лицам, пожелавшим „извлечь выгоду“ из сближения с Россией; научные инструменты: барометр, психрометр, термометры, приборы для вскрытия животных и выделки чучел, энтомологические булавки, рыболовные сети, медикаменты, походные палатки, белье, одежда, парадные мундиры и пр.

Экспедиция на берегу р. Урала задержалась по разным причинам на несколько дней. Военный же отряд, построившись широкой колонной, выступил с песнями в поход на следующий день, 18 мая. Через два дня медленно двинулся в путь и весь громоздкий караван экспедиции.

Майор Ковалевский в своем путевом журнале во время следования по казахской степи (30 октября 1839 — 11 марта 1840 г.) пишет: „По измерению нашему, хорошие верблюды проходят удобным путем 4 версты в час, в дурную погоду и снегом от 3—2 верст. Это измерение почти соответствует измерению Бернса; ¹ мы держались его впоследствии, не употребляя пedomетра“.

¹ Александр Бернс, известный путешественник, английский политический агент в Афганистане, совершил путешествие в Бухару в 1836—1838 и 1839 гг.

К ночи экспедиция достигла речки Бердянки притока р. Урала.

Погода не благоприятствовала путешественникам. Весна очень запоздала. Дожди сменялись градом и даже снегом. Термометр показывал днем всего $+6^{\circ}$, ночью падал до -2° по Реомюру. И тем не менее расстилавшуюся перед путниками степь Леман нашел уже отцветшей, и от ярких цветов степных тюльпанов остались одни только коробочки.

На следующий день погода еще ухудшилась. Обильно выпавший и замерзший снег настолько уплотнялся на ободах колес, что мешал повозкам двигаться.

Путь шел среди холмов, к изучению строения которых Леман немедленно приступил. В юрских известняках, обнаруженных здесь, он нашел многочисленные ископаемые моллюски-аммониты, белемниты, плеченогие теребратули, в пермских песчаниках — древесные окаменелости.

Растительность в этих местах была очень бедной — низкий березняк, перемешанный с ольхой, черемухой, ивами. На возвышенностях встречались иногда хилые деревца боярышника, в низинах росла таволга, миндаль-бобовник, раkitник и береза.

Совершенно промокшие от дождя и снега путешественники достигли небольшой земляной крепости, передового поста Прохладного. Пришлось сделать привал, так как верблюдам было не

под силу нести отяжелевшие от дождя войлочные палатки. Отказываясь итти, эти „герои терпения и воздержанности“ ложились на землю, растянув шеи по земле.

На следующий день, наконец, потеплело. Появились первые бабочки и... „разбойнические“, как значится в походном журнале Бутенева, „киргизы“ (т. е. казахи). Уже в 6 часов утра стали доноситься издали сухие, короткие винтовочные выстрелы. Офицер, топограф экспедиции, под прикрытием 11 казаков русского отряда занимался в верстах трех в стороне от отряда съемкой. Неожиданно на них напали вооруженные ружьями, пиками и дубинами конные местные казахи в количестве от 200 до 300 человек. Конечно, казаки русского отряда, по свойственной царскому войску халатности, не захватили с собой винтовок и были только при холодном оружии. В результате схватки топограф и все 11 казаков отряда были поранены, кто пулями, кто пиками. У нападавших оказалось также несколько раненых и один убитый. Захватив лошадей и оружие у раненых казаков отряда, инструменты для съемки у топографа и подобрав труп убитого товарища, местные казахи быстро скрылись. Посланный вдогонку им отряд из 80 казаков отряда не нашел никаких следов нападавших. Пришлось раненых отправлять в Оренбург на телегах, доставленных из ближайшего форпоста к лагерю.

Все же в этот день удалось благополучно добраться, проделав 25 верст, до хорошо памятной Леману и Ханыкову еще по Хивинскому походу глубоководной реки Илэк с глинистым дном и большими зарослями тростника по берегам. Встречались и деревья по Илэку: тополи, ивы и жимолости в цвету. Неподалеку от реки тянулось на несколько верст узкое, с илистым дном, Караван-озеро, совершенно заросшее темнозеленым камышом и другими болотными растениями. Озеро это было излюбленным зимним местопребыванием кочующих казахов. В глубоких ямах, вырытых ими около озера, были спрятаны дрова, части кибиток и различная деревянная посуда. Располагавшиеся здесь на зимовку аулы казахов начинали продвигаться на север по приходе весны.

Потом пошла песчаная и солончаковая степь „такым“.

Начиная от Караван-озера обозначился ясный след колесной дороги, по которой перед несчастной Хивинской экспедицией возились сперва материалы для возведения в степи укреплений, Эмбинского и Чушкакульского, а потом и припасы в эти построенные укрепления. Только через 5 дней, по дороге к урочищу Биш-Тамак, когда миссия отклонилась к востоку, след колесной дороги потерялся.

В этих краях Леману пришлось впервые ознакомиться с казахами, страдающими чрезвычайно

распространенной среди них болезнью ришта, вызывающей под кожей человека в самых разнообразных местах тела болезненные опухоли. Жаркий климат и нечистоплотность бедных, обираемых податями, нарочито содержимых в духовной темноте жителей очень способствовали развитию среди них этой болезни.

1 июня экспедиция поднялась на плоскую, болотистую возвышенность — место истока реки Илёка (Биш-Тамак).

Пять небольших речек сливались здесь, образуя Илёк.

Выбрав место стоянки, разбили палатки, коновязь, развьючили верблюдов, напоили их и пустили пастись. Пехота составила ружья и разложила костры. Казаки экспедиции закинули сети, принесшие им на обед много щук, карасей, лещей, подлещиков и линей. Выйдя из палатки, где его ждала уже построенная на колышках постель, Леман взобрался неподалеку от места стоянки на гряды холмов и увидел по ту сторону холмов какой-то чужой лагерь. Подумал было, что экспедиции придется снова иметь дело с нападением, но на самом деле оказалось, что это бухарский купеческий караван, идущий к Оренбургу.

Следующая встреча с людьми также обошлась без „неприятностей“. Появившееся на горизонте сборище всадников с табуном лошадей оказалось отрядом из 120 казахов-кочевников, во главе с одним уже

не „разбойным“, а дружественно-настроенным, по выражению Бутенева, султаном. Султану, представителю эксплуататорской верхушки народа, было, конечно, совсем невыгодно ссориться с царской миссией. Он предложил поэтому сопровождать экспедиции до реки Сыр-дарьи, чтобы облегчить нахождение в пути казахских стоянок, да кстати разрешил пользоваться и кумысом из его табуна, что при безводье в степном походе имело большое значение.

Громадный караван, теперь без малого в тысячу человек, двинулся в путь через поросшую полынью степь, становившуюся все пустыннее и безотраднее.

Через два дня (7/VI) вдаль завиделись сглаженные и спокойные очертания живописных на фоне унылой равнины Мугоджарских гор. Местность стала повышаться, и спустя сутки караван остановился у самого подножья горной цепи. Отдохнув, двинулись в скалистые, с узкими „дефилями“ горы, между обнажениями диорита, сиенита, слюдяного сланца. 20 с лишним верст шли среди сплошных, красных от лишайников, каменистых россыпей, подымавшихся закругленными вершинами. „Будь бы здесь еще хвойный лес,—замечает Леман,—можно было бы подумать, что путешествуешь по Финляндии“.

Но на пустынных Мугоджарах лишь на дне сырых ущелий росли маленькие березы и ивы. Между травами Леман различил касатика, лапчатку, молодила, звездчатку, дикий лук, серпуху.

Ознакомившись с геологией проходимых гор, Бутенев признал в них „некоторую благонадежность на открытие песчаного золота“ и потому поручил Богословскому сейчас же „составить о сих местах краткие замечания, сколько позволяла скорость следования каравана“. Богословский быстро выполнил поручение. В конце своей обстоятельной записки он говорит: „Вообще должно сказать — формация здешняя совершенно сходна с формацией зеленокаменной Миасских золотых промыслов, а потому и весьма не безнадежна к открытию в ней золота, особенно на речке Тиль-Тешкан“.

Донесение это было отправлено в Петербург, в Департамент горных и соляных дел, а оттуда поступило на рассмотрение консерватору Геологического музея Академии Наук профессору Г. П. Гельмерсену, будущему академику. Последний в своем отзыве (26 октября 1841 г.) констатирует, что данные Богословского совершенно подтверждают прежние понятия об этом крае, как о продолжении Уральского хребта. „Основываясь на этом, некоторые жители Оренбурга давно полагали, что в Мугоджарских горах также должны встречаться золотоносные россыпи“.

„Было бы весьма любопытно и полезно, — продолжает Гельмерсен, — поручить г. Богословскому на обратном пути отыскать южный конец Мугоджарских гор (т. е. Урала), разумея под этим то место, где совершенно исчезают все горные

породы, характеризующие Уральский хребет, и где вместо их являются горизонтальные пласты осадочных почв, составляющих высоты между Аральским и Каспийским морями. Урал должен оканчиваться между Мугоджарскими горами и Усть-Уртом (горной возвышенностью, разделяющей Каспий от Урала). Это было бы тем любопытнее, что ныне дознано, что северная оконечность Урала находится на Новой Земле (по наблюдениям гг. Бэра и Лемана 1837 г.)“.

В последующем, однако, было решено не загружать „по недостатку ни времени, ни способов“ миссии этими дополнительными, сверх плана, научными исследованиями.

Находясь в пределах Мугоджарских гор, утром 12 июля, рассказывает Бутенев в своем походном журнале, кочующие казахи, засевшие за одну скалу, сделали несколько выстрелов по боковому патрулю. Когда дано было знать об этом в отряд, за ними отправлена была погоня из казахов отряда, человек в сорок. Они догнали обстрелявших караван враждебных казахов, бывших в числе около тридцати человек. Последние быстро поворотили назад и с криками и гиканием двинулись на казахов русского отряда. Те „не выдержали угрозы и рассеялись, потерявши одного человека, захваченного в плен“. Только мало-помалу в течение двух дней бежавшие казахи русского отряда присоединились к нему по одному и по два человека. На следующий после набега

день возвратился к отряду и „вчерашний пленник“ враждебных казахов. Он спасся от них ночью, получив пять легких ран.

Горы, ущелья остались позади. Экспедиция углубилась дальше в полынно-солончаковую степь. Перешли при сильной грозе реку Иргис с ее песчаными берегами. Пустынный ландшафт стал оживляться различными животными. По земле, шипя, проскользнули глинисто-желтоватые с красными пятнами ящерицы-агамы, и Леман подстрелил кулика-сороку, поймали пахучую землеройку, издававшую очень слабый мускусный запах. Морда у нее было вытянута в длинный острый хоботок, мех ее был мягкий, густой и бархатистый.

Встретился сурок — крупный грызун, шкурка которого шла на тулупы и шапки, а сало считалось целебным; он резким свистом обнаружил свое местопребывание. Сидел сурок на задних лапках, с любопытством глядя на проезжавшего человека, потом опрометью бросился бежать и пытался скрыться в огромную нору с накиданной около нее большой кучей земли. Это ему не удалось сделать. Смертельно раненый, он не добрался до своего дома и попал в коллекцию Лемана.

Под сильным и холодным дождем дошли до озера Кара-Куча (20 — 21/V). В его густых камышевых зарослях казаки уложили дикого кабана, по-казахски „чушка“ (*Sus sceropha*). Три железных копыя согнули, а одно сломали, чтобы

добить это „нечистое, запрещенное кораном Магомета“ животное. Во многих местах взметанная земля и утопанные камыши говорили о том, что кабан здесь был не один. На самом озере плавали лебеди, ныряла поганка большая, в камышах трепыхались чирки, около берега уловили тупорылую водяную крысу. В сумерках на близлежащих песчаных холмах прыгали изящные желтоватые длиннохвостые тушканчики. Обращали сразу внимание их громадные глаза и крупные торчащие уши, свидетельствовавшие о хорошем зрении и слухе. Убегая от опасности, тушканчики как вихрь неслись большими прыжками, отталкиваясь своими длиннейшими задними ногами.

2. Через пустыню Кара-кум до пустыни Кызыл-кум

*Я знаю людей, влюбленных в
ночи пустыни, в саксауловые
леса, в ночные костры, в блуж-
дание среди барханов, и знаю
таких, чьи волосы в пустыне
стали белей солончаков.*

(Тихоно в. Кочевники. 1933).

Во второй половине июня экспедиция стала приближаться к черным пескам приуральских Кара-кумов, пустыне, окаймляющей северо-восточный угол Аральского моря.

Здесь, говорили проводники, „бродят косяками в несколько десятков штук дикие ослы, куланы

кабаны и их смертельные враги — тигры“. Внезапно появились заросли жесткого кустарника - саксаула, рассеянного по всему необозримому степному пространству. Иногда саксаул перемежался с иланом (*Ferula asafoetida*). Корни его всюду в Бухаре служили целебным средством. Казахи поэтому с жадностью вырывали их и прятали в свои карманы.

Пробираясь под вечернюю пору среди редкой поросли кустарников, Леман натолкнулся на чрезвычайно быстро бегущую птицу, величиной немного больше дрозда, беловатого цвета, с черным хвостом. Помогая себе взмахами крыльев, она делала своими длинными ногами как бы огромные шаги, достигавшие более $1\frac{1}{2}$ метра. Странная птица пронеслась до ближайшего куста, спряталась за него и оттуда стала выглядывать, выжидая, когда уйдет человек. Леману удалось убить птицу. Она оказалась характерным обитателем пустыни — саксаульной сойкой.

Пошли дожди. Верблюды, шлепая своими широкими, как подушки, ступнями, с трудом проходили через вязкую топь болотистых солончаков. Некоторые низменности были даже сплошь залиты водой.

В конце июня (25—30) экспедиция вступила в область летучих песков Кара-кумов. Путь шел между однообразными желтыми барханами, огромными песчаными холмами с дымящимися верхушками. Пустыня была совершенно лишена естест-

венных вод. Спасали людей только редкие колодцы с пресной водой. Воду доставали кожаными ведрами. В большинстве колодцев вода была солоноватая, годная только для скота. В некоторых случаях „колодцы содержали такую вонючую воду, что нельзя было даже поить ею скот“. ¹ Про один из колодцев с пресной водой Леман пишет, что вода в ней была „вполне переносима“, правда, в ней плавалидохлые рыбы, живые лягушки и водяные крысы (колодец Алтыкудук).

Мрачные места эти оживлялись только представителями из пернатого мира. Караван сопровождали пустынные рябки-саджи, охотившиеся за насекомыми. У водопоя со свистом собирались в большие стаи эти превосходные летуны и плохие бегуны. Опустившись к воде, они торопливо пили несколько глотков и сейчас же поднимались снова. Передние птицы стаи успевали напиться и подняться, когда задние только еще опускались. Несколько сот этих птиц быстро улетели в порядке сплошным треугольником, держась низко над землей. При этом рябки издавали крик, похожий на слова: трюк-тюрюк, трюк-тюрюк. Ранним утром у одного из колодцев, перелетая с места на место по верхушкам тамарисков, рас-

¹ См. „Записку, составленную по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича, относительно пути его в Бухару и обратно“. Рукопись Архив АН СССР.

певали маленькие пичужки, пеночки-камышевки (курчалак). Время от времени вспархивали отдыхавшие на земле и вспугнутые караваном ширококлювые козодои. Тонкий слух этих птиц во-время предупреждал их о грозящей опасности. На заре, когда козодои кружились высоко в воздухе, выделявая разные штуки, они очень напоминали Леману родных ласточек.

Появились первые скорпионы. Один из них ужалил верблюдовожатого казаха, „однако без особенно вредных последствий“ (Бутенев).

Из растений среди сыпучих песков больше всего обращали внимание серебристые кусты удивительно ароматной песчаной акации.

29 июня на переходе до колодцев Кара-Кудук „находившийся при миссии киргиз (чит. казах), — пишет Бутенев в своем походном журнале, — по неосторожности отъехал в сторону от миссии версты на две и, встретясь с незнакомыми киргизами (казахами), был ими ограблен и потерял все бывшее на нем платье и двух лошадей, из которых одна была заводная.¹ Малые средства миссии не позволили направить людей для отыскивания хищников и возвращения собственности киргиза“ (казаха).

Поймал Леман здесь занятого зверка, степного ушастого ежа (*Hemiechinus*). Еж этот был поменьше своего европейского сородича, и иглы

¹ Т. е. сменная, запасная.

у него были покороче. Но что особенно бросалось в глаза — это его огромные уши, значительно длиннее половины головы. Леман захватил его с собою живым. Ежик быстро приручился и стал общим любимцем, привык к кличке, давал брать себя в руки и ел без разбора все, что ему ни давали, — насекомых, ящериц, змей, мышей и даже маленьких птичек.

Форсированным маршем экспедиция взяла курс дальше на юг. Летучие пески сменились ровными глинистыми белополынными степями и солончаками. Редкий и бедный по составу травостой этих степей сейчас, к середине лета, совершенно выгорел, отчего местность казалась особенно пустынной.

30 июня караван находился уже в 5 верстах от Аральского моря. Леман и Ханыков в сопровождении двух казахов отправились к морскому берегу. Миновав барханы, они увидели вдали на юге голубую полосу воды. Многочисленные заливы и бухты моря оказались сплошь заросшими камышом. Казахи предупредили, что в их густой чаще можно легко натолкнуться на табуны кабанов, что далеко не безопасно. Камышовые кабаны звери крупные, покрупнее горных кабанов. Если их затронуть или, еще того хуже, ранить, они, по рассказам казахов, с невероятной быстротой нападают на охотника и могут нанести ему тяжелые раны своими огромными клыками. Пришлось взобраться, чтобы обозреть местность, на

один из глинистых холмов. Он весь был покрыт плотными, иногда почти шарообразными кустами тамариска. А караван в то время, спеша дальше к Сыр-дарье, ужеснялся, и его надо было догонять. Путь его шел мимо небольших соленых озер.

4 июля утром узнали, что вблизи движется из Бухары другой караван, в котором находится русский купеческий приказчик Кононов. Для получения от него сведений о Бухаре, Бутенев послал к приказчику казаха отряда с письмом. На следующий день посланец Бутенева вернулся раненый стрелой, на раненой же лошади. Оказалось, что в пути на него напали казахи-кочевники. Вскоре получили известие, что „отставшие от указанного каравана двадцать пять верблюдов были ограблены. Два человека, бывших с верблюдами, возвратились пешком в караван, а третий — престарелый — не мог идти и остался на дороге“. На следующий день отряд натолкнулся на этого старика. Он изнемогал от голода и жажды. Миссия взяла его с собой.

Привал сделали у обширного пресноводного озера Ай-гиряк, длиной верст 25. Вечером к месту стоянки экспедиции подошли еще два больших бухарских купеческих каравана. В каждом из них было по тысяче верблюдов. Наполнив водой из озера все бурдюки (кожаные мешки), экспедиция двинулась через совершенно безводную местность по направлению к Сыр-дарье, к которой и подошла в начале июля.

Отсюда Бутенев отправил в г. Бухару нарочного к визирю с письмом. В нем начальник миссии извещал о русском посольстве, о письмах царя к эмиру, о письмах и подарках к визирю, о присылке горных офицеров, о смерти в России бывшего бухарского посланца и о теле последнего, „везомом в Бухарию с сыновьями“. Посланный казах доставил письмо визирю, был одарен халатом и на другой же день отправился назад с чиновниками, которые должны были встретить миссию в Карак-ате.

Теперь предстояло каравану перейти на другую сторону широкой и глубоководной Сыр-дарьи. Ширина ее достигала 160 футов, глубина 24 фута. Течение было довольно быстрое, встречались водовороты. Перебраться через нее не удалось сразу. Надо было получить разрешение на переправу от начальника недалеко отстоявшей Хивинской крепостцы. Задержали переправу, кроме того, дожди и сильные грозы.

„В ночь с 7 на 8 июня, — отмечает Бутенев в походном журнале, — на Сыр-дарье был продолжительный проливной дождь, сопровождаемый ужаснейшей грозой, подобную которой мне, кажется, не случалось никогда слушать“. В такую погоду приходилось переплывать реку на плохих, похожих на барку, весьма непрочных лодках с совершенно плоским дном. Они текли так сильно, что во время переезда люди беспрестанно отливали воду. Лодки эти происходили из Хивы и при-

водились на Сыр-дарью длинным путем через Аральское море.

В конце концов все обошлось благополучно.

Перейдя на другой берег реки, экспедиция торжественно распрощалась со своим военным русским конвоем и отправилась самостоятельно дальше. С путешественниками осталась только небольшая воинская охрана (12 казаков). Люди стали еще больше настороже...

Прекратились постоянный грохот от движущихся пушек, мерный топот от тяжелого марша пехоты, дробь барабанов на утренней и вечерней заре, замолкли веселые солдатские хоровые песни, шум и стук сотен лошадиных копыт. С наступлением темноты, когда молчание ночи низшло на пустыню, в походе стало особенно тихо. Неслышной поступью мозолистых ног двигались по густой лессовой пыли один за другим сотни верблюдов с неизменным проводником, ослом-ишаком, — впереди. Только мелодический, слабый аккордный перезвон бронзовых колокольчиков, подвешенных на шее каждого верблюда, нарушал безмолвие теплой звездной ночи.

Так подошел караван к рукаву Сыр-дарьи, узкой, но местами очень глубокой с илистым дном Куван-дарье. Отвесные берега ее были усеяны казахскими могилами, сложенными из глины. Они имели вид „храмиков странной архитектуры“, — записывает Бутенев в своем походном журнале. В воде реки, прозрачной и вкусной, росли во

множестве кувшинки, водяные лютики, рдесты, частуха и ряска. Над камышами Кувана целыми стаями кружились персидские щурки, охотясь за стрекозами. Удалось убить здесь ибиса-каравайку и кукушку.

Долго искали брода через эту речку, наконец успешно перебрались, хотя вода доходила у лошадей выше груди. Седокам приходилось подбирать ноги и поднимать кверху оружие. Местность на другом берегу Куван-дарьи оказалась очень заселенной. Вокруг больших аулов ходили бесчисленные стада курдючных овец и верблюдов.

Старшина этих аулов посетил экспедицию, засвидетельствовал путешественникам глубочайшее почтение, просил принять уверение в дружбе и готовности ко всяческой помощи, но, получив в подарок шелковый халат и конфеты, быстро и навсегда ретировался. Вечером лагерь наводнило множество казахов, мужчин и женщин, нагруженных овечьим и коровьим молоком, маслом, войлочными одеялами и тканями из верблюжьей шерсти для продажи. Цены они при этом заламывали невероятные и выражали большое возмущение, когда с ними торговались.

Покинув берега Куван-дарьи, экспедиция в два дня, при температуре $+28^{\circ}\text{P}$ в тени и $+37^{\circ}$ на солнце, добралась через безводную степь, покрытую саксаулом, до местности, где должна была находиться река Яны-дарья. Сухость воздуха была чрезвычайная. „Хотя один из термометров, при-

надлежавших к бывшему со мной психрометру — пишет Бутенев, — был разбит еще в начале путешествия и потому нельзя здесь привести точных указаний степени сей сухости, но об ней можно судить уже потому, что однажды . . . вечером в кибитке моей, желая очистить рукою пыль с кожаной дорожной подушки моей, я заметил обильное отделение электрического света при каждом проведении рукою по коже подушки. Это явление я показывал всем бывшим при миссии... да и после часто повторял его для забавы“.

Голуби, сороки и грачи кружились над караваном. Около высохшего русла реки бегали, помахивая хвостиками, трясогузки. На вершинке саксаулового куста высматривал добычу сорокопут.

Растительность стала здесь богаче. Саксаул достигал уже размеров небольших деревьев и образовывал вместе с цветущими красноватыми тамарисками своеобразные леса. Тамариски эти дали экспедиции давно желанную тень. На ветках саксаулов и тамарисков, на самом солнце-пеке, встречались застывшие фигуры степных агам, крупных ящериц с раздутым мешком на горле. Они не бежали при приближении человека. Когда Леман ударял такую неподвижную агаму прутиком, она сваливалась и сейчас же ее горло окрашивалось в густой чисто-синий цвет, и окраска эта ползла на брюхо и на конечности. За способность менять свой цвет агама эта получила, как известно, название „русского хамелеона“.

Поверхность земли, то глинистая, то песчаная, серого, желтовато-серого и бурого цвета, вся покрытая трещинами, была буквально изрешетена норами грызунов, так что лошади на ходу все время проваливались и рисковали упасть.

В такой обстановке Леману трудно было угодиться за двумя внезапно появившимися зайцами-толаями. Они благопучно улепетнули от охотника. Зато удалось понаблюдать, как темный полынновый орел, кружившийся высоко в воздухе, вдруг сложил крылья, камнем упал вниз и схватил суслика.

Достигнув берегов Яны-дарьи, путешественники, к своему изумлению, самой реки уже не нашли. Она совершенно высохла и, очевидно, давно. Путешественники не знали, что за семь лет до их экспедиции проезжавший здесь по пути в Бухару русский агент Виткевич воды в Яны-дарье, как и они, не обнаружил.

В своей „Записке“ (см. стр. 43) Виткевич говорит: „Яны-дарья ныне суха вовсе. Полуоседлые кайсаки около Сыра, занимающиеся хлебопашеством под защитой ташкентцев, сделали плотину для задержания воды, пущенной по пашням“. Впоследствии то же рассказывал Леману в Бухаре английский путешественник лейтенант Конолли. Дно реки в 1841 г. успело сплошь порости кустами тамариска. Под тенью его развилась богатая растительность. Многие редкие экземпляры ее украсили гербарий Лемана.

3. По пустыне Кызыл-кум. Река Зеравшан. Прибытие в столицу эмира—Бухару

Теперь предстояла едва ли не самая трудная часть похода — пройти под палящим солнцем через совершенно безводную пустыню Кызыл-кум, что значит красный песок. В самом узком месте, по крайней мере на 300 верст, тянется песчаное море с громадными медленно движущимися, красновато-желтыми волнами, напоминающими вздыбленные волны океана. Тень от этих барханов дает отдых только к вечеру. Но берегитесь прикурнуть во время пути около такого предательского холма в то время, как караван движется дальше! Остаться позади каравана в этих гиблых местах — значит потерять его навсегда. Упустив из виду своих спутников, многие гибли здесь мучительной смертью, не находя выхода из окружающих песчаных нагромождений, быстро заметающих следы верблюдов и людей. „Южная часть Кызыл-кума, через которую нам довелось идти, — писал Виткевич, — гораздо бугристее северной; песчаные холмы с дом вышиной и так круты, что верблюды с выюками непрерывно падали и опрокидывались боком и навзнич. Печальней этой пустыни трудно себе что-нибудь представить“. Вода колодцев не утоляла жажды. В одном из них вода оказалась теплой и мутной, в другом

„весьма мутной и имеющей сильно вяжущий купоросный вкус“ (Бутенев). По недостатку воды и трудности переходов пало пять выючных верблюдов.

Погода стояла почти безветренная, но зато часов с 11 утра и до 5 вечера беспрестанно налетали внезапные, быстро пронесившиеся, сильные вихри. Они крутили песок и часто поднимали густые столбы его на неизмеримую высоту. К счастью, маленький караван миссии не попадал в самые сильные столбы вихря. Однако и небольшие столбы его засыпали путешественников раскаленной соленой пылью, жегшей их вместе с горячим воздухом „подобно сильному пару“ (Бутенев). Губы у людей почернели и потрескались. Ноги вязли в песке.

Мучили путешественников также частые миражи. Они показывались утром с началом жары и пропадали вечером, когда жара начинала спадать.

„Большей частью явление это, — рассказывает Бутенев, — представлялось на горизонте в виде огромной массы воды, над которою возвышались более отдаленные, видимые за нею предметы иногда на чрезвычайную высоту; бывали случаи, что эта мнимая вода закрывала горизонт и за нею не было уже видно других предметов. Этот обманчивый вид обильной воды при переходе через безводную пустыню еще более возбуждал жажду путников, брошенных случаем

в эти ужасные места в самое жаркое время года" (Бутенев).

Не раз встречалась здесь Леману крупная, более $1\frac{1}{4}$ метра длиною, ящерица-крупноголовка ушастая (ичкемер по-казахски). Стоя на гребне песчаного бугра-барханчика и высоко поднявшись на ногах, она четким силуэтом издалика красовалась на фоне чистого безоблачного неба. При приближении человека, ящерица мгновенно исчезала с глаз, зарываясь в песок.

Еще чаще попадался другой вид ящерицы — песчаная круглоголовка. Со страшной быстротой носились эти крошечные, не длиннее пальца, ящерицы, цвета окружающего песка, под палящими лучами солнца, взлетая на крутые склоны бугров и беспрестанно меняя направление.

Среди больших лишений экспедиция добралась, наконец, до скалистых, лишенных растительности Буканских (продолжение цепи Кукяртли) гор Бухары. Как утесы в море, подымались они в пустыне. Через узкое горное ущелье экспедиция вышла к давно желанным Баккалинским ключам. Казахи, хозяева аула, чрезвычайно радушно встретили путешественников и оказали им всяческую помощь.

Леман пошел исследовать местность и среди гранитов гор опять почувствовал себя точно в Финляндии. Не хватало только хвойных лесов, возделанных полей, хуторов и зеркальных озер, да еще финляндской прохлады.

Отдохнув, отправились снова в путь-дорогу через пустынные глинистые пространства и солончаки. Из-за несносной жары шли больше ночью. На востоке стали обрисовываться в лиловом тумане отроги гор Алтан-тау, замечательных своей бирюзою — бухарским туркисом. Вскоре после этого на юго-востоке выросли в степи отвесные кручи Сузус-Кара-тау, а за ними потянулись сглаженные, округленные возвышенности из глинистых сланцев Амана-тау. 31 июля караван, истомленный безводной пустыней, достиг целебных сернистых источников Карак-ата. Между старыми тузовыми деревьями струился здесь маленький ручеек, пропадаая на расстоянии нескольких километров в песке пустыни.

В Карак-ате экспедицию ждал посол бухарского эмира со своими чиновниками. С ними вместе экспедиция пошла дальше по безотрадной глинистой степи до селения Акытмы. Здесь караваны обыкновенно встречались бухарцами и привозимые товары облагались пошлинами. Для этой цели, пишет Виткевич, караван делился на три части: на бухарцев городских, деревенских и татар. „Первым прикладывают печати к тюкам и собирают пошлину в Бохаре; вторых осматривают и собирают пошлину тут же; татар как случится, но обыкновенно обирают их также на месте“. Без грабежа и насилия при осмотре купеческих караванов, повидимому, дело действительно не обходилось.

По свидетельству Виткевича „брали, что хотели, что кому нравится“. „Перед тем, как проверять товары, — рассказывает дальше Виткевич, — сборщик пошлин (бек-бий) — важное лицо — окинул стоявших перед ним покорных купцов жадным оком и приветствовал их громовым голосом, обещав избить палками каждого, кто осмелится утаить что-либо из товаров“.

В частности у Виткевича, под видом пошлины, отобрали львиную долю принадлежавших ему червонцев.

Караван царской миссии осмотру не подвергался.

Миновав солоноватые источники Акытмы, путешественники шаг за шагом начали вступать во все более и более культурные и заселенные области страны.

Особенно вспоминалась Леману ночь в глухо-заросшем парке одной таможни. Прозрачный месяц белел на темном небе. Палатки были раскинуты в прохладной тени под свежей зеленью пирамидальных тополей, раскидистых вязов, ив. За парком виднелись поля джугары, люцерны, заменявшей здесь сено, бахчи дынь и арбузов.

По дороге, на постоянных дворах — каравансараях — люди питались свежим хлебом, угощались виноградом, дынями.

В начале августа экспедиция вошла в маленький, с кривыми переулочками, городок Вабкенд, где быстро была окружена базарной, достаточно

назойливой, толпой народа. Только палочные удары угодливых для царских представителей бухарских полицейских аксакалов (что значит белая борода) дали возможность каравану продвигаться дальше. Путь шел среди беспорядочно разбросанных глиняных мазанок, зачастую до половины развалившихся, с плоскими кровельками. Каждый двор был обнесен глиняными стенками. Вокруг виднелись сады, виноградники.

„Трудно назвать Вабкенд городом, — писал Виткевич, — да бухарцы сами одну только столицу свою чествуют этим именем“.

Миссия находилась уже на расстоянии не более 15—20 километров от самого города Бухары. Но бухарские чиновники повели ее, повидимому, по указанию свыше, окольными дорогами, сильно удлинившими путь. По краям дорог, в канавках, бежала мутная вода. Канавки собирали лишнюю воду с бесчисленных оросительных каналов-арыков, пересекавших поля. Освещенные ярким солнечным светом, богатые сады с фруктовыми деревьями виднелись из-за высоких глинобитных стен дувалов. „Едешь непрестанно, — рассказывает дальше Виткевич, — между глиняными стенами или между пашнями, изрезанными канавами... На канавах построено множество мельниц-мутовок... мельницы стоят на курьих ножках, на кривулинах в руку толщиной, и обмазаны глиной“.

Спустя несколько часов, экспедиция очутилась у реки Зеравшана, второй после Аму-дарьи реки

Бухарского ханства. На ее берегу происходила ярмарка. Несметные толпы окружили прибывших, и понадобилось много стараний полицейским и казакам отряда, чтобы очистить дорогу каравану. Прикомандированные к экспедиции бухарские чиновники раболепно угощали членов императорской миссии, во время разгона любопытных, дынями, арбузами, грушами, фигами, персиками.

Только-что двинулись в путь, как пришлось снова остановиться. Необходимо было познакомиться с еще более высоким послом эмира, выехавшим навстречу экспедиции. Бухарские чиновники называли его министром иностранных дел. Это был хорошо упитанный, видный молодой человек, сидевший на прекрасном, породистом, богато разукрашенном аргамаке. Одет он был в ярко расцвеченный атласный халат русской фабрикации. За кушаком у него был заткнут длинный кинжал в позолоченных ножнах.

После кратких приветствий министр предложил членам экспедиции следовать за ним сейчас же к эмиру, который пожелал их видеть немедленно.

Скорым маршем проехали приглашенные среди притекающих масс народа к небольшой беседке. Здесь они спешили, остановили верблюдов, везших выюки с уложенными в них царскими грамотами и парадным платьем, достали их и быстро, на глазах бесчисленных зевак, облеклись в парадные мундиры. Во время переодевания перед путешественниками появилась еще более важная пер-

сона в вышитом золотом халате и уже не одна, а в сопровождении целой свиты. То был военный министр Бухары Наиб Абду-с-Самет-хан — личность, которой предстояло сыграть большую роль в судьбе миссии.

Оба министра предупредительно обождали, пока члены миссии закончили свой туалет, после чего все направились среди жадно рассматривавшей их толпы народа к самому городу — „Бухарашериф“, т. е. знатной Бухаре — „жемчужине среди городов земли“.

Проследовав через городские ворота, с трудом пробрались через ряд узких улочек, по которым, тихо ступая, проходили караваны верблюдов, плелись телеги, ехали всадники и шли пешеходы, проехали площадь Регистан и, наконец, достигли высоких стен ханского дворца, стоявшего на небольшой возвышенности. Здесь все должны были сойти с коней. Только начальник миссии, инженер Бутенев, и четыре старших члена миссии получили право следовать на лошадях до самого дворца.

В покои эмира они были введены через длинные переходы, „усаженные с обеих сторон придворными чинами, служителями и другими охотниками до зрелищ“ (Бутенев) под руководством церемониймейстеров, вооруженных длинными разноцветными и позолоченными жезлами. Обширное помещение, в котором находился эмир, было очень просто, почти без украшений, только пол был весь

устлан богатыми коврами. В стенах виднелись ниши. Вдоль стен чинно сидели на коврах в халатах и чалмах приближенные хана. „Его светлость высокий эмир—да продлит Аллах его счастливые дни“ восседал на другом конце зала на низкой подушке, очень просто одетый, в халате из белого мусселина и такой же белой, ровно свернутой чалме. (рис. 1). Члены миссии приветствовали эмира повоенному, отдав честь рукой к козырьку головных уборов, которые они не снимали. В виде особого почтения к прибывшим, им было разрешено в присутствии эмира сохранить оружие, несмотря на то, что, как правило, никто вооруженный не допускался во дворец эмира.

Деспот, — пишет Леман, — в течение нескольких долгих минут всматривался молча в чужестранцев, повидимому, удивленный тем, что они не пали перед ним на колени, как это делают его подданные. Не дождавшись от членов миссии коленопреклонения, эмир распорядился визирю принять от посланцев адресованное на его имя царем письмо и передать ему. После этого эмир громким голосом произнес подобающую случаю молитву, повторенную присутствующими бухарцами, и дал знак к окончанию аудиенции, не сказавши таким образом с Бутеневым ни слова. „Имея предписание не торопиться с переговорами, — сообщал в рапорте Бутенев, — я был даже доволен сим“. Путешественники поклонились эмиру опять-таки по-европейски и покинули зал.

Рис. 1. Эмир Бухары Наср-Улла Бахадур-хан.
(Н. Н. Ханыков. Описание бухарского ханства. СПб. 1843 г.)

4. Личность эмира

Что же представляла собою личность, которую в такой торжественной обстановке „дружески“ приветствовал при посредстве своей миссии самодержец всея Руси, блюститель „порядка“ и „законности“ в Европе, Николай I?

По наведенным Ханыковым справкам, выяснилось, прежде всего, что эмир Наср-Улла Бахадурхан Мелик Эль-Муменин попал на „престол своих отцов“ совершенно „незаконно“ в результате сложных и длительных дворцовых интриг, закончившихся „мокрым делом“, — „через кровь“ как говорят на востоке.

Курьезнее всего, что дорога к власти, избранная эмиром, до некоторой степени совпадала с путем, приведшим к всероссийскому престолу и „помазанника божьего“ Николая (убийство отца Николая, Павла, Декабрьское восстание и замена старшего брата Константина младшим Николаем).

Эмир был вторым сыном своего предшественника на троне Бухары, и занимаемое отцом его место по порядку должно было перейти к его старшему брату Хусейну.

Хитрый и вероломный, удивительно вкрадчивый, Наср-Улла заблаговременно, еще при жизни отца, сумел ласками и подарками завербовать себе влиятельных сообщников, которые обещали ему

помочь в овладении престолом. К несчастью для него, неожиданно быстрая смерть отца в 1826 г. застала его вдали от столицы и тем нарушила его расчеты.

Наср-Улла немедленно послал новому законному эмиру, своему старшему брату, гонца с уверением в верноподданнических чувствах и дружбе. Одновременно он начал спешно собирать войско, чтобы отнять престол у брата, и подкупил близко стоявших к новому эмиру сановников. Особенно успешно при этом выполнял свою предательскую роль один из довереннейших придворных эмира, его первый министр (куш-беги). От яда, данного последним эмиру, Хусейн умер после всего трехмесячного „благополучного царствования“.

Но не дремал и третий младший брат эмира Омар-хан и, благо находился тут же в Бухаре, сел сам на место отравленного брата. „Возмущенный таким нарушением его законных прав“, Наср-Улла написал послание, в котором требовал передачи ему, старшему и законному наследнику, достояния отца, и, не дожидаясь ответа, направился со своим войском к Бухаре.

На пути один город за другим сдавались ему. В захваченном им Самарканде духовенство посадило его на синий камень—церемония, играющая роль „помазания на царство“—и провозгласило эмиром. Дойдя до Бухары, Наср-Улла ее осаждал в течение полутора месяцев, вызвав среди жителей

голод и сделав городскую воду невыносимой для питья, после чего взял город штурмом. В то время, как он торжественно водворился во дворце своего отца, войска его грабили и убивали приверженцев низложенного эмира, младшего его брата.

Теперь осталось только рассчитаться, покончить со своими собственными сообщниками, начиная с куш-беги. Наср-Улла хорошо знал, что такой человек, как куш-беги, отравивший Хусейна для него, может отравить и его, Наср-Улла, для себя. Но задача эта была куда сложнее. Приходилось весьма долго действовать в строжайшей тайне.

Все же предприятие удалось. Змеинными ласками он усыпил своих друзей, задарил внимание их халатами из золотой парчи, повязал их головы золототканной чалмой, подарил лучших аргамаков, одетых в позолоченную сбрую, и в конце концов посадил всех соучастников собственного заговора, одного за другим, в темницу при собственном дворце. Там их по очереди уничтожили.

Стремясь стать полновластным самодержцем, Наср-Улла не хотел ни с кем делить участия в правлении. Должность визиря фактически им была упразднена. Только для виду сохраняя ее, он не стеснялся поручать высшие обязанности в своем государстве на очень короткие сроки своим любимцам из мужского гарема. При этом он обогащал их и окружал всяческим вниманием и лаской. После же быстрого их увольнения, отби-

рал от них все, до последнего куска хлеба, и смотря по тому, могли ли они ему быть опасными или нет, их уничтожал или оставляя в ничтожестве.

Наср-Улла был очень набожен. Еженедельно, в благодарность за помощь, „оказанную ему богом и пророком его Магометом“ при восшествии на престол, он отправлялся за 10 км от Бухары молиться ко гробу наиболее чтимого в Бухаре святого Богуэддина. Раз в год эмир совершал двадцатикилометровое (туда и обратно) паломничество в Богуэддин даже пешком.

В руках этого человека была теперь судьба не только экспедиции, но и жизнь каждого из ее участников, разобщенных от родных тысячами километров с великим трудом и лишениями преодолимых пространств.

По окончании аудиенции члены миссии сели на лошадей и проехали в сопровождении толпы народа и лиц, присутствовавших на церемонии, в предназначенные им помещения. Усадьба их состояла из главного здания и боковых флигелей. Главное здание со стороны двора окаймлялось крышей веранды на деревянных колонках, украшенных, как и карнизы здания, хитрой резьбой. Большие окна защищались тонкими, узорчатыми деревянными решетками. Внутри все комнаты были устланы коврами.

Сейчас же, по прибытии домой, путешественников пригласили на „дастархан“ — приветствен-

ное угощение, усадив их на азиатский манер. Однако опуститься на ковер, скрестив ноги, оказалось не так-то легко людям, одетым в николаевскую парадную европейскую форму. Через несколько минут помещение заполнилось придворными слугами в шелковых халатах и белых тюрбанах. Одни несли на громадных медных блюдах дыни, виноград, фиги, персики, баранину и хлеб, другие — сосуды с водой и льдом, чайники с чаем и чашки. Кроме того, каждому из членов миссии была преподнесена в подарок целая голова сахару.

После обеда министры и сановники удалились и остался только один здоровенный, высокого роста мужчина, с повелительным голосом, в качестве „мажордома“, а фактически наблюдателя за иностранцами. Через переводчика эта пренеприятная личность, оказавшаяся смотрителем посольского дома, сообщила им, что за всеми надобностями путешественникам надлежит обращаться только к нему, после чего предложила им отдохнуть.

Едва успели гости выпиться, как пожаловал самолично министр иностранных дел за императорскими подарками эмиру. То были привезенные миссией великолепные фарфор и хрусталь, тончайшие полотна, шелка, ситец и богатейшая золотая парча. Лишь поздней ночью удалось закончить распаковку и размещение между посланной прислугой всех царских подарков. В торжественной, напоминающей похороны, процессии, с зажженными

сальными свечами, они были доставлены на руках под охраной полицейских во дворец эмира. Всю эту ночь до раннего утра эмир посвятил в присутствии Ханыкова рассмотрению царских подарков, как ребенок, по отзыву Ханыкова, радуясь на них. Ценная взятка эта, данная „натурой“ эмиру русским правительством в борьбе с Англией за подчинение Бухары своему влиянию, сыграла, как будет явствовать из дальнейшего, свою большую разлагающую и выгодную для русского правительства роль.

На следующий день путешественников отправили в баню. Бухарские бани привели Лемана в восхищение. Ханыков же остался неудовлетворенным ими. „Искусство ломальщиков здесь стоит, — пишет Ханыков, — на гораздо низшей ступени, нежели собратий их в Турции... Несмотря на то, что я подвергался иногда довольно неистовым из них, я никогда не чувствовал, чтобы все суставы мои трещали, как это, говорят, случается в Турции...“

Вымывшись, все члены экспедиции должны были одеться в бухарские халаты. В них они впредь только и могли выходить на улицу, чтобы не возбуждать своими европейскими костюмами излишнего любопытства в народе.

Глава III От Бухары до Самарканда

1. Пребывание в г. Бухаре

„Генрих IV, будучи в Сито, говорит: «Ах, как здесь хорошо! боже мой, какой прекрасный уголок!» Один толстый монах на все похвалы, которые король давал их дому, все время говорил: «Transeuntibus». Король обратил на это внимание и спросил его, что он этим хочет сказать. — Я хочу сказать, государь, что это прекрасно для проходящих, а не для тех, которые здесь живут постоянно».

(Les Historiettes de Tallemant des Réaux. Mémoires pour servir à l'histoire du XVII siècle... par M. Monmerque, t. X, 1840).

В г. Бухаре началась волокита. Три недели (5—25 августа) горная партия ожидала разрешения эмира на проезд в Самарканд и расположенные на восток от него альпийские горные области Кара-тау, в которых, по рассказам бухарцев, находились золотые россыпи.

Личного свидания с эмиром для ускорения отправки партии Бутеневу не удавалось получить. Каждую пятницу миссия приглашалась во дворец на торжественный выход эмира в мечеть... Но эмир

следовал мимо посольства молча, садился на лошадь и уезжал. Правда, проходя около членов миссии, он на них внимательно смотрел, что означало, по объяснению придворных, особое его благоволение, все же от этого было мало проку. Исключительно благоприятное отношение к Бутеневу проявлялось эмиром, по толкованию царедворцев, тогда, когда эмир вблизи начальника миссии усаживался на коня, однако „близкое соседство лошади, — пишет Бутенев, — мне только было очень неприятно“.

Большие затруднения возникали у Бутенева при попытках вступить в сношения с визирем. 19-летний „молодой человек из мужского гарема“ старательно избегал встреч с начальником русской миссии. Он „не отплатил“ Бутеневу даже его первого официального визита.

Надо было искать других путей, ведущих к эмиру, и неизбежно приходилось при этом вступать на арену исторической борьбы за Бухару двух великих соперников: одного, идущего с севера, с Урала, другого — с юга, из Индии.

В Бухаре уже три года находилась английская миссия в лице полковника Стоддарта. Командирован он был в Бухару английским правительством, чтобы заключить союз с Бухарой и добиться освобождения эмиром пленных. Основной задачей Стоддарта было, конечно, способствовать английскому влиянию в Бухаре в противовес русскому. По свидетельству Вамбери, Стоддарт полу-

чил поручение убедить эмира в том, что ему совершенно нечего бояться деятельности британцев в Афганистане. Мало того, Стоддарт должен был заверить, что в стремлении поддержать дружеские отношения с Бухарой Англия охотно поможет эмиру в случае, если его земля подвергнется нападению иностранной державы (конечно, России).

С самого прибытия в Бухару англичанин, однако, возбудил в эмире не только нерасположение, но и гнев своим нежеланием считаться с местными обычаями и церемониями. Весьма высокомерный, разъезжал он верхом по благородной Бухаре, даже на Регистане, где все должны сходить с лошади. Хуже — он позволил себе явиться к эмиру для знакомства без подарков. В результате он уже через 2 дня после первой аудиенции был посажен в тюрьму, но потом освобожден при условии перейти в магометанство.

Совершенно другой подход к делу был, как мы видели, у русской дипломатии. Миссия русского царя, искусно приспособившаяся к нравам феодальной знати Бухары, одарила хана богатейшими презентами и соблюдала правила восточного этикета.

Виднейший представитель русского самодержца генерал-губернатор Оренбургской области граф Перовский обращался в это время к бухарскому эмиру в следующих выражениях: „Истолкователю всей мудрости и законов, высокопочетному, совершеннейшему, славному и великому эмиру; этому

отростку благотворительного Хакана, этому средоточию учености, порядка и славы; этому рассыпателью всякого благополучия представляем наше искреннее уважение и преданность! Да сохранит его всевышний и всемогущий бог на престоле владычества и счастья от всех бурь и напастей и да даст ему благоденствие“.

Согласно указанию секретной инструкции, Бутенев стал искать сближения с английским агентом. Стодарт со своими всегда спокойными движениями и ровным голосом был весьма корректен, но навстречу Бутеневу, повидимому, не очень-то шел. Тогда Бутенев сблизился с персом, хозяином дома, в котором жил Стодарт, Наибом-Абду-с-Самет-ханом, и стал бывать у него. А хозяин англичанина Стодарта был не кто иной, как „образователь ханских регулярных войск и артиллерий и заведующий чугуно-литейным заводом“, на котором между прочим отливались пушки. „К нему влекло меня,—пишет Бутенев в секретном рапорте,—желание видеть регулярные войска их и войти в сношение со Стодартom, который жил тогда у него“.

Вамбери дает этому „инспектору“ бухарских войск и коварному „другу“ Англии, подкупленному Бутеневым, очень нелестную аттестацию. Он называет его „столько же лукавым, сколько подлым бродягой“. „Этот человек или, правильнее, чудовище, осужденный как плут в Персии,—рассказывает Вамбери,—долгое время бродил по

Индии и Афганистану перед тем, как появиться в Бухаре. Имея ничтожные, приобретенные еще в юности, понятия об европейском военном искусстве, он был принят эмиром с особенной благосклонностью и с титулом наиба поставлен во главе бухарской армии. Абду действительно мог лучше обращаться с пушками, чем узбеки, и знал два-три французских слова команды“.

Абду-с-Самет тоже не отвечал Бутеневу на его визиты, но на Абду Бутенев не обижался. Во-первых, Абду-с-Самет извинялся в этом перед ним, во-вторых, на посещение Бутенева надо было Абду получить предварительно разрешение эмира, а „сего лучше было бы избежать, чтобы не подчеркивать знакомства“. К тому же, как руководитель чугунолитейного дела Абду по специальности был близок к горному инженеру Бутеневу. У них, как это доказывают последующие события, нашелся „общий язык“.

За двадцать дней пребывания в г. Бухаре до отъезда в Самарканд миссия несколько ознакомилась с жизнью Бухары. Помогали ей в этом два „почтенных обывателя“ г. Бухары. Они были хорошо осведомлены о том, что хотелось узнать Леману относительно быта Бухары и главным образом о применяемых в Бухаре местных лечебных средствах. По всем видимостям, были они очень полезны и Бутеневу и Ханыкову в добычании данных, требуемых секретной инструкцией.

Для собирания необходимых ему сведений, Леман ежедневно посещал днем длиннейшие базары города, вечером же, когда спадал жар, совершал загородные прогулки. Конечно, все это надо было делать осторожно, чтобы „не возбудить, — как пишет Леман, — подозрений у недоверчивых азиатов“.

„Огромное, почти до невероятности, — пишет Вамбери, — число тайных писцов и шпионов постоянно было занято доставлением донесений о каждой мелочи, случавшейся на базаре в школе, в мечети, на общественном гулянии или в бане. Эти слуги тайной полиции имели право проникать даже в самую внутренность семейного круга и под предлогом строгого надзора за исполнением законов религии подсматривали и выведывали все... Религия везде употреблялась, как вывеска“.

Следовало также засветло возвращаться домой. Иначе предстояла перспектива оказаться перед закрытыми воротами города. Да и внутри города ночью, в узких пустых улочках было совсем неуютно. Наглухо были закрыты калитки домов, огромные замки висели на дверях лавочек. Среди безлюдья в полной темноте скользила иногда только крадущаяся по стене тень человека.

„Все базары — пишет Виткевич, — были древни и ветхи и одного зодчества. Круглый кирпичный свод на таких же столбах, к которому примыкают такие же круглые своды меньшего размера. Под

сводами, облокотившись на столбы, сидят продавцы. Глиняный пол базаров так выбит, что весь состоит из ям в колено глубины“.

Каждому виду товаров на базарах был отведен отдельный торговый ряд. Денежной единицей служила серебряная теньга, номинальная стоимость которой равнялась 20 копейкам. 20 копеек составляли тиллю, золотую монету, которая в обращении встречалась довольно редко.

Базары поразили Лемана обилием и разнообразием как товаров, так и покупателей.

Многотысячная, разноплеменная шумная толпа двигалась здесь.

„Теснота и толкотня на базаре, — рассказывает Виткевич, — была непомерно велика“. „Пешие и конные оглушают друг друга непрерывным криком: пушт! пушт! поди! поди! Разносчики со съестными припасами сбивают с ног друг друга; через лежащих идут люди и лошаки — словом едва можно пробиться и протолкнуться“.

„Но лишь только пять раз в день моазины позовут к молитве, как мгновенно улицы пустеют и кто не уйдет в мечеть прячется по крайней мере, куда может, чтобы его не отыскивали ханские есаулы“.

На базарах этих обратило особенное внимание Лемана обилие русских товаров, почти вытеснивших в некоторых случаях английские и китайские изделия. Русские фабриканты, повидимому, лучше приспособились к местным вкусам и требованиям.

Так, напр., приготавливавшиеся в Англии кисейные чалмы, шитые по концам золотом, имели меньший сбыт, чем привозившиеся из России, и это потому, что на изготовленных англичанами в Глазгове чалмах были вышиты птицы, которые на чалмах русского изготовления отсутствовали. Птицы же изображают действительно существующий предмет, а „имея таковой при себе, — пишет Ханыков, — мусульманину нельзя быть на молитве“.

„Другим примером той же пользы, — продолжает Ханыков, — может служить отправка русскими сахара в виде маленьких головок. Азиатцы весьма часто дарят гостей своих сахаром, и так как считается не вовсе приличным дарить их кусками, отрубленными от большой головы, то им приходилось или воздерживаться по дороговизне сахара от подобных приношений или решаться на трудную выдачу значительных по тамошнему богатству денег“.

Особенно поразило Лемана то, что „настоящие дамасские“ кинжалы, продававшиеся на рынках, оказывались часто сделанными из русской стали. Больше того — собственный кинжал Бутенева, изготовленный на оружейном заводе в Златоусте, продавцы единодушно признали за „булат из Испагана“ и предлагали за него большую цену. Правда, встречались прекрасного качества и местные клинки из района Гиссара, но они отличались необычайной дороговизной. Хорошая сабля в Бухаре оценивалась в 200 золотых монет (тилл).

Весьма искусными были пользовавшиеся большим спросом со стороны населения медные изделия Бухары: подносы, вазы, чайники с оригинальными и художественно выполненными рисунками. Гравировались изображения эти настоящими мастерами своего дела всего только при помощи небольшого дубильца и молоточка.

Сильное впечатление произвело на Лемана также посещение им в одной из отдаленнейших улиц Бухары невольничьего рынка. В Бухаре, как и в крепостнической России того времени, торговали людьми. Содержались рабы в особых надстройках над обычными глинобитными саклями бухарцев. Сезон для этой торговли, как объяснили Леману, был в то время тихий, и потому продавались только две молодые женщины, один взрослый мужчина, одна маленькая девочка и два мальчика. Невольницы-персиянки, находившиеся, повидимому, в близких отношениях со своими владельцами, сами, смеясь и шутя, называли посетителям свою цену (240 руб. серебром). Мужчина же, перс привлекательной наружности, с окладистой черной бородой, крепкий и плечистый, находился в подавленном настроении и подвергался грубой брани своего господина.

При осмотре город оказался окруженным зубчатой глинобитной стеной, высотой около $7\frac{1}{2}$ м и шириной в основании около 3 метров. Рва нет, —

сообщает Виткевич, — остались одни только признаки его“. В различных частях стены было пробито одиннадцать ворот. „Стены поддерживались тут и там земляными быками. Под зубцами стен выдвигался род уступа. Близ ворот уступы расширялись в площадки, с которых сталкивали иногда преступников. „При мне, — пишет Виткевич, — столкнули за воровство двоих, один сломал ногу, другой весь разбился, но, кажется, они остались оба живы...“

Вплотную к стенам города примыкали сады, богатые дачи, обнесенные также стенами, и жалкие лачужки.

„Все это, — рассказывает Виткевич, — с небольшими промежутками окружает город на значительном расстоянии, простираясь почти до самого Вабкенда“.

Вид города Бухары при въезде „неопрятен, неблагоприятен“. Наполненные дымом и запахом очагов улицы „непомерно узки“. „Пешеходу, встретившему двукольную арбу, нельзя пройти, и остается только перелезть через ось и колеса. Ось по обе стороны боронит мазанковые стены“ (Виткевич).

Масса пыли носилась по воздуху. Мощных улиц было очень мало — и те существовали „не к выгоде города, — пишет Ханыков, — большие камни, служащие основой мостовой, от небрежного присмотра за исправлением ее и в сухое время и в дождь затрудняли, вместо того чтобы

помогать, сообщение жителей".¹ Дома, построенные все на один лад, представляли собой глинобитные одноэтажные постройки с плоской крышей. Комнаты их располагались вокруг двора, на который выходили и все окна. Стекол в последних не было. Они заменялись ставнями или решотками из дерева или гипса. Внутри двора дома имелся навес, подпертый деревянными столбами. Тут бухарцы спасались от легнего зноя. Жилища бедняков были в особенно плачевном состоянии.

„Внутренность домов людей незажиточных, — говорит Ханыков, — и грязна и опасна для здоровья — последнее из-за сырости стен, вызывавшейся главным образом несовершенством крыш. Через них весною почти всегда просачивалась дождевая вода“. Антисанитарное состояние города обуславливалось в значительной степени и его водоснабжением. Вода в город проводилась арыком — каналом, идущим от реки Зеравшана. Из канала вода по канавам попадала в мутные пруды-хоузы, откуда жители и брали для своих надобностей застоявшуюся, крайне загрязненную воду, часто в ближайшем соседстве с кладбищем. Сильная летняя жара способствовала в еще большей мере процессам гниения в зеленоватой жидкости, заполнявшей водохранилище.

¹ Триста шестьдесят таких улочек шириной от одного метра до шести метров вились в черте города, среди пустырей и 13 кладбищ.

В городе насчитывалось до 450 мечетей и 38 постоянных дворов, караван-сараяв. Рядом с одной из больших мечетей высился знаменитый минарет смерти Манари-Калян в 62 метра высотой. С вершины его, „если вздумается хану“, замечает Виткевич, сталкивали осужденных вниз на вымощенную каменными плитами площадку. „Но большая часть мечетей, — рассказывает Виткевич, — не велики, помещается сотня людей, не больше, выстроены очень дурно и состоят из полен и кривулин, обмазанных глиной, темные, хуже всякой нашей избы. На некоторых из них имеется небольшая вышка вместо минарета“. Там, где вышки нет, „моазин просто сзывает народ, — пишет Виткевич, — безобразным криком своим с крыши мечети“.

Караван-сарай, иногда с окнами на улицу, был одновременно и постоянным и гостинным двором. Остановливавшиеся в караван-сараях купцы и ремесленники тут же торговали своими товарами и изделиями.

Виткевич так описывает эти своеобразные строения: „Караван-сарай — четырехугольное кирпичное строение об одних воротах, с двором посередине. Три яруса расположены амфитеатрально, уступами, один уже другого; на низу конюшни и несколько комнат. Во втором ярусе — кладовые. Третий содержит жилые комнаты, шага на три ширины и по пяти длины“.

В комнатах небольшие очаги для котелка или чайника.

Снаружи в толстых глиняных стенах множество лавочек, в которых торгуют мелочники.

Сараи ветхи и неопрятны. Все они более или менее разваливаются. „У нас бы никто не согласился,—замечает Виткевич,—жить в такой конуре, в которой здесь помещаются богатые купцы и сановники, не подозревая, что можно жить лучше“. „Армянин астраханский Берхадаров, живший в одном из караван-сараев, вставил, было, в дверь свою, для света, стеклянное окно о четырех стеклах. Это было такое диво, что весь город сходился смотреть и щупать стекла эти, поколе, наконец, их выбили, и Берхадаров принужден был залепить его бумагой“.

Характерно, что расселялись постояльцы в отдельных караван-сараях по принципу национальности, определявшему обычно и одинаковый род занятий. В одной такой „гостинице“ останавливались большей частью афганцы, торговавшие индиго. Их сарай, по отзыву Виткевича, был новый, хороший, но небольшой.

В другой гостинице помещались ростовщики-индусы. Их сарай был велик, но ветх и „в самом дурном, неопрятном положении...“

„Замечательно, что отхожее место этого сарая,—рассказывает Виткевич,—есть плоская кровля верхнего яруса: десятки людей во всякое время сидят там, под открытым небом, безо всякой огородки, ничем не прикрытые от взоров целого города, как только накинутыми на голову халатами“.

Индусам приходилось еще во времена Виткевича круто. „Индейцев ныне крепко теснят,—пишет он,—и они собираются оставить Бохару во все. Им вовсе не позволяют более вывозить золото и серебро в Индию. Впрочем, они действительно почти все золото прибрали к рукам. Поэтому им не позволяют покупать товаров из первых рук“, да к тому же и „не дозволяют более жечь покойников“.

Не весело жилось и персам. В относительной безопасности они чувствовали себя только в городе, но на пути их нередко грабили и даже обращали в неволю (Виткевич).

В третьем сарае предлагали русские товары из Нижнего Новгорода бухарцы.

Имелся сарай, в котором жили отдельно „бухарцы тулупники“.

„Тулупы эти,—рассказывает Виткевич,—никогда не заготавливаются в заказ, а поспешают обыкновенно при наступлении весны; в продолжение морозов народ толпится и дожидается по целым дням шубы; пробившись таким образом половину зимы, бегая по улицам в изорванном халате при 10, 15 и более градусах мороза, бохарец наконец покупает тулуп, а при наступлении весны, проносив его несколько недель, спешит продать первому охочему за полцены.

„О будущем здесь не заботятся и каждую весну забывают, что опять придет зима“.

В одном из сараев жили портные и сапожники—„беглые“ ногайские татары.

Этот ветхий сарай был особенно непригляден. Виткевич пишет: „В нем едва можно жить. Собиралось в нем народу до тысячи человек. По шести, восьми человек ютились в одной каморке, проводя большую часть дня на воздухе, за чеботарной работой“.

Сарай, в котором жили и хранили свои товары торговцы табаком, был выстроен „как русский постоянный двор. Покрыт весь, и свет выходит только в ворота. Комнат не более шести“ (Виткевич).

Были караван-сарай, в которых ташкентцы торговали горьким зеленым чаем и китайским фарфором. Наконец, не обходилось без караван-сараев, специальностью которых была торговля невольниками.

Занимались этим „почтенным“ делом „кундузцы“. „Нынешний владелец кундузский. — пишет Виткевич, — непрестанно делает набеги на окружающие народы, берет пленных, и купцы их привозят в Бохару... За хороших девок дают до 10 червонцев, за пригожих мальчиков до 40. Работники обыкновенно не дороже 30 червонцев“.

Главная обширная площадь города, называемая Регистан, окружённая м четьми и семинариями — медресе — была вместе с тем и базарной площадью. Она была занята лавочками торговцев, среди которых вечно толпился народ.

„Регистан в нашем смысле, — пишет Виткевич, — едва ли может назваться площадью: это неров-

ное, нечистое место, застроенное лачужками и лавками, заваленное сором и грязью, изрытое какими-то канавами, рывинами и промоинами, бугристое, ямистое, как в башкирской деревне, так что иногда с трудом только можно пробраться по ней по узким тропинкам“.

С одной стороны Регистана на искусственном холме, „в древности насыпанном людьми“ (Виткевич), высотой в 10—13 метров поднималась крепость, внутри которой стоял „арк“ — „дворец“ эмира.

Это был, по отзыву Виткевича, „сбор лачужек, небольшой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен“.

„Вход во дворец запирается, — рассказывает Виткевич — двойными воротами. Одни снутри, другие снаружи. В залах входа сидят сторожа, караульные в изорванных халатах. Оружие их — ружье чекан, сабля стоят и лежат подле.“

Во дворце под навесом лежат двенадцать пушек и две мортиры; тут же посиживают и невольники ханские.

Наружная отделка ханского жилья ничем не отличается от глиняных мазанок прочих жителей. Внутренность, говорят, отделана немного почище, т. е. выбелена. Один покой обит русским ситцем и потолок расписан красками.

Кроме хана с женами и с прислугой, живет в арке еще куш-беги (первый министр. М. С.) также с семейством... Жилище куш-беги разва-

ливается и в самом плохом положении. Беглый татарин Трошка... сделал хану за 10 червонцев резную дверь, отделав ее золотом, как в деревнях наших мужики украшают косячники вокруг окон ставни".

Совсем как и у русских самодержцев в Петербурге (визави Зимнего и великокняжеских дворцов монетный двор и казематы Петропавловской крепости), бок о бок с помещениями самодержца Бухары и его высших сановников находились монетный двор и „зинданы“ — ужасающие тюрьмы эмира. „В этих заведениях утонченной злости,— по выражению Ханыкова,— для умножения страданий заключенных“, нарочито культивировался особый вид клеща (*Ixodes*)“, присасывающийся к коже человека до тех пор, пока тело клеща, налитое кровью, не разбухнет до величины боба“. В редкие периоды, когда темница пустовала, в нее ежедневно бросали но несколько фунтов сырого мяса, чтобы клещи не перевелись.

Тюрьмы представляли собою глубокие ямы, в которые приговоренные опускались на веревках. Могильная сырость летом и зимой в них была невыносима. Заключенных, связанных, чтобы они не могли защитить себя от насекомых, или скованных цепями, раза два в месяц вытаскивали из темницы наверх. Здесь часами и, если было зимой, на морозе, босые на снегу, они ожидали выхода властителя правоверных. Эмир наконец появлялся и самолично решал, кого из узников выпустить,

кого отправить обратно в яму, кого зарезать или содрать с живого кожу или сжечь в пылающей печи.

На полях, за городом, Леман ознакомился с культурой плодоовощей в Бухаре. Таджики славились своим плодоводством, которым они занимались с необыкновенным трудолюбием, любовью и тщательностью. Первое место среди плодов Леман отводит разводимым в бахчах, удивительным по своему нежному вкусу и аромату дыням. Он различает среди них несколько десятков сортов. Вслед за ними в дневнике Лемана перечисляются многочисленные сорта фиников, персиков, абрикосов (урюк), слив, яблок, груш, вишен, гранат, шелковицы, миндаля.

С особенной подробностью Леман говорит о винограде. Почвенные и климатические условия давали возможность разводить здесь собственные, лучшие в мире сорта винограда, но особое распространение получили те из них, которые были наиболее пригодными для потребления в свежем и в вяленом виде. Из овощей, в качестве особенно распространенных в Бухаре, Леман называет огурцы, тыквы, репу, горох, бобы (пища бедных), лук. Очень в ходу была культура мака и не столько для опиума, сколько для изготовления особого опьяняющего напитка.

Среди злаков главенствующую роль у жителей Бухары играла пшеница, культивировавшаяся не

только в равнинной части, но и на высотах от 1000 до 2500 метров, на так наз. богарных полях, не имеющих искусственного орошения и скудно орошаемых летом только дождями да росами (яровая пшеница). В противоположность пшенице овес почти совсем не произрастал. Второе место за пшеницей занимал необычайно распространенный гигантский злак — джугара (*Holcus sorghum*).

Велики были в местностях, богатых водой, плантации риса. Посевы его служили наглядным мерилom обилия или недостатка в данной местности воды. Перерабатывался рис на кустарных крупорушках - абджувазах. В настоящее время, в связи с укреплением и расширением колхозного сектора, роль абджувазов, отличающихся низкой пропускной способностью, падает, и дехканство переходит к крупорушкам сельскохозяйственного и полутоварного типа. Кукуруза, не любимая бухарцами, встречалась редко.

Большие пространства занимали плантации хлопка.¹ Хлопок перерабатывался в то время кустарно на различные бумажные материи, и в них одевалось все население, за исключением богатых. Недостаток средств на приобретение необходимого оборудования и материалов для приготовления материй заставлял кустарей обращаться

¹ Теперь Узбекистан и Таджикистан представляют собою основную хлопковую базу Союза.

к местным капиталистам, а те, как полагается, прилагали все усилия, чтобы путем выжимания прибавочного продукта из ремесленников получить возможно высокую торговую прибыль. Капиталист-ростовщик обычно раздавал по домам одним кустарям очистку хлопка, другим прядение и т. д., что не обязывало его ни к устройству помещений для мастеровых, ни к покупке станков, ни к плате за то время, в которое рабочие сидели без работы.

Много культивировалось и табак (в местностях, где почва не была солончаковой). Курение его воспрещено Кораном, и все же оно было любимым времяпрепровождением бухарцев. Курящего на улице или в общественном месте, конечно, если только он не был видным купцом или чиновником, полицейские хватали и немилосердно избивали, и тем усиленнее жители курили табак через кальян дома, в саду или в особых караван-сараях. На всех рынках это зелье открыто продавалось массаами, так же как и кальяны со всеми к ним приспособлениями. Удивлялся этому в свое время и Виткевич. „Довольно странно,— писал он,— что курить и нюхать строго воспрещается, но продавать явно табак и трубки не запрещено. Курят почти все, нюхают также очень много, но все это втайне“. Табак не только курили и нюхали, но и держали во рту. И это последнее было основным видом употребления табака.

Не прошло незамеченным Леманом и шелководство в Бухаре. Описанию его он посвящает

несколько страниц своего дневника. Некоторые местные приемы разведения шелковичных червей не могли не поразить натуралиста. Так, для вывода из яичек (грены) первого поколения червей, бухарцы завертывали кучки яичек в платок и носили яички в течение 3—5 дней для согревания их у себя под мышкой. После этого вылупившиеся червячки помещались на тростниковые маты, покрытые в качестве пищи листьями тутового дерева шелковицы. Для умерщвления куколок в Бухаре достаточно поместить их на некоторое время на жгучий бухарский солнцепек. Из шелка получались шелковые и полушелковые ткани, причем последние имели значительное распространение.

Тутовое дерево, листья которого шли на пищу шелковичным червям, доставляло в горных частях Бухары дешевую, а кое-где и исключительную пищу в виде сушеных и смолотых тутовых ягод.

2. „Священный“ Богуэддин. Пустыня Малик. Гостеприимный бек города Кермине

Только в конце августа 1841 г. „горная партия“ миссии получила, наконец, дозволение отправиться в район Самарканда в сопровождении официального провожатого эмира.

5 августа 1841 г. Бутенева посетил от имени эмира лейб-медик последнего Максул-Джунана и заявил Бутеневу, что он, Максул, назначен эмиром для

сопровождения „горной партии“ миссии в Самарканд и горные за ним области. Лейб-медик захватил с собой и показывал Бутеневу „весьма маленький кусочек минерала темножелтого цвета, в котором ясно был вкраплен свинцовый блеск, прочую же массу определить по малости ее было невозможно“. Пережиганием выплавленного свинца, как утверждал гость Бутенева, он получал из него значительное количество серебра.

Однако через несколько дней пришел к Бутеневу в качестве назначенного эмиром провожаемого партии другой придворный эмира — Юзбаши-Рамазан. Он объявил Бутеневу, к его изумлению и негодованию, что эмир не позволяет ему, Бутеневу, лично отправиться с горной партией на разведки. „Сколь много не прилагал я стараний,—пишет Бутенев в своем рапорте министру финансов и главноуправляющему корпусом горных инженеров, графу Канкрину,—чтобы получить на это разрешение, но все осталось тщетным“.

„Таким образом я должен был отправить на разведки штабс-капитана Богословского 2-го с нижними горными чинами, прибавил к ним находившегося при миссии натуралиста Лемана и для съемки топографа (Яковлева. М. С.). Хотя и желал разделить партию на две части, отправив одного из них через Самарканд в верховье Зеравшана, а другого на Аму-дарью, но должен был ограничиться отправкой их обоих вместе по

первому пути. Надежда моя дать им обоим возможность по возвращении их сделать путешествие на Аму и позже не исполнилась, равно как и предполагавшееся посещение гор Нуратау*.

Сам же Бутенев, как он пишет в своем походном журнале, „с сего времени, т. е. с отъезда горной партии в Самарканд, и дальше за исключением небольших загородных прогулок... постоянно находился в Бухаре, в продолжение ровно пяти месяцев“.

Доверенный придворный эмира Рамазан, судя по его внешнему виду и прежде всего гордой осанке, принадлежал к первенствовавшей в Бухаре народности узбеков, из которых родом был и эмир. Но это обстоятельство не порадовало царских слуг — гостей эмира. Свободолюбивые узбеки с трудом переносили ярмо эмирата и по своему весьма энергично выражали свой протест против существовавшего в Бухаре строя. „Из 30 или 35 человек, зарезанных эмиром во время восьмимесячного пребывания нашего в Бухаре,— пишет весьма недовольный и даже напуганный назначением Рамазана Ханыков,— большая часть были узбеки, осужденные на смерть за разбой, убийство или грабеж, причем это не мешало им быть ревностными фанатиками“.

На вид Рамазану было лет около 50. Как все узбеки, он носил халат, голову же обертывал

красной чалмой из грубой шали. Рамазан был здоров и силен. Его черные, искрящиеся глаза говорили о большом жизненном опыте и уме, но при первой же улыбке в них проскальзывали хитрость и коварство. Рамазан прекрасно знал горные области, которые надлежало нашим путешественникам посетить, так как всю свою кочевую жизнь провел в них и был оттуда родом. Вообще же посланец эмира, как путешественники вскоре убедились, был, повидимому, удачно избран для роли не столько путевода, сколько наблюдателя глазами Аргуса за иностранцами, а таковой, судя по секретной инструкции, данной Бутеневу, был эмиру естественно очень и очень нужен.

В качестве эскорта к экспедиции были представлены три местных солдата с длинными пищалями на развилинах. Писцом и кассиром в партию был определен один мирза (чиновник), очень услужливый и безобидный человек. Восемь переменных бухарцев сопровождали по наряду экспедицию от стоянки до стоянки, после чего они возвращались в Бухару для доставки эмиру отчетов Рамазана о ходе экспедиции.

Из своих людей путешественники взяли, как упоминалось выше, одного топографа (Яковлева), с успехом, как мы увидим дальше, выполнявшего секретные задания по его специальности, двух препараторов, двух штейгеров-золотопромывателей с вашгердом для промывки золота, трех

уральских казаков и двух слуг. Поклажа и войлочные палатки везлись на пяти крайне неуклюжих арбах — двухколесных повозках, поставленных на громадные, высокие и грубые колеса. Последние часто ломались на очень дурных дорогах Бухары. Первобытные экипажи эти были невероятно тряски и сильно перебрасывали при своем движении седока из стороны в сторону, вызывая морскую болезнь. Ехать в них было гораздо мучительнее, чем даже на верблюдах, движения которых, как известно, подобны морской качке.

Сами путешественники поэтому совершали свой путь верхом на лошадях. Лошадей, с трудом тянувших повозки, бухарцы не щадили. „Туркмен совершенно прав, — говорит Вамбери, — что бухарцы будут отвечать на страшном суде за то, что они так дурно обращаются с лошадьёю, этим благороднейшим из животных“. В некоторых местах самаркандской дороги путь шел по такой вязкой глинистой почве, что не только верблюды не могли по ней итти, но и возчики должны были это делать с большой осторожностью. Особенно много хлопот доставляли переезды через сквернейшие мосты ханства. Они были так ненадежны, что возчики иногда предпочитали переезжать канавы вброд, чем ехать по таким мостам.

К вечеру 25 августа экспедиция покинула г. Бухару через Самаркандские ворота. Миновав несколько обширных старых и новых кладбищ, примыкавших к городу, караван пошел мимо многочисленных садов, изрезанных каналами и усаженных ивами и джиддой или лохом (*Elaeagnus hortensis*). Плоды этого дерева употреблялись местным населением в пищу в свежем и в сушеном виде.¹

В середине сада виднелся обычно четырехугольный пруд, хоуз, соединенный небольшими канавками с прочими частями сада. Виноградники, гранатовые деревья, смоковницы, персиковые деревья, яблони, груши, вишни заполняли сады.

Солнце зашло, когда экспедиция достигла монастыря „священного“ Богуэддина. Он состоял из нескольких мечетей, окруженных жалкими глиняными лачугами. Путешественники, не забываясь в жилища, на вольном воздухе разложили ковры, поужинали, и Леману скоро уже снился Самарканд и снежные вершины Каратау,—горы, которых до Лемана еще не посещал ни один натуралист.

На следующее утро Леман осмотрел могилу Богуэддина, „главного виновника,— по отзыву Вамбери,— всех тех религиозных сумасбродств,

¹ Никакого другого применения джида-лох в то время не имел. Теперь установлено, что плоды джида-лоха могут служить великолепным подсобным сырьем для спиртовой промышленности.

которыми восточный ислам отличается от западного". „Богоуддин уважается,—пишет Вамбери в 1873 г.,—как второй Магомет. Бухарец твердо уверен, что восклицание «О Баха-Эд-дин, избавитель от бед!» может спасти его от всякого несчастья". Гробница его представляла мавзолей с вделанным в него черным камнем. На гробнице лежали несколько бараньих рогов, знамя и метла, служившая долгое время для выметания святилища в Мекке. Гроб стерегли шейхи, потомки святого. Они сообщали пилигримам, что их родоначальник особенно любил число семь. В седьмом месяце он родился, на седьмом году знал наизусть Коран, на 70-м году умер, а потому милостыни и подаяния, которые кладутся на его гроб и идут в собственность шейхов, могут состоять только из повторенного несколько раз числа семь, но никогда не должны быть меньше.

Молящиеся и прежде всего многочисленные больные, приходившие сюда за исцелением, при посещении гроба святого терли камень руками и потом касались ими своего лица и бороды. От этой операции, не менее бессмысленной и антисанитарной, чем целование икон и мощей, на камне виднелись весьма заметные следы. У гробницы и в длинном проходе, ведущем от нее, толпилось бесчисленное множество больных, прокаженных и нищих. „Вид их, шум, ими производимый, и запах, от них идущий, были трудно

переносимы“. Словом, взорам путешественников открылась знакомая им картина из быта тогдашней России. Бутеневу вспомнилось описание московского молебна во время чумы в романе Загоскина „Кузьма Рощин“. „К образу Боголюбской божьей матери,— пишет Загоскин,— вделанному саженьях в двух в стену башни, приставлена была лестница; народ лез по ней непрерывно вверх; одни прикладывались, другие ставили свечи; нижние цеплялись за верхних, сталкивали их вниз, падали сами; их топтали в ногах, давили; клятвы, крики, женский визг, стоны умирающих,— все заглушалось общим ропотом народа, который волновался и шумел, как бурное море“.

Нищие Богуэддина до того преследовали наших путников, что те готовы были отдать последнее, чтобы от них отделаться. К счастью, они этого не сделали. Вышедши за стену двора, Леман и его сотоварищи подверглись еще более энергичной атаке богуэддинских попрошаек-мальчишек, которые постарались отобрать от путешественников то, что не досталось нищим. Леман, спасаясь от назойливых ребят, взобрался по ступенькам на портик самой высокой из мечетей и любовался на расстилавшиеся перед ним возделанные поля и сады с живописными группами пирамидальных тополей и ив. На самом горизонте вырисовывались уходящие в высь столбы минаретов и скученные постройки покинутой ими столицы эмира.

В тишине вышины молодой дерптский ученый присел отдохнуть на ступеньку. Всплыло в памяти виденное внизу. Подумал: „все-таки мы, носители европейской культуры — культуртрегеры, далеко ушли от всего этого кликушества и фанатизма“. Но глубже мысль не пошла. Не вспомнил о богатых угодьях, которыми он только-что любовался с высоты минарета, и не сопоставил их праздных, тонущих в изобилии владельцев с мятущимися внизу нищими толпами, бесплодно ищущими у мощей „святого“ помощи и защиты от насилия и произвола командующих классов.

Картина резкого классового расслоения и жестокого социального неравенства феодального строя, так ярко только-что развернувшаяся перед ним, не осмыслилась „культуртрегером“.

В тот же день снова двинулись по большой караванной дороге среди плантаций дынь, арбузов, хлопка. За ними потянулись поля джугары, главного источника питания бедняцких слоев Бухары, люцерны, пшеницы, ячменя, бобов. По краям каналов росли клевер, вероника, мята, гречиха, паслен черный, череда, цикорий, в асильки подорожник, портулак, гулявник лекарственный.

Дальше культурные участки все чаще и чаще стали прерываться пустошами солонцеватой почвы, несшей иногда налет соли, толщиной чуть ли не в палец.

По дороге время от времени встречались поселения, где можно было достать фрукты, уже готовый чай и баранину.

Неожиданно поля прекратились, и люди вступили в бесплодную пустыню Малик, покрытую олончаковыми растениями. Трудно было представить себе, пишет Леман, что места, где находились только-что виденные роскошные зеленеющие нивы, сотни лет тому назад были серо-желтыми степными пространствами, годными разве только для кочевой жизни, такими же безотрадными, как пустыня Малик. Трудно было поверить, что исключительно благодаря неусыпному труду и искусству человека, отвоевывавшего мелкой сетью арыков в течение веков пядь за пядью землю от камня, выжженного песка и глины, необитаемая равнина превратилась в цветущую, возделанную, поражающую обилием плодов земных страну. „Здесь вопрос водяной—самый жуткий. Едва он не урегулирован—приходит пустыня. Из земли выступает соль, поле становится солончаком, белый блеск солончаков имеет не только сходство, но и родство с лежащими в пустыне костями—это одинаково означает смерть“.

(Н. Тихонов. Кочевники. 1933.)

В середине пустыни встретился небольшой оазис. Жалкий маленький кишлак ютился около развалин высокого замка. Это были остатки когда-то стоявших здесь грозной крепости и дворца Малик-хана, имя которого насила эта пустыня.

Владелец крепости в свое время наводил ужас своими грабежами и убийствами на всю округу. Леман во время стоянки подробно изучил и зарисовал эти живописные руины (рис. 2).

К вечеру экспедиция миновала пустыню Малик и, углубившись снова в районы полевой культуры, подошла к городу Кермине. Следуя приглашению коменданта городской крепости, участники экспедиции посетили его дом изящной архитектуры. Здание было расположено внутри крепости, среди красивого цветущего сада. Приняты были путники старым беком с большим почетом и радушием. Достархан, предложенный им, отличался обилием яств.

Сперва на громадных медных подносах подали дыни, виноград, фиги, персики, миндаль, фишашки; потом последовал пилав, жирный узбекский суп и целый баран. В конце достархана пили чай, после чего только участники обеда начали разговаривать. Бек подал знак Леману и протянул ему руку, чтобы он прощупал его пульс. Леман не мог понять, для чего беку это понадобилось. „Сердце твое,—сказал он, исполнив просьбу хозяина,—бьется вполне нормально и спокойно“. Тогда, самодовольно улыбнувшись, старик торопливо обнажил перед Леманом свою спину и поясницу, покрытые нарывами, „по всем видимостям следами старых грехов“ (Леман). „Я должен,—сказал бек,—вскоре отправиться вместе с эмиром в поход против Коканда. Одолжи

мне поэтому из твоей походной аптечки каких-нибудь капель, чтобы исцелиться возможно скорее от мучающей меня болезни". Леман дал беку весьма невинного слабительного и так и не узнал, как оно подействовало на старого развратника.

После такого обильного пиршества оставалось только лечь спать. На разостланных прекрасных коврах в саду, в длинной аллее, под тенью виноградников, отягченных спелыми кистями винограда, они провели ночь. .

Мимо города Кермине экспедиция прошла, не заходя в него, да он в это время и был почти что покинут жителями. Летом они все переселялись в свои фруктовые сады и огороды, главный их предмет занятий и источник пропитания.

3. Горы Карнап-тау. Вдоль берегов вверх по течению реки Зеравшана до стен Самарканда

Снова Рамазан повел экспедицию по равнине большой караванной дорогой, старательно избегая гористых местностей. Члены миссии недоумевали. „В горах надо искать золото,—говорили они своему руководителю, посланцу эмира,— а не на большой военной дороге, по которой мы двигаемся“. Что такое поведение Рамазана вместе с тем лишало членов миссии возможности выполнить и секретные поручения русского правительства, этого они не договаривали. Рамазан, однако, упорствовал.

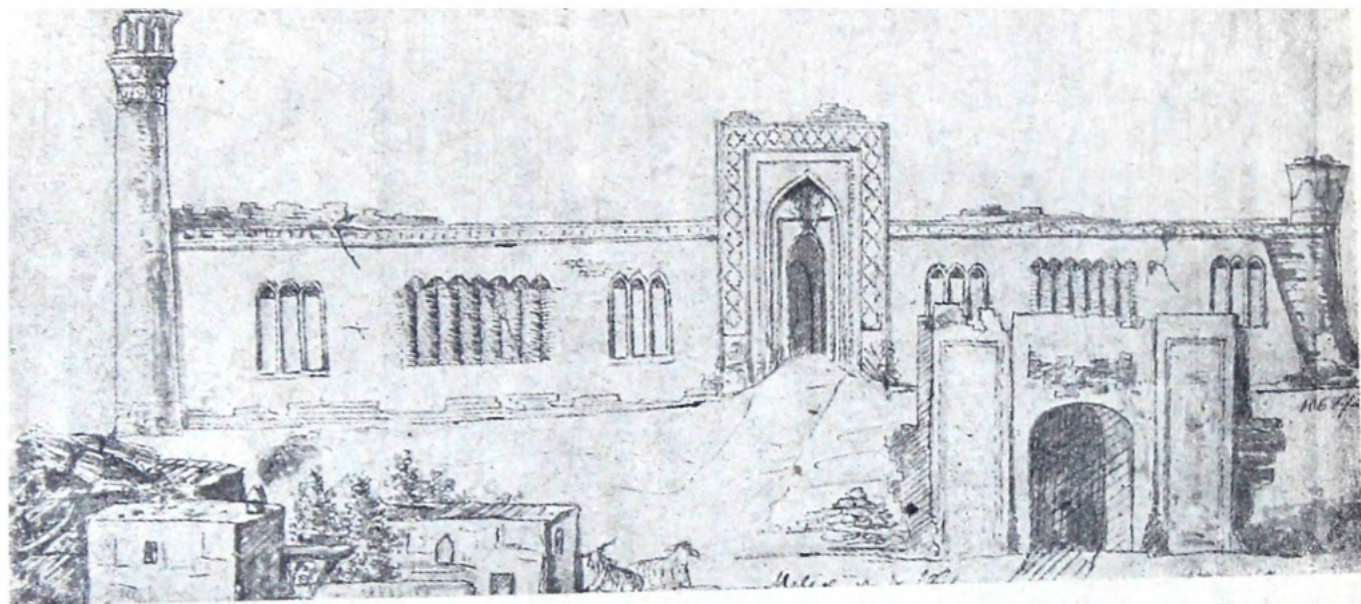

**Рис. 2. Руины дворца Малик-хана
(рис. А. Лемана).**

Положение усложнялось еще тем, что члены горной партии были лишены возможности довести до сведения своего начальника Бутенева о возникающих между ними и Рамазаном разногласиях. Последний вопреки обещанию, данному им Бутеневу перед отъездом партии в Самарканд, не позволил ни Богословскому ни Леману в продолжение всего путешествия сноситься письмами с Бутеневым. А мотивов для жалоб на Рамазана было более, чем достаточно.

Впоследствии Бутенев, ознакомившись с ходом работ партии, писал Канкрину (рапорт от 10 сентября 1842 г.):¹ „В продолжение сего путешествия обнаружился злой и сварливый характер сопровождавшего партию юзбашаи-Рамазана, который хотел распоряжаться вполне и путеследованием и занятиями горной партии. Часто брал он путь в противность желаниям их и надеждам на открытие, препятствовал собирать минералы и растения, останавливался отдыхать и задерживал их в то время, когда нужно было идти вперед, и заставлял делать большие утомительные переходы в то время, когда они находили нужным отдых для больных людей команды их.

Имея от эмира сумму столовых денег для всех, находившихся в горной партии, он кормил их очень дурно, а часто заставлял совершенно голодовать, не позволяя им в селениях покупать пищу

¹ Ленинградское отделение Центрархива.

и на собственные деньги; наконец, были примеры, что он позволял себе даже делать угрозы им.

Подозрения его особенно обращены были на г. Богословского 2-го, от которого он во весь путь не отъезжал ни на шаг и во всяком поднятом им с земли камне думал видеть золотую руду и отбирал его от него. Хотя пользуясь сим, имел более свободы г. Леман, но и на него Рамазан делал часто нападения и однажды едва не сбросил в воду все собранные им гербарии. Бухарские проводники, кажется, воображали золото и во всех травках, собираемых им, и когда он срывал какую-нибудь из них, то помощники Рамазана срывали себе подобную, если же другой подобной не было вблизи, то отнимали от Лемана взятую им, так что наконец он не иначе мог собирать растения, как с особою хитростью, скрывая то, которое было ему в самом деле нужно“.

Всю эту ситуацию прекрасно использовал третий член экспедиции, топограф Яковлев. В то время как Рамазан со своими бухарцами неотступно следил за каждым движением Богословского и Лемана, Яковлев незаметно и систематически производил тайную топографическую съемку проходимых местностей, дав Бутеневу впоследствии богатейший материал для его основной, особо секретной работы „о военном походе России на Бухарию“.

„Иногда“, пишет Бутенев в секретном рапорте, Яковлев „делал путь свой без всякого надзора,

когда же и подъезжали к нему бухарцы, он всегда умел с достаточной ловкостью обмануть их бдительность, взять компасом направление дороги на замечательные предметы в окружности, и все это нарисовать и заметить в своей книжке. Зато при открытии его занятий он подвергся бы наибольшим неприятностям“.

Вамбери подтверждает, что „члены ученой экспедиции Бутенева подвергались на каждом шагу строгому надзору, точно опасные шпионы, так что на работы Лемана и Яковлева следует смотреть как на чудо“.

Только тогда, когда экспедиции уже никак нельзя было избежать близости цепи Карнап-тау (в части, называемой Сияддин-тау), Рамазан решил-ся отпустить путешественников ближе к границам Бухары в горы. Голые, почти лишенные растительности, крутые возвышенности слагались из глинистого и слюдяного сланцев и прорезались похожей на диорит массивной породой. Чем выше поднималась экспедиция, тем мощнее становилась эта последняя порода. На предельных высотах она уже всецело властвовала над сланцами, приобретая характер порфира. В узком ущелье, в которое исследователи проникли, стены и глыбы камней сплошь состояли из таких порфировидных „плутонических образований“.

Южный склон Карнап-тау оказался менее мрачным и пустынным, чем северный. Кое-где виднелись на склонах гор группы деревьев. Текли клю-

чи, и по берегам их росли камыши, сыти и ситники. Около сочащейся по скалам воды, под нависшими скалами в тени прятались сизого цвета дикие голуби. Встречались на склонах гор и аулы, вблизи которых на хороших горных пастбищах паслись обширные стада овец.

Ознакомившись с возвышенностями Карнап-тау, экспедиция переправилась через главный канал, реки Зеравшана — Нарупай, соединенный в свою очередь с Зеравшаном бесчисленным количеством каналов. К ночи караван достиг города Сияддина (Зияуеддин). Не задерживаясь в нем, экспедиция продолжала свой путь среди плодороднейших, тщательно возделанных полей. Вскоре нивы однако сменились опять бесплодной глинистой равниной. На горизонте с северной стороны, на правом берегу Зеравшана, подымались снеговые гребни Ак-тау, с южной — невысокая цепь гор Кирган-тау.

Следуя дальше, экспедиция подошла, наконец, к одному из главных, официальных предметов изысканий экспедиции — к берегам предположительно золотоносной в этих районах реки Зеравшана. Вдоль ее берегов и шел теперь путь экспедиции вплоть до самого Самарканда.

На протяжении 660 кл течет эта главная река Бухары, „оплодотворяя громадные пространства обработанной земли“. Существование всего Бухарского оазиса теснейшим образом связано

с ней. Из Зеравшана посредством целой сети каналов проводится вода для орошения полей. Почва в большинстве местностей Бухары вполне благоприятствует земледелию. Лессовидные глины и супесчаный лесс при достаточном снабжении водой дают прекрасные урожаи, и если избытков земледельческих продуктов получается сравнительно немного, то это следует приписать исключительно недостатку воды. Вот почему почти все проточные воды Бухары утилизируются до последней капли для орошения полей.

В нижнем своем течении Зеравшан является хотя и быстроходной, но мелкой рекой, несущей свои воды по непрерывному ряду садов — этому мерилу богатства и зажиточности бухарца. Дно ее представляет собой красный песок, удобный для перехода вброд. В некоторых, однако, местах дно делается илистым и вязким, и там река становится уже более глубокой. Изыскания Лемана удостоверяют, что Зеравшан в былые времена имел уровень воды несравненно выше настоящего. Несмотря на несудоходность Зеравшана, по нему все-таки сплавливали к г. Бухаре лес, растущий на горах за Самаркандом. Картина сплава живо напоминала Россию. Плот из нескольких десятков бревен, связанных вместе, неся вниз по течению. Им управляли один или два человека, беспрестанно отталкиваясь шестами от берегов, так так плот все время прибывало к берегам сильным течением.

Правый берег Зеравшана был пологий. Разливы на левом берегу задерживались крутым обрывом, отстоявшим от русла реки киломе ров на 10. Все пространство от реки и до обрыва представляло собою широкую зеленую полосу возделанных полей. Здесь по берегам этой бухарской „Волги“ узбеки пасли многочисленные стада овец и коз, здесь же и жили они летом в красивых белых войлочных кошомных кибитках, увешанных яркими, квадратными лоскутами и различными вышивками. Внутренность кибиток была также разукрашена. По стенам их висели небольшие коврики темнокрасного и кирпичного цвета. На полу были разостланы кошмы и ковры и положены подушки, у стен стояли разнообразные сундуки. Вообще вид кибитки был довольно опрятный. Сами узбеки, мужчины и женщины, чисто и аккуратно одетые, работали в своих садах. В садах же стояли и их кибитки. Женщины ходили с открытыми лицами. Закрывали они их только при посещении городов. Держали себя узбеки с большим достоинством. Вокруг кибиток бродили собаки и полунагие дети. Кое-кто из ребят дрался, кое-кто брэнчал на двуструнной балалайке. Над стоянкой людей плавно парил в воздухе, распластав свои крылья и высматривая добычу, самый маленький из грифов — белый стервятник (джурчи).

Первую остановку в дальнейшем пути экспедиция сделала в городе Кятты-Курган, состоявшем из чрезвычайно скученных плоскокрыших саклей —

ничтожных глиняных лачуг среди невозможно узких, кривых улиц, но в то же самое время являвшемся родиной одного из лучших в мире по вкусу, весьма крупного сорта винограда с шаровидными ягодами.

Конечно, и тут была крепостца, на стенах которой висели пищали, пики и сабли. Впервые в Бухаре в садах, окружающих этот город, Леман встретил обширные табачные плантации, снабжавшие табаком значительную часть всего ханства.

В Чимбай, месте следующей остановки экспедиции, был базарный день. Толпа продавцов и покупателей кишела среди гор фруктов и хлеба, баранины и бычачьего мяса.

В лавках продавались халаты, рубашки, обувь, сбруя, канаты и т. п. Бросались в глаза грубые кинжалы в кожаных ножнах, заполнявшие многие прилавки. Много было и гончарных изделий, различной глиняной посуды, кончая глиняными лампами.

За городом потянулись обширные рисовые поля, настолько залитые водой, что Леман признал их сперва за пруды. Попадались по дороге аулы узбеков в обрамлении громаднейших фруктовых рощ, садов и цветущих полей, охваченных вдали выжженной, бесплодной глинистой степью.

В одном месте, по указанию Рамазана, караван свернул с дороги и направился в узкое ущелье, которое вывело его на группу холмов. Один из холмов был окружен высокой глинобитной стеной. Попасть по ту сторону ее можно было только через

одну единственную дверь. Внутри стены находился усаженный ивами водный бассейн, к удивлению Лемана лишенный каких-либо каналов, которые могли бы приводить к нему воду. Здесь во время своих поездок по стране останавливался на ночь эмир с отрядом своих телохранителей. Переночевали здесь и путешественники.

Экспедиция приближалась к Самарканду. Котловина заметно сужалась, пронизываясь массой рукавов Зеравшана. Среди них благоденствовали плодороднейшие плантации полевых и садовых культурных растений. Иногда долина становилась топкой и даже болотистой. Тростники, рогоза и другие болотные растения в изобилии росли в этих местах.

За 10 км до города экспедицию встретили посланные Курган-бека, градоначальника Самарканда, в парадных парчевых халатах и вышитых золотом тюрбанах. Они принесли поздравления от бека по случаю благополучного прибытия и с утонченной вежливостью и большой озабоченностью поставили миссии несколько ошеломивших ее вопросов. „Здоров ли его величество царь и его визири?“ — спрашивали они. „Жидок ли их костный жир?“ „Жирен ли их головной мозг?“ „Отправили ли они миссию в путь в добрый час?“ Члены миссии поспешили успокоить вопрошавших, дав утвердительный ответ на все интересовавшие их вопросы. Приведя себя в порядок, они отправились в гости к приглашавшему их беку, который, однако, принял их только на следующий день.

Путешественники были первыми образованными европейцами, вступившими в этот город со времен Тамерлана, через 440 лет после испанского путешественника Гонзаго Клавиго, побывавшего до них в Самарканде (1403 — 1406).

Глава IV. Город Самарканд

1. Вид и история города Самарканда

„Город Самарканд, про который поэты сказали, что он — рай земли, должен был много потерять, чтобы дойти до настоящего своего положения“, писал Ханыков в 1843 г.

Перед въездом в этот потерянный „рай“ экспедицию встретила густая толпа всех возрастов жителей, быстро прослышавших о приближении иностранцев. Всякая весть в этих местах передавалась устным порядком быстрее телеграфа. Пыль была поднята любопытными такая, что путешественники задыхались.

У ворот экспедицию ждал своеобразный почетный караул. Воины были одеты в разноцветные халаты. На одних из воинов были высокие сапоги, на других туфли, а третьи и совсем были босые. Часть воинов стояла в весьма свободных позах, часть сидела. Большинство было вооружено длинными, тяжелыми, коваными копьями. У некоторых лежали на развилинах тяжелые старые фитильные и кремневые пищали. Другое огнестрельное оружие самого большого калибра, чугунные фитильные фальконеты с подставкой, висело в подворотне.

С таким ружьем, пишет Леман, едва могла бы справиться пара людей.

Вся эта инсценировка имела целью, как узналось впоследствии, дать миссии представление о величии и непобедимости Самарканда.

Город однако произвел иное впечатление на путешественников. Глинобитная городская стена в одной своей части была разрушена. Чтобы добраться от Бухарских ворот до обитаемой части Самарканда, надо было проехать по длинному кладбищу. Постройки города за исключением великолепных, но уже разрушающихся, архитектурных памятников седой старины оказались более жалкими, чем даже в Бухаре, — плосккрышими саклями, как всегда без печей и окон на улицу. Скученность этих лачуг была чрезвычайна. Улицы были немощеные, обычно настолько узкие, что в них нельзя было разойтись двум верблюдам. Базары были беднее, чем в резиденции эмира, что не мешало заполнению их народом. Теснота в них царила такая, что даже всадники едва имели возможность продвигаться вперед.

Развернувшаяся перед членами миссии безотрадная картина когда-то великого и славного Самарканда привела Ханыкова и Лемана к заключению, что „время Самарканда“ якобы „безвозвратно прошло“.

В связи со столь печальным видом они в своих работах вспоминают богатую событиями эпопею Самарканда, давая зачастую упоминаемым ими

событиям свойственное буржуазной науке искаженное толкование. Между тем длинная история этой древней столицы, полулегендарной Согдианы, стоит того, чтобы на ней несколько остановиться попытавшись осветить ее с научной, марксистско-ленинской точки зрения.

Повидимому, один из древнейших городов Средней Азии, Самарканд, возник, по народному преданию, за 3000—4000 лет до н. э. В 329 г. до н. э. им овладел Александр Македонский. Тогда уже город окружала стена в 70 стадий длины, а в середине города стоял кремль, в свою очередь обнесенный стеной. После разгрома города, произведенного Александром Македонским, Самарканд постепенно возрождается и становится цветущим городом. Его снова разрушают позднее арабы, вторгшиеся в районы древнего Оксуса (Аму-дарьи).

Город снова собирается с силами и превращается в крупный торговый центр благодаря своему исключительно выгодному географическому положению. Ведь через него пролегал путь, соединяющий Европу с древнейшими и богатейшими культурными странами Азии — Китаем, Индией и Персией. В XIII столетии один гарнизон города составляли сто десять тысяч человек и сто слонов

В 1221 г. Самарканд завоевывается Чингисханом. Его десятитысячная армия сравнивает город с землей. И вновь жители города восстанавливают свои жилища, защищают город стенами. Но не дремлют правители соседних стран, „как пауки“

они „высасывают материальные блага, продукты труда многотысячного населения“ (Семенов и Вилькошевский). Самарканд естественно не может поэтому долго возвратить себе своего бывшего первостепенного значения. Произвол и поборы угнетателей вызывают постепенно революционный подъем народных масс (1363).

Ловко воспользовавшись им, власть в Самарканде и Самаркандской области захватывает один из мелких князьков, прозванный впоследствии Тамерланом, что значит „Хромой Тимур“ (1369 г.).

Самарканд становится столицей его неизмеримо обширных владений и достигает в эту пору высшего расцвета и блеска. Сюда свозит Тимур все захваченные им богатства Азии, сюда съезжаются представители всех национальностей и религий, ученые и искусные мастера. Русские и татары привозят в Самарканд кожи, меха и мед. Китайцы, проделывавшие путь от Пекина до Самарканда в течение 6 месяцев, доставляют шелк, мускус, жемчуг, драгоценные камни, ревень. Из Индии прибывают различные пряности.

Число жителей Самарканда достигло в то время 150 000 человек, насильственно переселенных Тимуром в свою столицу из Дамаска, Турции и других стран. По роду занятий они были преимущественно ткачами шелка и оружейными мастерами. Сам город, по свидетельству испанца Гонзалего де-Клавиго, не превышал своими размерами Севильи, но громадны и густо населены были при-

города Самарканда со своими многочисленными и обширнейшими садами и виноградниками. Награбленные богатства, присутствие в городе выдающихся художников и неисчезнувший еще народный подъем революции 1363 г. позволил Тимуру создать в городе ряд грандиозных высоко-художественных построек. Здания эти—мечети и древние университеты (медресе),—должны были служить оплотом ислама, а последний оплотом неограниченной власти Тимура.

О размахе жизни Тимура красноречиво свидетельствуют празднества при дворе Тимура, описанные Гонзалего. Бесчисленные палатки, в которых шел пир, были покрыты золотой парчой и шелковыми материями, затканными жемчугами и драгоценными камнями. Посуда и кубки были из золота, серебра, фарфора и фаянса. Еда, состоявшая из вареной и жареной конины и баранины, риса и фруктов, поглощалась в невероятных количествах. Привезенное к месту пиршества на верблюдах мясо передавалось на позолоченных кожаных мехах кравчим. В изобилии текло вино и подслащенный кумыс, и кто выпивал больше всех, объявлялся богатырем. Среди пира участникам его бросали золотые и серебряные монеты и бирюзу.

Таковы были те разнообразные и могущественные средства, которыми пользовался Тимур, для того чтобы сохранить за собой и за своими потомками свой трон.

Но уже внук Тимура должен был познать тщету усилий своего деда. Больше ученый, чем правитель, он пал жертвой реакции, убитый муллами с согласия собственного сына. Громадное царство Тимура распалось. Самарканд стал терять свое значение.

Правда, в последующее время для него наступают иногда времена расцвета, но все же в конце концов Самарканд уступает первенство Бухаре, которая на ряду с Хивой и Кокандом становится столицей вновь возникшего ханства, Самарканду же уготовляется жалкая участь уездного феодального городка, каким его и застала миссия 1841—1842 г. Таким образом Леману и Ханыкову оставалось, как мы видим, только вспоминать „славное“ прошлое Самарканда феодальной Бухары. Ханыков пишет: „главные примечательности города состоят в остатках времен прошедших. Настоящее поколение не только не создает ничего достойного описания, но и разрушает то, что было сделано“.

Однако, если бы дело и обстояло таким образом, то не представителю русского царского правительства Ханыкову пристало бы над этим положением глумиться. Ведь последующее покорение царскими войсками страны и Самарканда не принесло его коренным жителям бытового улучшения.

За пятьдесят лет существования царской власти в городе не было сделано ничего для улучшения положения горожан, для культурного подъема

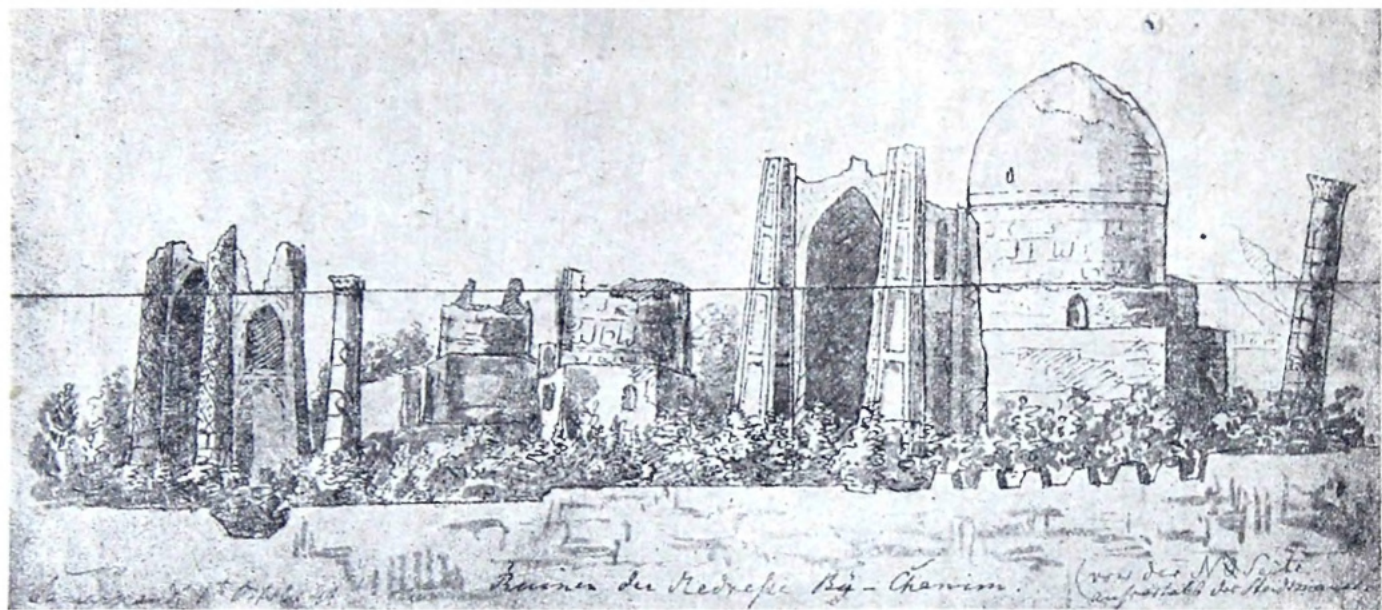

Рис. 3. Руины мечети Биби-Ханим
(рис. А. Лемана).

города. Обособившись в своей „европейской“ части города, русские правители предоставили коренному на селению влачить жалкое существование в условиях феодальных порядков. Голод и смерть невозбранно гуляли по местным кварталам. Пришлось бы Ханыкову и Леману поэтому, если бы они попали в Самарканд даже и перед самой Октябрьской революцией, снова петь отходную городу.

Но что бы сказали они, очутившись теперь в Самарканде социалистического Узбекистана после того как Октябрьская революция и ленинско-сталинская национальная политика дали широкий простор творческим силам всех народов СССР?

Они оказались бы в во много раз выросшем, расцветшем после Октября городе с населением, превышающим полтораста тысяч равноправных, свободных, дружно работающих советских граждан различных национальностей. Длинный ряд только что построенных современных зданий строгого стиля украшают сейчас Самарканд.

Это не мечети и не медресе, не очаги религиозного фанатизма, не оплоты ислама, а оплоты освобождения от религиозной мистики, культурные ячейки, создающие активных строителей социализма—самаркандские советские библиотеки, школы, различные техникумы и высшие учебные заведения вплоть до собственного университета, возникшего на базе Узбекской педагогической академии и Узбекского медицинского института.

Вся современная, бьющая ключом жизнь завоевавшего себе Октябрьской революцией свободу города ярко свидетельствует об его стремительном культурном росте, о том, что самое ценное время для Самарканда еще впереди, а не позади.

2. Исторические постройки. Население города

Как мы указывали выше, Тимур украсил свою столицу великолепными строениями, частью сохранившимися до сих пор. Леман не только изучил, но и тщательно зарисовал их.¹ Так, на рис. 3 Леманом изображена построенная Тимуром мечеть Биби-Ханим на хлебной площади. Здание это как видно из рисунка, уже было полуразрушено во времена Лемана, сильно пострадав не только от времени, но особенно от землетрясений.

На рисунке видны две арки, остатки минаретов, и грандиозный полуразвалившийся купол, облицованный разноцветными изразцами (синий голубой, белый) разнообразнейших рисунков. Цоколь и панели были мраморные.

На рис. 4 изображена мечеть Шир-Дор. Название свое Шир-Дор (украшенная львами) получила от изображенных на фронте двух львов, как полагает Ханыков, или двух тигров, как утверждает Леман. Ошибиться, правда, было не-

¹ Архив АН СССР, фонд 56, оп. 1, № 20.

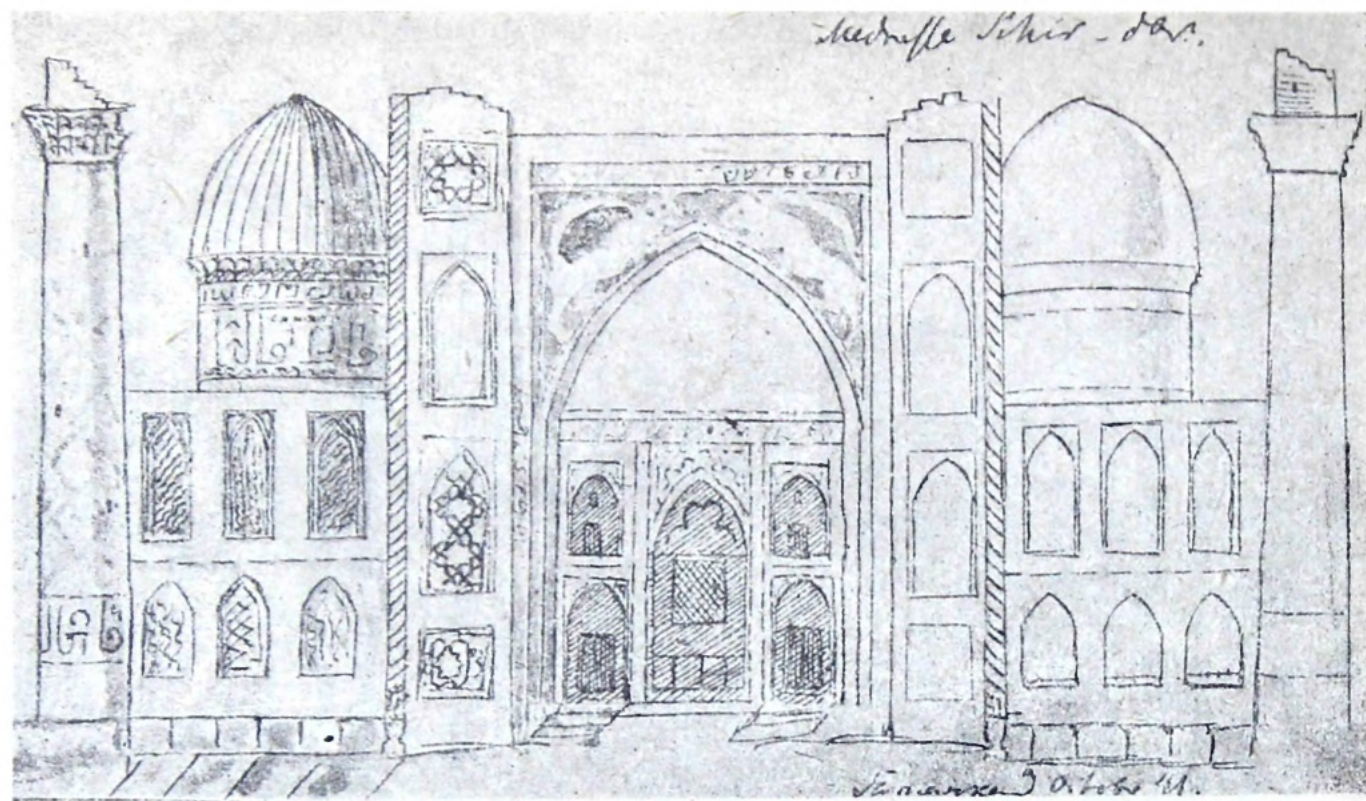

Рис. 4. Мечеть Шир-Дор (рис. А. Лемана).

трудно уже потому, что фигуры животных были едва различимы вследствие сильно пострадавшей изразцовой мозаики. По обе стороны главного фронтона, как видно на рисунке, идут стены, оканчивающиеся двумя минаретами. Над зданием с боков высятся два купола. Внутри здания виден небольшой двор. Кругом него в несколько ярусов были расположены помещения для мулл и их учеников. Все стены здания были облицованы превосходными изразцами ярких цветов с тысячами разнообразных узоров, надписей и проч.

На рис. 5 изображена Леманом мечеть Тилля-Кари. Она меньше других исторических мечетей Самарканда, наиболее пострадала от времени, но, по мнению Лемана, и наиболее красивая из всех самаркандских мечетей. В главном фасаде ее, как видно на рисунке, находилась высокая арка, носившая следы изразцовой облицовки. Стены по бокам арки заканчивались круглыми, высокими, полуразрушенными уже во времена Лемана, минаретами.

На один из них, самый высокий, Леману все же удалось взобраться по внутренней темной винтовой лестнице. Сверху минарета он полюбовался чудесным видом на Самарканд и его окрестности. Наружные стены мечети и минареты ее были облицованы изразцами с изящными рисунками. Свод и внутренние стены расписаны разноцветными узорами и золочеными арабесками. Панели были выложены серым мрамором.

Особенно любопытно было Леману осмотреть крепостную мечеть около самаркандского дворца эмира. В ней находился знаменитый камень, „на который всякий хан должен непременно воссесть, чтобы не оставить сомнения в своем эмирстве“ (Ханыков). На камень этот из темносерого мрамора, служивший еще Тамерлану в качестве трона, бухарских эмиров подымали на белой кошме, что означало „восшествие на престол“. Однако, несмотря на все ухищрения Лемана, он не удостоился чести своеобразный трон этот увидеть. „Это недоступно даже для магометан“, объяснили ему.

Нельзя было, конечно, не осмотреть знаменитого мавзолея на могиле Тимура Тамерлана. Уже издали виднелся при приближении к мавзолею его грандиозный, сложенный из голубых кафелей, купол. Сам мавзолей представлял собою четырехугольное здание, увя значительно пострадавшее от времени. Внутренность здания поражала своей строгой и величавой простотой. Глубокие ниши в каждой из четырех стен закрывались старинными с искусной резьбой дверьми. В середине, на мраморном пьедестале, окруженном мраморной же решоткой, стоял надгробный камень Тимура.

Драгоценный, самый большой известный монолит из темнозеленого, тщательно отполированного нефрита, памятник этот имел форму усеченной четырехугольной пирамиды (около 1 м вышиной, около 2 м длиной), поставленный на верхнее

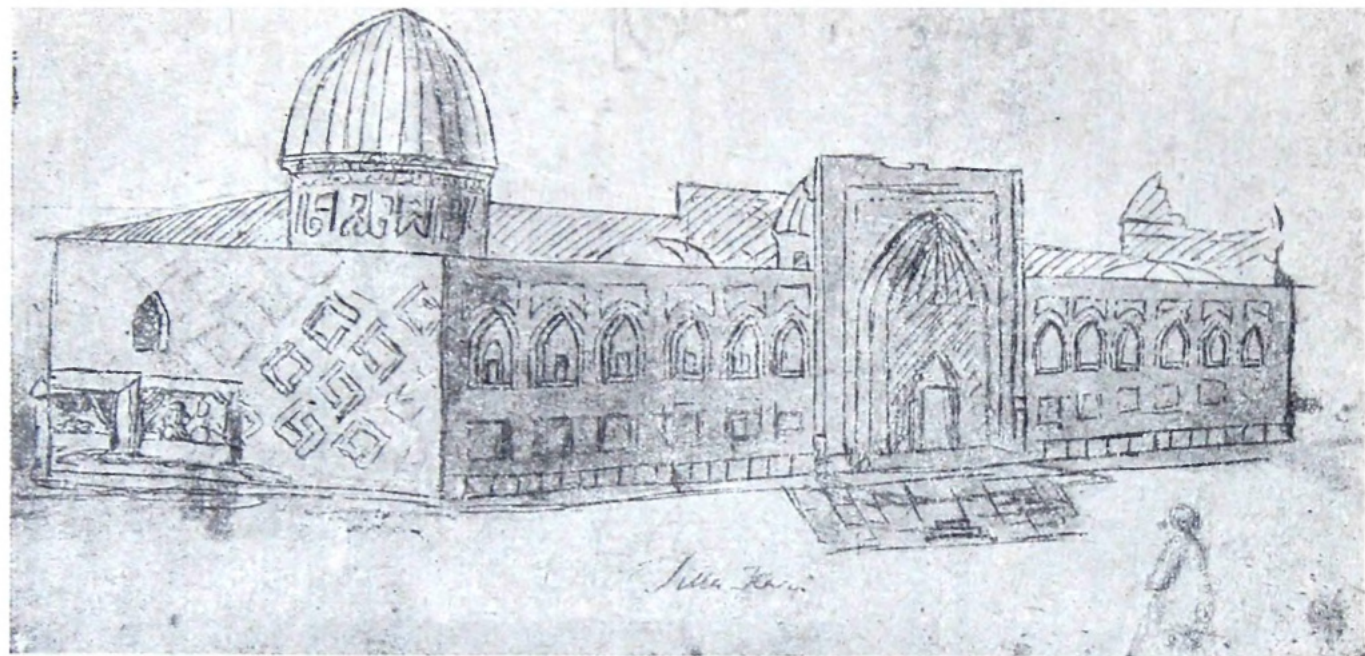

Рис. 5. Мечеть Тилля-Кари (рис. А. Лемана).

свое сечение. У верхнего края пирамиды выгравированы были надписи. Вокруг памятника располагались плиты белого мрамора — надгробные доски семейства Тимура. Под полом находился склеп, где и помещались гробы Тимура и его семьи. На одной из стен помещения были начертаны следующие слова: „Если бы я жил, я заставил бы трепетать человеческий род“.

Из выдающихся архитектурных памятников, находившихся вне города, Леман тщательно изучил здание „Шах-и-Зинда“.

На рис. 6 Лемана оно представлено с южной стороны. Постройки поднимаются двумя рядами по склону серых холмов Афросиаба, бывшего гигантского древнего городища, и соединяются длинным открытым коридором с перекинутыми через него арками до мусульманской эпохи. Искусственные возвышенности Афросиаба должны были, по рассказам местных жителей, содержать крупинки золота.

Наружные стены, а у некоторых зданий и внутренние стены, арки, колонки, фронтоны и т. д., были покрыты разноцветными, гладкими и рельефными превосходного узора мелкими изразцами. В красивом сочетании зеленого, голубого, синего, белого, лилового, красного и гранатового цветов они образовывали дивные рисунки и переплетались с изразцовыми же разной окраски надписями. Сложность, красота и разнообразие орнаментов, изящные контуры и линии построек,

свежесть и чистота красок выдержавших несколько веков изразцов привели в восхищение Лемана.

Население Самарканда, так же как и г. Бухары, состояло из весьма разнообразных и враждебных друг другу элементов, главным образом из узбеков тюркского происхождения, таджиков иранского происхождения и евреев. Социальные и правовые отношения их отличались невероятной сложностью и, по нашим взглядам, совершенной дикостью. В феодальной Бухаре, как и во всяком феодальном государстве, культивировался шовинизм и систематически и искусно сеялась, согласно правилу „разделяй и властвуй“, рознь между различными народностями, обитающими страну.

И таджики и узбеки исповедывали ислам, но те из мусульман, предки которых приняли магометанство добровольно, „без войны“, пользовались правами преимущественными перед мусульманами, принявшими магометанство по принуждению. Каждая национальность Бухары стремилась жить обособленной жизнью. Люди проводили жизнь без радости, в вековых ссорах рода с родом и человека с человеком.

В особенно бесправном положении находились местные евреи. Им предписано было ношение особой одежды, отличавшей их от мусульман. Проживать евреи могли только в особых кварталах. В стенах города они не имели даже права ездить верхом. Еврея, попавшегося первый раз в преступлении, заставляли выкупать жизнь пере-

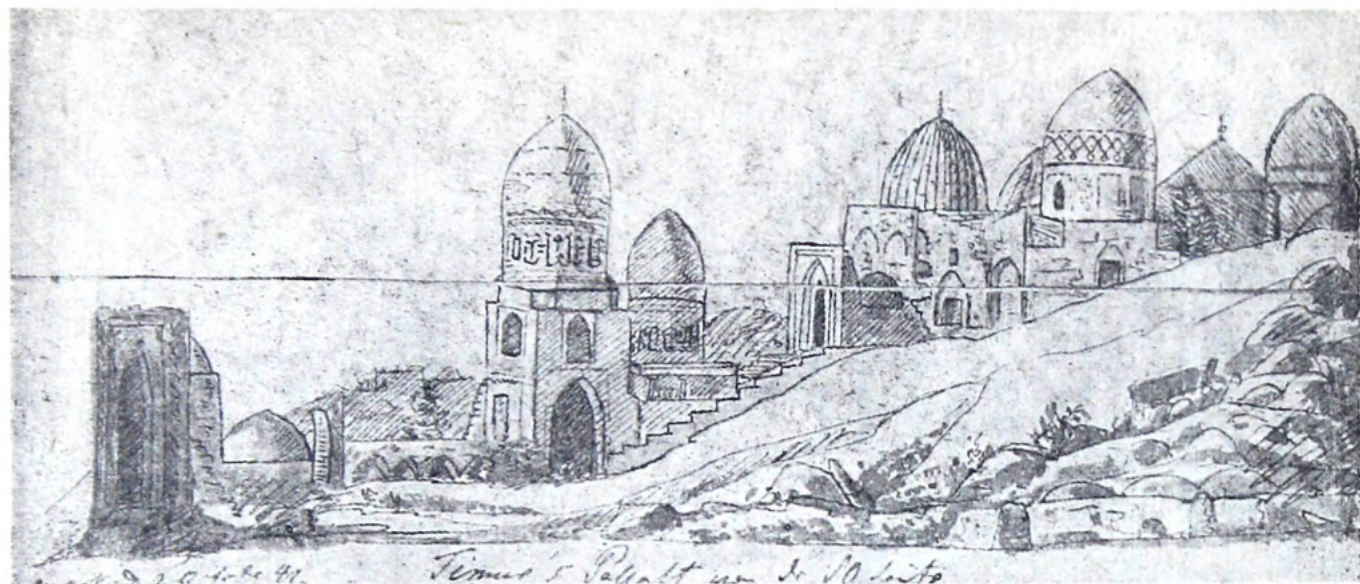

Рис. 6. Здание „Шах-и-Зинда“ (рис. А. Лемана).

ходом в магометанство, и если он соглашался, то его разводили с женой и немедленно выводили из еврейского квартала, после чего очень долго и строго следили за тем, чтобы он исправлял все правила Корана, и за малейшее отступление от них карали смертью.

Во время пребывания экспедиции в Самарканде, Богословскому удалось, наконец, в окрестностях города приступить на берегу Зеравшана к разведке золота. Песочное золото было открыто, но в весьма слабом содержании.

Глава V. От Самарканда до неизведанных золотоносных возвышенностей Фон-тау. Возвращение в Россию

1. Пенджикент и его любознательный бек. Горный Зеравшан. Золотопромыватели. Опасности пути

3 сентября 1841 г., чуть начало светать, экспедиция покинула Самарканд, уже имея в своем составе несколько человек тяжело больных желтой лихорадкой. Леман и Богословский приступали теперь к выполнению самой ответственной задачи миссии (так, как они ее в своей наивности себе представляли), а именно — исследованию еще совершенно неизведанных, предположительно золотоносных горных верховьев реки Зеравшана.

Утреннее солнце освещало холмы Афросиаба с высившимися на них руинами. Исчезли, наконец, на горизонте голубые купола грандиозных мечетей Самарканда. Окаймленная горами долина, по которой продвигался караван экспедиции, становилась все уже и уже. На расстоянии 20 км от Самарканда, вдали, на юго-востоке, появились давно жданные Леманом снеж-

ные вершины. Высокие древние террасы Зеравшана, образующие здесь ближайшие возвышенности по краям долины, ограничивались крутыми обрывами. Террасы состояли из мощных скоплений окатанных валунов из гранита, гнейса, глинистого сланца, известняка, каждый валун величиной то в кулак, а то и в человеческую голову. Все эти хаотические нагромождения камней крепко цементировались твердой песчаной породой.

Местность была совершенно лишена древесной растительности. Пустынные холмы покрывали только астрагалы и софоры (из семейства мотыльковых) и коровяки. Увлечшись изучением окружающей природы, Леман потерял из виду других членов экспедиции и остался со своими людьми один. Стали догонять ушедших вперед и вместо этого разошлись с ними. Другим уже путем Леман со своим конвоем прибыл в Пенджикент, обогнав экспедицию.

Старик-градоначальник, бек города, принял молодого путешественника с большой предупредительностью, сидя в тенистом саду своего дома среди пышных гроздей винограда и фруктовых деревьев, отягченных персиками, гранатами, грушами, яблоками и абрикосами. Но больше всего в саду росло грецкой орешины. Старые деревья ее поразили Лемана высотой и толщиной обросших драгоценным ореховым напылом стволов.

Бек по всем видимостям ожидал приезда высоких гостей-иностранцев. Восседал он в богато

разукрашенном шатре, окруженный приближенными в парадных халатах. Вид у него был монгола, каким он на самом деле и оказался. С чрезвычайным интересом расспрашивал бек через переводчика-казака из конвоя Лемана, о России. Особенно любопытно было беку, как первоначально показалось Леману, произносить русские слова, которым Леман должен был учить его. Между прочим, однако, и как-то мимоходом старик осведомился о количестве русских войск в неудачном Хивинском походе 1839—1840 гг., в котором участвовал Леман, и когда Леман на этот вопрос сразу не ответил, бек через некоторое время этот „мимо-летный“ вопрос поставил уже настойчивее.

В Пенджикенте пришлось экспедиции оставить еще трех больных малярией на попечение заботливого бека. Путешествие по горным местностям им было бы не под силу. Тяжело было расставаться со своими товарищами. Люди за время экспедиции очень сжились друг с другом. Долго не мог Леман разогнать свои мрачные мысли...

Покинув город, пошли на восток по узкой и глубокой продольной долине вдоль Зеравшана, против его течения. На юге по правую руку подымались, сопровождая слева течение Зеравшана, снежные вершины Зеравшанского хребта—Кара-тау; по левую руку на север, по ту сторону реки, тянулись холмы, постепенно переходившие в более высокие возвышенности предгорья Ак-тау—Туркестанского хребта (рис. 7). В км 17 от Пенджи-

кента Зеравшан злобно стал бурлить и пениться, прерываясь двумя зелеными потоками среди мрачных расщелин отвесных скал. Экспедиция перешла по древнейшему каменному мосту Ду-Пули на правый берег гремящей горной реки и оставила здесь свои повозки. Дальнейший путь с ними становился уже невозможным. Вещи были переложены на вьючных ослов.

Переночевали в кишлаке у подножья гор, окаймляющих Зеравшан. Живописный горный водопад низвергался с высоких отвесных скал, вливая свои воды в каналы полей и садов деревни. Путешественники вскарабкались наверх к горному ручью, источнику водопада, и здесь Леман впервые в Бухаре встретил с радостью дикие, непосаженные деревья. Это был боярышник уже с красными ягодами, ильм и два вида ив. Дальше натолкнулись на можжевельник, дикий миндаль, два вида роз и карагану. Преобладающими горными породами возвышенностей были диоритовый и глинистый сланцы. Над ними в дальнейшем пути стали появляться мощные пласты известняка с остатками в них ископаемого двустворчатого моллюска *Bivalva*.

Как только долина несколько расширялась, на освобождавшемся низменном пространстве расцветала богатая и разнообразная человеческая жизнь. Появлялись виноградники, возделанные поля ячменя, овса, гороха, бобов, плантации дынь и арбузов. Среди стройных пирамидальных тополей,

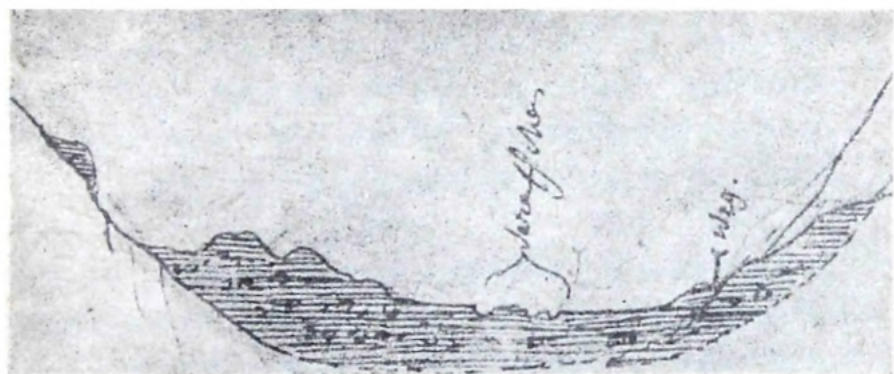

Рис. 7. Долина реки Зеравшан на восток от г. Пенджикента (рис. А. Лемана).

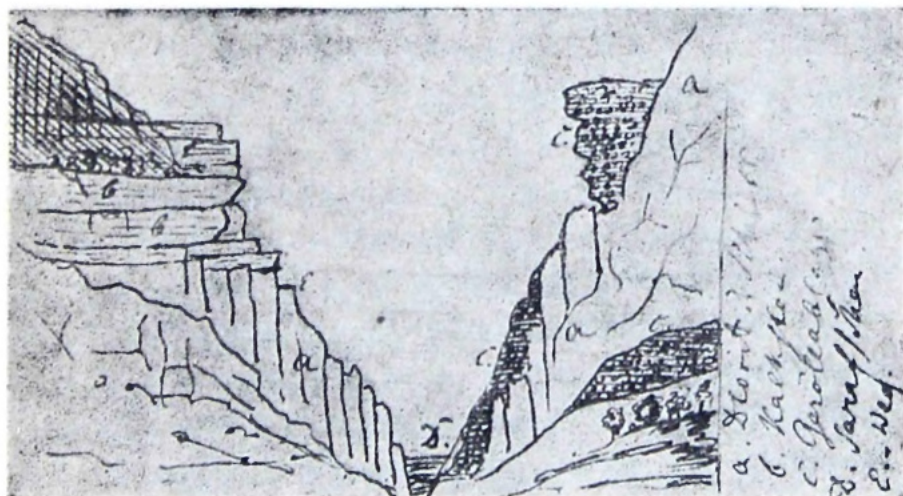

Рис. 8. Река Зеравшан в крутизнах гор около крепости Урамитан (рис. А. Лемана)

грецкой орешины и фруктовых деревьев виднелись низкие сакли кишлаков. Обитатели их, таджики, жили в этих местах летом в своих кибитках. Вообще тамошнее население, повидимому, занималось преимущественно овцеводством, а не земледелием.

8 сентября экспедиция, проникнув в значительно сузившуюся долину (рис. 8), подошла к маленькой, примыкавшей к самой реке крепостце Урамитан — „главной крепости всей нагорной страны“ (Богословский).

Здесь-то жители и занимались промыванием из речного песка Зеравшана небольших количеств золота в весьма мелких зернах.

В Урамитане путешественники принуждены были оставить еще двух людей, заболевших „перемежающейся лихорадкой“. Между прочим, это были особенно необходимые для выполнения главной официальной задачи экспедиции Козлов и Лепешков, специалисты по золотопромыванию. Придравшись к этому, Рамазан, несмотря на протесты участников горной партии, настоял на том, чтобы партия оставила в Урамитане их вашгерд, мотивируя свое распоряжение также „неудобством перевозки вашгерда в гористой местности“.

Пришлось переменить лошадей, неприспособленных к езде в горах, на местных аргамаков и кокандских коней, с удивительной ловкостью и сообразительностью преодолевавших опасности горных дорог и троп.

Строгая, дикая природа окружала путешественников.

Путь вел по узкой, извилистой, каменистой тропинке высоко над стремнинами Зеравшана, „клубившегося как водопад“ (Ханыков). Малейшая оплошность в ходе лошади могла привести к гибели в ужасающих низинах. Но необычайно уверенно и вместе с тем бережно кони выбирали тропы в темноте ночи, между камнями. Не слушая повода в руках седока, они своим чутьем угадывали, куда поставить ногу. Полагаясь на лошадь, начинал дремать Леман. К этому располагало и удобное мягкое седло...

Часто над путешественниками угрожающе повисали низкие громады скал. Бывало, что проход каравана под ними вызывал грозные обвалы. С оглушительным треском и шумом низвергались почти непосредственно за спиной путешественников в бушующий поток сброшенные с круч исполинские осколки и камни. Бывало, что отвесные скалы лишались совершенно своих узких гладких карнизов. Приходилось тогда искусственно создавать тропу из сучьев и веток, воткнутых в расщелины сланцев.

Многочисленные родниковые ключи струились с гор в долину. По берегам ключей желтели не дотрога и мать-и-мачеха. Внизу вода сейчас же заботливо отводилась человеческой рукой в узкие каналы, орошая незначительные плантации и фруктовые садики маленьких кйшлаков, лепившихся

у подножья гор. „Здесь, не говоря уже о других причинах,—пишет Богословский,—самая местность не позволяет распространяться народонаселению. Как главный хребет, так равно и его отроги очень круты, долин вовсе нет, а лога, прорезывающие горы, часто до такой степени стесняются боковыми крутизнами гор, что едва способны к переезду верхом“.

На самом берегу Зеравшана Леман натолкнулся на труп дикобраза (*Hystrix*). Внешний вид его он подробно описал в своем дневнике. Крупные грызуны эти часто встречались в горных пещерах Ак-тау и Кара-тау, где они делали свои норы. К вечеру они имели обыкновение небольшими сообществами спускаться вниз на водопой к каналам деревушек.

В такое время жители легко ловили этих медлительных и беззащитных животных. Жир их ценился в качестве лечебного средства, иглами люди пользовались как грифелями.

2. Золотоносный Фон (Фан). Вершины Кара-тау.

Таинственная гора „вечных огней“

К следующему „горному гнезду“, крепостце Варземирор, экспедиции пришлось пробираться пешком через настоящий „чортов мост“, балансируя над неимоверно быстро несшимся, бурно-пенящимся среди камней потоком.

Здесь снова натолкнулись на золотопромыслователей. Зерна золота, которые эти старатели показывали, были добыты на расстоянии 10 верст на берегу реки Фон, левого притока Зеравшана. Путешественники настояли на том, чтобы руководитель каравана Рамазан изменил, наконец, неизменно восточный курс по мало интересной в отношении золота долине Зеравшана и направил караван на юг, вверх по течению высокогорного золотоносного Фона.

Началась наиболее ответственная и трудная часть путешествия по гористой местности, еще никем из натуралистов до Лемана не посещенной.

10 сентября двинулись в путь гуськом вдоль нового для исследователей стремительного горного потока. Дорога пошла опять по опасной тропе среди диких, отвесных, часто нависавших над путниками скал. С невероятной силой и быстротой рвался вниз навстречу экспедиции злобно ревущий и бьющийся о берега Фон. Русло его представляло собой иногда только одну ужасающе глубокую трещину в скалах, через которые были перекинуты кое-где зыбкие, колеблющиеся мостики из стволов арчи (древовидного можжевельника).

Гнулись и трескали они под тяжестью человека, ведущего свою лошадь в поводу, в то время как под ногами путешественника сияли пропасти, имевшие отвесные глубины, по крайней мере 3000 метров (Ханыков). Угрюмые скалы были сложены в начале пути из диоритовых образований. Послед-

ние сменялись последовательно кремнистыми сланцами, роговой обманкой, нечистым ляписом и, наконец, гранитом; далее следовали известняки, образуя громадные, подымающиеся в беспредельную высь, совершенно отвесные стены. Еще южнее пошли различные породы каменноугольной формации и, наконец, открылись пласты и самого каменного угля.

Высоко вдали на нависших уступах скал появлялся иногда весь насторожившийся дикий козел, с огромными загнутыми назад рогами и с длинной заостренной бородой под подбородком. Быстро срывался он с места, скрываясь от своего злейшего врага—человека.

Так добрался караван до маленького форта Фон-Сарвади. Это было четырехугольное пространство, длиною шагов в 50. Плетень с вделанными в него кирпичами, замазанный кое-как глиной, окружал „форт“. Двери и окноподобные отверстия располагались в стенах вкривь и вкось, в каком-то хаотическом беспорядке. Все вооружение „крепости“ составляли несколько несчастных пищалей и железных копий, висевших у входа в крепостцу. Охраняли ее очень не воинственного вида солдаты, плохо одетые и терпевшие от недостатка провианта.

Окрестности форта дали Леману интересные и обильные ботанические сборы. Особенно примечательно было наличие на таких высотах, в субальпийской зоне, разнообразной степной растительности вплоть до тамариска.

В этом районе Леману, наконец, удалось не только видеть золото, но и наблюдать на берегу Фона промывку золота двумя таджиками на чрезвычайно примитивно устроенных вашгердах. По предположению Лемана, находимое здесь золото не могло быть местного происхождения. Окрестности рек Зеравшана и Фона образованы были породами явно не золотоносными. Золото, как полагал Леман, принесено было сюда издалека, с востока, с действительно золотоносных гор Фон-тау и Кашгара, горными потоками в тех мощных конгломератах, которые теперь заполняют долины Зеравшана и Фона. Силой воды на этом длинном и бурном пути кристаллы кашгарского золота превращались в тонкие, мельчайшие пластинки золотоносного песка.

Покинув форт Фон-Сарвади, экспедиция двинулась дальше на юг. Вскоре горы начали несколько расступаться, расширяя долину. Она оказалась окруженной суровыми массивами Кара-тау, богатыми прекрасным каменным углем и медными рудами. В каком-то гордом молчании стояли в утреннем тумане эти горные глыбы палеозоя.

Решили подняться на одну из самых высоких гор, о которой всюду в Бухаре рассказывали какие-то чудеса. Перебравшись через бурный, заполненный камнями поток, оставили у подножья лошадей, которым не под силу было бы взобраться наверх. Пошли пешком, поднимаясь все выше и выше. Зигзагами шел крутой подъем. Раз-

нообразные горные породы, встречавшиеся на пути восхождения, все свидетельствовали о принадлежности их к каменноугольной формации.

Спустя три часа утомительного пути, путешественники, будучи уже недалеко от вершины горы, попали внезапно в полосу удушающих газов, серный запах которых явно говорил об их происхождении. При дальнейшем поднятии запах исчез, но зато путники были охвачены сильным жаром, исходившим из трещин земли. Экспедиция достигла так называемых „вечных огней“ Бухары.

Из расщелин мощных отложений песчаника вырывались горячие подземные газы, а иногда и светлое пламя. Неумолчный глухой шум, какое-то шипение и рокот доносились из-под земли. Леман подержал зажженный сук над одной из расщелин. Образовавшаяся тяга воздуха вызвала сперва усиленный шум под землей, а через несколько минут вырвалось и ярко-красное пламя, охватившее все дерево и чуть не опалившее натуралиста. Запах пламени напоминал горящий каменный уголь. Уголь этот действительно и нашелся здесь в больших количествах и прекрасного качества. Последующие розыски привели Лемана к открытию здесь пластов каменного угля, правда не очень мощных, но зато занимавших большую площадь.

С самодовольной насмешкой пишут и Леман, и Ханыков, и Богословский в своих работах о том, что бухарцы не только не знали ничего об этих ценных залежах, но не имели даже ни малейшего

представления вообще о практическом значении каменного угля. Но насмешка эта была очевидно совершенно неуместна. Бухара, феодальная страна на очень низком уровне, попросту не нуждалась в его применении и потому им и не интересовалась.

Юзбаши не хотел верить, что камень может гореть, пока Леман не убедил его тут же на наглядном примере в противном. Все же юзбаши остался очень недоволен. Он рассчитывал, что экспедиция найдет на этой таинственной горе непременно много золота и иронически отнесся к утверждению Лемана, что находка залежей угля стоит золота. „Ну, в таком случае,—заявил он,—мы пошлем к вам в Россию целых 500 верблюдов, нагруженных этим черным камнем, и посмотрим, что они там на это скажут“. С этого дня посланец эмира, уже ранее недовольный ходом работ экспедиции, повидимому, в ней совершенно разочаровался и вскоре дал понять свое недовольство вполне реально.

Изучив эту возвышенность, путешественники направились к исполинским вершинам главного хребта Кара-тау, этой до сих пор еще почти не изученной рудоносной площади. Дорога вела все в гору. Резко свистел ветер в расщелинах скал, горные потоки и болотистые пространства выбивали из сил самоотверженных лошадей экспедиции. Добрались, наконец, до настоящей альпийской зоны Кара-тау. Горная, поросшая мхом и различ-

ными травами равнина граничила здесь с последними и наивысшими гребнями Кара-тау—покрытыми снегом кварцевыми скалами. Зубья исполинов, устремляясь вершинами в высь, занимали полнеба.

В естественных гротах кварцевой породы Леман открыл во многих местах налеты медной лазури. Минералогия и ботаника этих мест так завлекли Лемана, что он со своими казаками снова отстал от спешно двигавшегося каравана. Юзбаши торопил экспедицию, разуверившись в талантах ученых исследователей. Чуть не заблудившись среди великанов-хребтов, Леман с трудом догнал остальных спутников.

3. Угрозы бухарского руководителя миссии Рамазана. Возвращение в Самарканд

Юзбаши Рамазана Леман нашел в весьма дурном настроении. Уполномоченный эмира распространялся о неприятностях, которые грозят от его властелина как ему, так и членам экспедиции из-за неуспеха ее в розысках золота. Он назвал совершенно невероятную сумму, которая была якобы им потрачена на содержание путешественников. В заключение своего выступления, имевшего характер порицания и чуть ли не выговора, юзбаши привел несколько примеров того, как беспощадно расправляется эмир с теми, кто вызывает его гнев... против тех, может быть, хотел договорить он, но

умолчал, кто под видом научных и инженерных работ занимается шпионажем.

Пришлось возвращаться, не дойдя каких-нибудь 200-300 км до совершенно не изученных в те времена вершин Болог-Тага, граничащего с Памирским плато.

Взяли курс обратно на г. Пенджикент по живописной караванной дороге, среди возделанных полей и тщательно содержимых фруктовых садов, ютящихся у подножия высочайших, скрывающихся в облаках, снежных вершин. Ночью пришлось укрываться в сакле от первого во всю экспедицию дождя. Толку оказалось, однако, от лачуги мало. Ветер и ливень проникали в жалкое их пристанище.

На утро путь пошел опять выше и выше в горы. В туманной мгле тонули вдали скалистые хребты с розовыми вершинами. Местность становилась все более дикой и неприветливой, какой-то меланхолической, по выражению Лемана, и вдруг к несказанной радости Лемана у берегов одного горного пенистого потока выросли на глазах путешественников одна за другой настоящие „родные березы“.¹ На расстоянии целых 10-12 км они радовали взоры путников, после чего сменились арчой (можжевельником). Дорога между тем становилась все круче и круче, по узкой извилистой

¹ На самом деле это были высокогорные березы (*Betula sogdiana*).

тропе приходилось преодолевать подъем за подъемом, поднимаясь по очень крутым осыпям. Но уверенно шагали кони, осыпая мелкий щебень по откосам.

На беду караван охватил густой, сырой туман, не дававший разглядеть друг друга на расстоянии нескольких шагов. Путники все время должны были тревожно перекликаться, чтобы не потерять связи друг с другом. Становилось трудно дышать, несмотря на то, что люди не шли пешком, а ехали на лошадях. Жалко было смотреть на коней с расширенными ноздрями, задыхаясь и хрипя, они медленно подвигались, отягченные ношей.

Перевалив с трудом крутой хребет, экспедиция неожиданно увидела далеко расстилавшуюся перед нею внизу, блестящую зеленую гладь обширного озера Кули-Калан, что значит большое озеро. По крутым берегам его разбросался темный лес из высокой арчи, около него зеленел подлесок из жимолости с желтыми ягодами и барбариса. ¹ Нигде никакого следа человеческого жилья. В этой дикой местности, по рассказам бухарцев, водились в изобилии медведи, волки, лисицы, рыси и полосатые гиены. Только пройдя 50 км, караван встретил

¹ В горных районах Киргизии, Таджикистана и южного Казахстана имеются огромные заросли дикорастущего барбариса. Из его ягод можно получить ценнейший экстракт, вполне пригодный для пищевкусовой и винодельческой промышленности. Барбарисовый экстракт может быть применен и в медицине как великолепное противоцинготное средство.

людей — кочующих узбеков в кибитках. За ним потянулись поля, плодовые сады, паслись стада овец и коз. Дикая древесная растительность стала разнообразнее. На ряду с арчей росли каштаны, боярышник, обыкновенная рябина.

В Пенджикенте экспедиция провела всего один день, после чего направилась, уже имея в своем составе весьма много больных, в Самарканд. В город Тимура, блиставший от лучей утреннего солнца своими пестрыми куполами, путешественники прибыли не в пример прошлому приезду, без почетной встречи и уже без юзбаши. Последний, окончательно рассорившись с членами экспедиции, покинул ее и поспешил к воевавшему под Кокандом эмиру с жалобами на экспедицию и за дальнейшими инструкциями. „Замечательно, — пишет Бутенев в своем рапорте Канкрину, — что по окончании путешествия Рамазан отвез к эмиру все камни, отнятые им от Богословского, и все растения, взятые им от Лемана, не зная не только употребления, но и самых названий их. Сверх того все растения, собранные Рамазаном, были обломаны, испорчены и связаны в одну кучу, как сено“.

В Самарканде Богословский, как рассказывает Бутенев, встретился с одним „русским татаринном“, „ходившим к Бутеневу в Бухаре“ (sic!), и отправил через него Бутеневу секретные рапорты и письма, „в которых достаточно объяснил все отношения свои к Рамазану“ (Бутенев). „Почему, — пишет Бутенев, — я немедленно отправил к визи-

рю письмо, в котором описал поступки Рамазана, и просил препроводить его в подлиннике к эмиру, а сверх того просил его исходатайствовать от эмира разрешение на возвращение всех чинов горной партии в Бухару по случаю болезненного состояния их“.

В ожидании ответа эмира пришлось экспедиции отсиживаться целый месяц в Самарканде. Ханыков 8 сентября 1841 г. выехал из Самарканда на юго-запад в город Карши. Официальным мотивом поездки выставлена была необходимость изучения пути Самарканд—Карши, „не исследованного доселе ни одним европейцем“ (Ханыков).

В городе Карши, в момент приезда туда Ханыкова, наместником был Мозаффан-Эдин, старший сын эмира Наср-Уллы.

По сведениям Вамбери, Мозаффан-Эдин стоял во главе образовавшейся в Бухаре в начале сороковых годов значительной партии недовольных жестоким правлением Наср-Уллы. Сорок человек влиятельных заговорщиков сгруппировались к тому времени вокруг наследника бухарского престола.

Повидимому здесь, в центре заговора, Ханыков и узнал все подробности неприглядной биографии эмира, опубликованной им впоследствии в его книге „Описание Бухарского ханства“.

О чем и с кем разговаривал Ханыков в Карши, нам неизвестно. Но знаменателен тот факт, что вскоре после визита Ханыкова в резиденцию наследника, последний был перемещен в г. Кермине

в непосредственную близость к отцу-эмиру, где Мозаффан „имел меньший круг деятельности и где присмотр за ним мог быть строже“ (Вамбери).

Не потерял времени даром и Леман. Описанию города, характеристике его многонациональных обитателей — узбеков, персов, таджиков, ногайцев, индусов, евреев — он посвящает многие страницы своего дневника. И здесь, как и в Бухаре, ему пришлось между прочим побывать на невольничьем рынке, на котором продавалось от 40 до 60 людей, по преимуществу женщин и детей, приведенных с китайской границы.

С конца сентября месяца осень начала давать знать себя весьма ощутительно. Приносившие с собою холод бури обнажали деревья и заполняли желтыми листьями все канавы и рвы. К 1 октября, после сильных ветров и дождей, вершины ближайших гор покрылись свежим снегом. Температура стала резко падать, особенно ночью. Пошел снег и в городе, падая тяжелыми хлопьями на оставшиеся кое-где на деревьях листья. Облеклись самаркандцы в зимние халаты, подбитые лисьим мехом.

Получив специальное разрешение эмира, путешественники за время пребывания в Самарканде сделали несколько очень поучительных экскурсий в отдаленные его окрестности, давших Леману интересные и обильные сборы растений и животных, главным образом насекомых.

4. Вынужденная зимовка в г. Бухаре. Трагический конец
английских путешественников Конолли и Стоддарта.
Зимние наблюдения Лемана

В середине октября эмир, наконец, отпустил экспедицию в свою резиденцию, произведя демонстративно Рамазана за его „заслуги“ в следующий чин. Узнав об этом, Бутенев имел в виду при личном свидании поговорить с эмиром относительно поступков Рамазана. Однако благоприятного случая не представилось.

„При первых переговорах, — рассказывает Бутенев, — эмир был настолько внимателен, что подавал надежду на успешное окончание с ним всех дел“, а потому Бутенев „не хотел вводить в объяснение эту неприятную историю“, впоследствии же эмир, пишет Бутенев, „избегал со мною личных объяснений“.

По пути следования обратно в Бухару экспедиции на полях уже был снят хлеб. Громадные стаи журавлей, ворон, голубей, галок, сорок, воробьев скоплялись в местах молотбы, кормясь обильными от нее остатками. Караван-сарай, деревни и города, встречавшиеся экспедиции, были против обыкновения оживлены и освещены до глубокой ночи. Это было время поста Руза, когда

жители Бухары по магометанскому закону могли приступать к еде только после заката солнца.¹

Через 17 дней похода экспедиция благополучно прибыла в г. Бухару и осела там на целых пять месяцев. Приходилось ждать, пока эмир вернется со своего — по отзывам приближенных эмира — „победоносного“ похода на Коканд.

Эмир действительно разорил этот город. Хану кокандскому Махамеду-Али однако удалось сбежать от преследователя и скрыться в Ташкент, в котором управлял его брат султан Махамед-хан. Эмир потребовал выдачи обоих братьев, иначе грозя Ташкенту участью Коканда. Хан и султан были выданы. Султана по приказанию эмира немедленно зарезали. Хан же был принят эмиром милостиво и получил от него в подарок почетное платье. Целый вечер эмир и хан провели в дружеских разговорах, но когда хан возвратился в свою комнату, то по приказанию Наср-Уллы был там тоже зарезан.

Рассказав в эпически-спокойном тоне об этих кровавых и вероломных событиях, Бутенев заканчивает свой рапорт 9 сентября 1842 г. следующим из них „деловым“ выводом: „Уничтожение Кокандского ханства и присоединение его к Бухарии имеет для России ту невыгоду, что, ездивши в Ташкент для торговли, русские купцы платили

¹ Точнее, когда глаз перестает различать волос из хвоста вороной лошади.

Кокандскому правительству таможенную пошлину в 5% ценности их товаров, ныне же должны будут платить по бухарским правилам по 10%.

26 октября 1841 г. в Бухаре разнесся слух, что эмир спешно возвращается к себе в столицу, опередив свое войско. Говорили, что, торопясь домой, он даже не заехал к св. Богуэддину поблагодарить его за удачную войну с Кокандом. Члены миссии немедленно облачились в парадные халаты и отправились встречать эмира. С трудом пробрались они через шумевшую и теснившуюся толпу ко входу во дворец. Полицейские дубинки неистово работали, чтобы очистить дорогу ожидаемому победному кортежу. Удары по головам и животам верноподданных так и сыпались. Неумолчные крики побитых и перебранка ссорившихся из-за места однако заглушались еще более ужасающим шумом оркестра—„банды музыкантов“ (Леман), поставленных на городской стене над главными воротами. Чрезвычайно резкие, ошеломляющие звуки длиннейших с медным раструбом труб и треск барабанов, по которым барабанщики нещадно били простыми палками, потрясали слух.

Наконец, приблизилось и шествие. Воины с вьючными животными, босые пехотинцы, вооруженные железными пиками, беспорядочной толпой прошли во двор дворца. Внезапно раздирающие звуки „оркестра“ вдвое усилились, возвещая о приближении самого эмира. Оттесняя толпу, проскакала конница с длинными пиками, за ней

проследовал отряд телохранителей с аллебардами и, наконец, появился „он сам“ в сопровождении двух всадников, державших знамена на длинных позолоченных палках.

Эмир смотрел в одну точку, только изредка бросая подозрительные взгляды по сторонам. Казалось, что он чувствует себя не совсем в своей тарелке среди всей этой шумной и беспорядочной процессии, мало похожей на триумфальное шествие.

Толпа ринулась вслед своему повелителю во двор дворца за золотыми, в большинстве случаев фальшивыми, монетами, которые обычно в этих случаях там ей бросали. Путешественникам нашим не оставалось ничего другого, как возможно скорее удалиться, чтобы не попасть в давку.

Стало очевидно, что для поддержания престижа и в интересах дела начальнику миссии — посланнику — было совершенно необходимо добиться личного приема у эмира. Пришлось прибегнуть и в отношении властителя Бухары к лучше всего действовавшему и в Бухаре, испытанному и излюбленному самодержавной дипломатией средству, а именно взятке. Бутенев выразил желание преподнести эмиру подарки. Аудиенция была назначена, и при этом Бутеневу удалось вступить с эмиром в переговоры, согласно инструкции министерства иностранных дел.

Во дворце Бутенева поставили в галлерее против окна внутренней комнаты эмира. На это окно и воссел эмир для беседы с Бутеневым. Русский посланник настаивал на заключении акта которым эмир обязывался бы, во-первых, освободить всех русских пленников, во-вторых, снизить таможенные пошлины и, в третьих, согласиться на установление постоянного русского агентства при бухарском правительстве.

Сеть для уловления Бухары в сферу влияния царского правительства России была расставлена, но на коварство русского агента эмир ответил не меньшим коварством и ложью.

Он потребовал прежде всего предъявления письменного проекта акта. Бутенев немедленно отправился за ним и привез его. Эмир оставил его у себя для изучения. Относительно вопроса о русских пленниках Наср-Улла выразил полное недоумение. „Разве есть в Бухаре русские невольники?“ — с изумленным видом спросил Бутенева эмир, он же верховный командующий войсками, среди которых лучшими воинами считались плененные русские. Как раз тогда, после только что законченной войны против Коканда, эмир привез оттуда с собою в Бухару пять человек русских невольников и определил их в свое отборное войско сарбазов. Не моргнув глазом, эмир заявил, что ничего об этом не знает. Перед тем как обсуждать этот вопрос, надо прежде всего выяснить, действительно ли русские невольники

в Бухаре существуют. О таможенных пошлинах и постоянном русском агенте эмир подумает и даст ответ Бутеневу через несколько дней.

Надо заметить, что вопрос о русских пленных обсуждался в Бухаре уже пять лет тому назад в беседе русского агента Виткевича с куш-беги, причем в гораздо более откровенной форме. На требование Виткевича — а Виткевич имел обыкновение говорить очень резко — освободить русских пленных, куш-беги ответил решительным отказом по двум причинам. Во-первых, „потому что правоверные выдавать рабов кафырам-неверным не могут“, а во-вторых, потому, „что русские сами держат мужиков своих в рабстве“. В доказательство же, что русским пленным живется в Бухаре неплохо, куш-беги обратил внимание Виткевича на то, что „пленникам вашим не запрещается исповедывать веру свою. Они все, как видишь, по праздникам пьяны“.

В заключение Бутенев говорил с эмиром относительно полковника Стоддарта. Содержание этого разговора он переслал в особо секретной записке министру иностранных дел Нессельроде. Но ее в секретных делах Бухарской миссии, хранящихся в Ленинградском отделении Центр-архива, не оказалось.

За этим визитом последовали еще две беседы с эмиром без определенных результатов. Наконец, на четвертой и последней аудиенции эмир дал точные ответы на все сделанные Бутеневым

предложения. Пленники русские могут быть возвращены при условии уплаты за них 1000 индийских ашефарий или по крайней мере 1000 голландских червонцев. Еще лучше, если вместо денег русский царь уплатит за пленных пушками. Их обещать эмиру Бутенев никак не мог. Вместо пушек Бутенев предложил прислать из России разных мастеров, ремесленников, машинистов, с тем, чтобы из Бухары в свою очередь в Россию были отправлены молодые люди для обучения ремеслам и мастерствам. На это предложение получен был отказ. Что же касается таможенных пошлин, то они, было заявлено Бутеневу, могут быть снижены, но только в том случае, если соответственно пошлины будут сбавлены в России с бухарских купцов.

Характерно, что сразу после этого разговора Бутенева с эмиром с товаров, только что привезенных в Бухару приказчиком купца Пичугина, взята была пошлина вместо обычных 5% в 10%. Эти 10% для русских товаров в дальнейшем так и стабилизировались, несмотря на многократные представления Бутенева визирю. Личных же объяснений с эмиром после этой аудиенции Бутенев не мог допроситься.

Визирь предложил Бутеневу от имени эмира поехать обратно в Россию и привезти или самому Бутеневу оттуда ответ относительно денег за пленников или передать ответ с посланником, которого эмир отправит в Россию.

В заключение своей беседы визирь по приказанию эмира „объявил об нем, эмире“, пишет Бутенев, „что он (эмир) питает к государю императору только дружбу и почтение“. Пилюлю, и очень горькую, все же позолотили.

Эмир не пожелал сыграть роли мухи в паутине, раскинутой для нее русским царизмом.

Нерасположение начальства сказалось немедленно и очень ощутительно на поведении подчиненных в отношении лиц, попавших в немилость. Визирь, а еще в большей степени мелкие чиновники, с которыми по необходимости приходилось быть в сношениях, стали чинить с той поры Бутеневу и другим членам миссии всяческие мелкие неприятности.

Сложилось положение неопределенное и невеселое. Тучи на горизонте для экспедиции стали сгущаться еще сильнее в связи с трагической судьбой других двух европейцев, оказавшихся в то же время в Бухаре.

На следующий день после прибытия эмира в Бухару приехал отряд из 60 афганцев и с ними вместе английский лейтенант Конолли (Conolly). В тридцатых годах Конолли совершил путешествие через Россию, Персию и Афганистан в Индию. До приезда в Бухару Конолли успел побывать с особым поручением в Хиве и Коканде. Миссия его в эти страны, официально только

научная, не имела, согласно Hellwald'y, как мы указывали выше, никакой другой политической цели, „как подчинить Хиву влиянию Англии, вооружив ее против России“.

Сейчас, снабженный прекрасными научными инструментами, Конолли возвращался, как он объяснил Леману, из научной экспедиции на родину, по дороге только заехав в Бухару. На самом деле Конолли, по данным Hellwald'a, был секретно приглашен эмиром для переговоров. То же утверждает и Вамбери.

„Англия к тому времени, — пишет он, — убедилась, что дипломатические переговоры кабинетов Лондона и С.-Петербурга не приведут ни к какой цели и что Россия намерена спокойно продолжать свою наступательную политику в Средней Азии. Поэтому английское правительство решило обратиться к самим князьям ханств Бухары, Хивы и Коканда, чтобы открыть им глаза на угрожающую им от России опасность и побудить их соединиться в оборонительный и наступательный союз для дружного отпора общему врагу, т. е. России. Во исполнение этого поручения Конолли побывал в Хиве, и действительно Хива стала относиться к России крайне враждебно. Из Хивы Конолли со своими афганцами проник в Хоканд и Ташкент“ (Вамбери).

Бутенев с большим радушием и предупредительностью пригласил Конолли поселиться в помещении русской миссии (см. один из пунктов

секретной инструкции). Конолли некоторое время прожил там, после чего, однако, переехал на жительство к полковнику Стоддарту.

Леман очень подружился с обоими англичанами. В письме к своему другу доктору Розенбергу Леман пишет: „...я сошелся здесь с обаятельными и образованнейшими европейцами—знаменитым путешественником Артуром Конолли и его достойным соотечественником полковником Стоддартom...“

По рассказам Конолли, он в Коканде встретил сперва очень дружелюбное отношение, но в дальнейшем вызвал к себе подозрение и был подвергнут домашнему аресту. Ему, однако, удалось пробраться к войску эмира, и последний разрешил ему отправиться в Бухару. В отличие от Бутенева, не получавшего доступ к властителю Бухары, Конолли и Стоддарт стали часто бывать у эмира и его визиря. Бутенев в свою очередь не считался с визитами и посещал „образователя“ ханских войск Наиб-Абдула, хозяина дома Стоддарта. Наиб впал в немилость. Бутенев счел за лучшее прекратить личные посещения Наиба. „Знакомство это,—пишет Бутенев в секретном рапорте,—могло бы мне теперь повредить в моих делах“. Поддерживать связь с Наибом он поручает Ханыкову, который и информируется в дальнейшем Наибом.

Аудиенции у эмира Конолли и Стоддарта между тем продолжают, но приобретают по-

степенно все более и более зловещий характер. Они превращаются в обстоятельнейшие и суровые допросы (см. секретную инструкцию). Эмир не хочет верить, что англичане приехали в Бухару только с научными заданиями, и всякими уловками пытается выведать у них о настоящей цели их пребывания в Бухаре. Когда на один из „ехидных“ вопросов эмира они ссылаются на посланцев других христианских народов, тоже работающих в стране эмира с научными целями, подразумевая русскую миссию, то эмир отвечает: „Те такие же киафуры (неверные) и ференги (иностранцы), как и вы. Ведь только сейчас мир вообще узнает о вашем существовании“.

Этими разговорами дело, к сожалению, не заканчивается. „Приемы“ начинают повторяться уже по „инициативе“ эмира неоднократно и длятся целые дни и ночи. Эмир высказывает на них Конолли сомнение в том, что он действительно посланец английской королевы, и выражает уверенность, что Конолли приехал в Бухару с совершенно особыми, секретными и для существования Бухары опасными инструкциями. Эмир не останавливается в этих беседах перед прямыми угрозами, которым Конолли противопоставляет всегда умеренные и разумные возражения.

Бутенев, узнав обо всех этих обстоятельствах, пишет Леман, стал „сильно беспокоиться за судьбу англичан“, и чтобы поддержать их престиж, устроил специально для них у себя официальный

прием, обставив его известной торжественностью. Эта „дипломатическая акция“, повидимому, произвела на эмира некоторое впечатление, и „аудитенции“ англичан у эмира временно прекратились.

В еще большей степени, казалось, улучшило положение англичан пришедшее из Англии эмиру от лорда Пальмерстона письмо. В нем подтверждалось, что оба английских офицера действительно посланы в Бухару английским правительством. Эмир выразил по этому поводу им большую радость. „Ну, теперь я вижу,—сказал он,—что вы действительно настоящие посланцы. Жаль только,—прибавил он,—что письмо написано не самой королевой Викторией“.

Сейчас же эмир приказал написать английскому правительству, что офицеров ее величества он свободно отсылает на родину, после чего их обоих арестовали. При обыске у Конолли нашлись среди научных инструментов две небольших медных пушечки. Конолли и Стоддарт были брошены в ужасную яму-тюрьму при дворце эмира и в ней подвергнуты жестоким пыткам.

Шесть месяцев, пишет Вамбери, они пробыли в заключении, в гнилой, мокрой и темной норе, в холод и сырость прикрытые только жалким рубищем, усыпанные червями, при отвратительном продовольствии и в постоянном страхе смерти. Стоддарт, как пишет в своем дневнике Конолли, превратился в живой скелет.

17 июня 1842 г., когда русская бухарская миссия уже благополучно вернулась в Россию (7 июня), представители английской миссии были публично казнены на городской площади Бухары в присутствии всего населения города. Стоддарту было в то время 36 лет, а Конолли—35.

Вамбери следующим образом описывает их казнь: „Сперва отрубили голову Стоддарту. Когда очередь дошла до Конолли, палач остановился. Конолли было заявлено, что ему будет дарована жизнь в случае, если он перейдет в ислам. Конолли ответил: «Стоддарт сделался магометанином, и вы все же его казнили, я был христианином и останусь им. Я умираю охотно». После этого он подставил свой затылок палачу, который одним ударом отделил голову Конолли от туловища. Трупы обоих казненных были положены в одну могилу, вырытую до казни перед глазами осужденных“.

Если верна картина казни, как ее рисует идеолог английского империализма Вамбери, то надо отдать справедливость агентам английского правительства—они держали себя во время казни хладнокровно.

В статье о Бухаре, напечатанной в *Encyclopaedia Britannica* (Eleventh Edition, vol. IV), автор ее, рассказывая о борьбе за влияние в Бухаре Англии и России, утверждает, что эмир Наср-Улла

обращался с русскими грубо, к англичанам же относился предупредительно. Последнее, очевидно, едва ли верно. „Как мог осмелиться,—спрашивает Вамбери,—жалкий Насруллах совершить подобный акт по отношению к великой европейской державе, которая славится тем, что не боится величайших жертв для защиты своих подданных?“ и отвечает: „Помимо других причин это следует приписать «несчастному соперничеству обеих великих держав».

В данном туре сложной дипломатической игры одержала верх царская Россия.

Спустя два месяца по окончании экспедиции горный инженер подполковник Бутенев награжден был орденом Станислава 2 степени и едино-временно выдачей 600 голландских червонцев, а титулярный советник Ханыков был произведен в следующий чин коллежского асессора и получил в награду 400 голландских червонцев.

Впоследствии в Бухару проник с большими предосторожностями миссионер, доктор Иосиф Вольф, специально для расследования причин казни Стоддарта и Конолли. Ознакомившись с большой опасностью для себя, с обстоятельствами, при которых погибли англичане, Вольф пришел к заключению, что „подстрекателем этого злодейства“, как он пишет, „был вероломный друг англичан, первый министр эмира Наиб Абдул-Самет-Хан“, с которым, как мы видели, миссия Бутенева вплоть до своего отъезда была

в самых тесных отношениях. Лицемерный сторонник коварного Альбиона, Наиб Абдул, работал очевидно на два фронта.

Знаменательно также, что некоторые документы, принадлежавшие казненным и перешедшие в руки бухарцев, уже после того как русская экспедиция прибыла на родину, повидимому попали каким-то образом в Россию. Указанием на это служит следующий, недостаточно еще разъясненный факт. Много лет после казни англичан к сестре Конолли, жившей в Лондоне, явился какой-то таинственный незнакомец. Отрекомендовавшись приезжим из России, он передал ей дневник Конолли, который Конолли вел в темнице перед казнью, и, не дав никаких дальнейших разъяснений, удалился.¹

Возможно объяснить смелость Наср-Уллы и превратным, преуменьшенным представлением о значении и силе европейских государств того времени.

Бернс,² передавая свои впечатления о Бухаре, пишет: „Оттоманская империя пользуется громкой славой в Бухаре, ибо жители последней имеют весьма неточное понятие о слабости Порты; они полагают, что султан—могущественнейший монарх на земном шаре. Здесь меня нередко спрашивали

¹ Архив АН СССР, фонд 56, оп. 1, № 23.

² Александр Бернс. Путешествие в Бохару. Т. 3, М., 1849, стр. 494.

о том, как велика подать, которую выплачивают ему различные европейские народы“.

По существу однородное, только расцвеченное весьма шовинистическими, ура-патриотическими красками мнение высказывает и Виткевич:¹

„Сами владельцы Средней Азии,—пишет он,—по невежеству своему и глупости, не имеют никакого понятия о силе и могуществе России, презирают в душе все немусульманское и коснеют в черством и однообразном невежестве своем, не заботясь о будущем, не занимаясь прошедшим.

Слухи о победах наших... дошли сюда, в Среднюю Азию, в самом искаженном виде и большей частью почитаются какой-то сказочной молвой, и мало кто этому верит“.

Долго члены миссии, по словам Лемана, были в полном неведении того, что случилось с Конолли и Стоддартом. Леман в это время осторожно пишет Розенбергу: „Мы лишены уже в течение долгого времени приятного и поучительного общения с двумя путешественниками в виду жестокой и несправедливой судьбы, которая их здесь постигла. Они как будто живы, но как живут они, об этом мы ничего до сих пор никоим образом узнать не можем“.

Во время длительного и томительного фактического пленения в Бухаре, среди тяжелых слухов и ожиданий, Леман пользовался всем своим

¹ Виткевич, I. с.

свободным временем для всестороннего изучения окружающей его жизни. Особенное внимание уделял он в эти беспокойные дни изучению воспитательной и образовательной системы в Бухаре. В государстве с феодальным строем наука тесно была связана с господствующей религией. Так было, конечно, и в феодальной Бухарии того времени. Столица ее Бухара считалась испокон веков „оплотом ислама“. И действительно, говорит Леман, Бухару можно было бы назвать средоточием магометанской учености или скорее даже мусульманского богословия. В прежнее время, продолжает он, в мечетях и училищах Бухары и Самарканда, кроме главного предмета, учения Корана, отводилось немного времени изучению астрономии, истории, медицины и алхимии. Оставшиеся от тех времен многочисленные рукописи по указанным наукам еще продавались при Лемане за гроши в лавках Бухары.

Сохранился во времена Лемана в г. Бухаре и один единственный живой представитель астрономических наук — мулла, предсказывавший будущее по звездам. По свидетельству Ханыкова, обязанности этого придворного астролога состояли исключительно в том, чтобы вычислять счастливую минуту выезда эмира и уведомлять его заранее, если случится солнечное или лунное затмение. Однако заниматься астрологу последним делом во время пребывания миссии было уже воспрещено, так как два или три раза пророчества его не сбывались.

Многолетний курс богословских наук бухарца начинался, по данным Лемана и Ханыкова, с самого раннего детства, иногда уже с пятилетнего возраста. Учились дети „закону божию“ от утренней зари до 5 часов пополудни, постоянно в сидячем положении, лишь с одной переменной для того, чтобы сходить домой за хлебом. Каникул не полагалось никаких. Только пятница избавляла их от ферулы наставника. Курс учения состоял сначала в умении читать и писать, а далее исключительно в чтении божественных книг, в которых ученики по существу почти ничего не понимали. Читались книги на первых порах всем классом хором в один голос. „Идя по Бухаре, вы бываете предварены о близости училища сажень за 20 от него, так громко и прилежно учатся“, пишет Ханыков.

Выйдя из первоначального училища, желающие продолжать свое образование поступали в медресе или семинарии. В Бухаре Виткевич насчитывал их до семидесяти. „Они похожи, — пишет он, — постройкой на караван-сарай, с тою только разницей, что потолки или кровли их не плоские, а на своде“.

Ученики живут, продолжает Виткевич, „общее с муллами в каморках и пользуются их наставлениями. В каждой каморке живет мулла, который получает свою долю дохода от приписанных бань, земель или сараев. Мулла этот содержит несколько учеников, которые ему в то же время и прислуживают и получают от него то, что мулле угодно

им дать. Покидая место свое, мулла продает его другому собрату“. „Известнейшая медресе—Мир-Ариб. В ней до 80 комнат и столько же мулл. Из этого видно, какое множество в Бухаре тунеядцев“ (Виткевич).

Полный курс учения в медресе охватывал чудовищный срок в 15—20 лет ленивого труда и трудового безделья. Это был строго замкнутый мир монастырских правил, зубрежки и скуки, — все типичнейшие черты феодальной школы. Учебное время в этих восточных университетах сполна шло опять-таки на чтение и толкование религиозных книг, после чего только изучались науки светской мудрости.

К первой категории учения относилось толкование смысла Корана, изучение речей, сказанных самим Магометом и слышанных им от бога, потом шло чтение творений тех людей, которые лично знали Магомета и беседовали непосредственно с ним, вслед за сим изучались толкования указанных бесед с Магометом людьми, которые знали лиц, беседовавших с Магометом и с ними беседовали по поводу их бесед с Магометом, и наконец доходили до сочинений тех, которые не знали ни Магомета, ни его собеседников, ни собеседников его собеседников, но жили не позже 400 лет после Магомета.

Леман познакомился с некоторыми из страсто-терпцев, изучавших всю эту „науку“. Среди них были студенты свыше 50-летнего возраста, почтен-

ные отцы уже взрослых детей. Содержались все эти многочисленные бесполезные книжники, талмудисты Корана, на тяжелые налоги с населения и больше всего с бедных декханских семей.

Очень заинтересовала Лемана постановка лечебного дела в стране, столь изобилующей различными болезнями. Злокачественные лихорадки, тиф, дизентерия и другие инфекционные болезни бичевали население. В некоторых местностях распространены были зоб и проказа. Город Бухара отличался множеством больных риштой.

Центр медицинского образования находился в Герате, где жили многие ученые врачи, аптекари и где имелаась медицинская литература. Учение начиналось с чтения врачебных книг, в большинстве случаев мистического характера. После этого студент приводился наставником к постели больного и изучал практику дела. В любой момент студент мог прекратить свой курс учения и считать свое медицинское образование законченным. Никаких поверочных испытаний и дипломов на право лечения не полагалось. В Бухаре каждый мог лечить, как и чем он хотел. В большинстве случаев, по впечатлениям Лемана, бухарские врачи на самом деле оказывались ничего непонимающими обманщиками.

Как и в России, здесь было очень распространено знахарство. Леман описывает один из курьезных способов врачевания безнадежно больных старухами-знахарками. Зажегши небольшой костер,

старуха заставляла тяжело-больного трижды обойти вокруг костра, потом трижды перепрыгнуть через него, в заключение трижды прыскала водой ему в лицо. Если же больной был так слаб, что не мог проделать этой процедуры, то огнелечение проводилось иначе: к палке привязывалась тряпка, пропитанная салом. Ее зажигали и ставили в углу комнаты, больного же сажали против такого „исчадия“, после чего этой палкой били больного по спине, приговаривая заклинания: „ступай в озеро, ступай в степи“. Вся эта нелепица была, повидимому, очень древнего происхождения. Один старый мулла рассказывал Леману, что жители Бухары 700—800 лет тому назад были огнепоклонниками.

Удивило Лемана в Бухаре громадное количество нищих, к тому же вызывающего поведения. Неприглядным нравам и организациям их он посвящает также страницы своего дневника. Отдельное сословие составляли монашествующие нищие—бухарские дервиши, носившие названия „календарей“. Головы их покрывали какие-то „дурацкие“, по выражению Лемана, остроконечные колпаки, платье их было всегда изорвано, „колонновожатые их шаек“ накидывали на себя для большего эффекта барсову кожу.

В определенные дни недели „календары“ ходили толпами по улицам, распевая духовные гимны, останавливали прохожих и с дикими, хриплыми криками просили подаяний. Наибольшие сборы

давали им базары. Еще более дики и страшны были ночные радения этих бухарских хлыстов. Безумные священные пляски их в слабо освещенных мечетях доводили их сперва до исступления, а потом и до полного изнеможения. На эти спектакли, щекочущие нервы у ищущих сильных ощущений иностранцев, Леман не пытался попасть. Его, трезвого натуралиста, они мало интересовали.

Подробно изучил и описал в своих дневниках Леман свадебные и похоронные обряды бухарцев, свидетельствовавшие прежде всего о невероятно приниженном и бесправном положении женщин Бухары.

Не теряли времени и другие члены миссии в период этого длительного, фактического ареста в пределах города. Богословский составил подробный отчет о только-что произведенных горной партией геогностических исследованиях в местах, „лежащих вверх от Бухары по реке Зеравшану, по левому берегу ее, до самых юго-восточных истоков сей реки, находящихся в горах Каратау, на пространстве 456 верст от г. Бухары“.

Бутенев на основании полученных данных написал для эмира краткую записку об „открытиях, сделанных горной партией“, а именно „месторождений каменного угля и многих благонадежных признаков медных руд“, и послал указанную записку через визиря Наср-Улле, рассчитывая быть

им принятым „по этому делу“. Однако, в ответ Бутеневу были посланы эмиром только бухарские чиновники „для словесного объяснения“. В беседе с ними Бутенев снова предлагал эмиру произвести разведки на золото на реке Аму-дарье или послать горную партию в горы Нура-тау, но „от него не последовало на сие разрешения“.

Оставалось только собирать дальнейшие нужные сведения „по горной части“, находясь в Бухаре.

Памятуя секретную инструкцию, Бутенев заинтересовывается прежде всего заводским делом в стране, причем преимущественное внимание обращает на местное изготовление оружия и прежде всего артиллерии.

Всего в Бухаре Бутенев насчитывает шесть чугунолитейных „заводов“ (очевидно кустарных предприятий). В них, за отсутствием собственно чугуна, переплавлялся лом русского происхождения. Лились почти исключительно сошники (наконечники для омачей). Горны, где производилась переплавка чугуна, устроены были из кирпича и вымазаны изнутри огнеупорной глиной. Уголь употреблялся саксауловый. Техника производства оказалась настолько примитивной, что Бутенев, по возвращении в Петербург, предлагал в интересах русского купечества организовать на русских заводах производство даже тех изделий, которые служили главным предметом выработки местных кустарей (наконечники для омачей, подковы, ножницы туземной формы и т. д.).

Пользуясь „близким знакомством“, как он условно пишет, с начальником чугунолитейных заводов Наиб-Абду-Саммад-Ханом, Бутенев с особой тщательностью изучает горны, служащие к переплавке в них меди для отливки пушек, и способ их отливки. Впечатления его от этой работы оказываются для бухарцев весьма безотрадными. Двенадцать медных пушек, составляющих бухарскую артиллерию, пишет Бутенев в секретном донесении, как по поверхности, так и в канале имеют весьма часто сыпь и даже раковины. Основываясь на тяжести исследованных им снарядов, Бутенев точно устанавливает калибр этих пушек. Сими артиллерийские снаряды, продолжает он, имеют столь негладкую поверхность, со множеством возвышений в тех местах, где приходился спой формы, с ужасающими свищами, раковинами и ноздринами по бокам, что, кажется, они нарочно делаются с намерением портить орудия.

Для изготовления ядер брались куски железа и гвозди и обливались чугуном. Иногда в середину клался камень. Сбоку просверливали отверстие, это производило свист при полете снаряда и должно было пугать неприятеля. Бутеневу удастся обследовать дула пушек не только взглядом, но и осязанием, и он замечает в дулах их „весьма глубокие продольные рытвины, сделанные в них сими снарядами“. Каменные ядра бухарской артиллерии, изготовляемые из известняка, по убийственному заключению Бутенева, гораздо лучше и глаже

их чугунных снарядов. Есть у бухарцев и гранаты, но „кажется, те держатся только напоказ“.

Детально обследует начальник русской миссии пороховой завод, устроенный километрах в двух от Бухары, подле сарбазских и артиллерийских казарм, и здесь констатирует тоже явное неблагополучие. „Порох их, — пишет Бутенев, — весьма слаб сравнительно с нашим и грязен, при пальбе сильно марают каналы в ружьях, словом во всех отношениях дурен“.*

Но в монетный двор Бутенева, имевшего, как мы видели, свободный доступ к артиллерийским тайнам, почему-то не пустили. Надо полагать, он там не сумел найти людей, „пожелавших из личных выгод сблизиться с Россией“. Пришлось из-за „подозрительного духа“ бухарцев отказаться от личного осмотра монетного двора и ограничиться „сведениями, полученными через словесные рассказы от других людей“.

Это не помешало Бутеневу собрать весьма обстоятельные данные о способах изготовления монет во дворе, охарактеризовать монетную систему Бухары вообще, в частности же сообщить достоверные сведения о широком распространении в стране фальшивых монет разных достоинств. Курьезнее всего, что изготовлением этих фальшивых монет занималась, по утверждению Виткевича, сама бухарская власть.

Виткевич пишет: „Правительство Бохары начеканило множество фальшивой монеты. Любопытно

видеть, как правительство смотрит на дело и вещи. Отдавать медь вместо золота выгодно, и потому (они), не призадумавшись, делают это, а о кредите и доверии не имеют никакого понятия.

„В золотые деньги подмешивают серебро, в серебряные — медь или делают просто медные, полученные“.

По этому вопросу у Виткевича был весьма откровенный и занятный разговор с куш-беги.

„Я сказал куш-бегию в глаза, — рассказывает Виткевич, — что они чеканят их сами. Куш-беги отказался и уверял, что это делают туркменцы, что он велел прошлого года одного за это повесить. Я рассмеялся и заметил, что на поддельных и настоящих деньгах одна и та же казенная чеканка — вынул несколько тинег и показал ему“.

Припертый к стене, хитрый куш-беги думал по своему вывернуться. „У вас еще хуже, — заявил он, — у вас делают бумажные деньги“. И несмотря на все старания, Виткевич не мог втолковать своему высокому собеседнику, „что это государственная долг, который уплачивается по мере востребования и основан собственно на доверии; этого он не понимал“.

„Золота так мало в Бохаре, — продолжает Виткевич, — что два-три червонца можно достать только с величайшим трудом... Купцы всегда упрашивают, нет ли настоящих, а в случае отказа берут и поддельные“.

Однако больше всего времени и сил взяло, вероятно, у Бутенева сопряженное очевидно с исключительно большими опасностями собирание секретных данных по вопросу о возможности военного похода русских в Бухару. Подробнейшая, весьма секретная записка, представленная им в Петербург на упомянутую тему, красноречиво свидетельствует о том, насколько серьезно и разносторонне прорабатывался Бутеневым в бытность его в Бухаре этот ответственный и опаснейший для него вопрос. Детальная передача и оценка указанной большой работы потребовала бы особой статьи военного специалиста и дипломата. Одно уже оглавление записки красноречиво говорит за себя. Вот отдельные ее главы: обозрение бухарских войск, народного духа их и духа правителя Бухарии; взгляд на лучший, по моему мнению, состав наших войск для этой цели; пути, по которым можно проникнуть до заселенных мест Бухарии; замечания о способах ведения войны в них; обзор средств довольствования войск наших внутри Бухарии разными потребностями; возможность вознаграждения денежных издержек, нужных на такую войну.

О войсках бухарских Бутенев держится мнения неважного. Иррегулярных войск в Бухаре, по сведениям Бутенева, около 50 000, в пять раз больше чем регулярных. Чем более будет собрано иррегулярного войска, пишет Бутенев, тем более будет в нем беспорядка и смятения и, следовательно,

средств к уничтожению его. В числе иррегулярных войск много безоружных. Так в походе против Кокании несколько тысяч „тунейдцев“ было выслано лопатами. При этом бухарцы удивлялись мудрости своего эмира, говоря, что при встрече крепостей неприятельских он ведет сим людям срыть их.

К иррегулярным войскам относится вся кавалерия. Она плохо вооружена и не стойка — не выдержит смелой атаки.

Регулярные войска — сарбазы, среди которых есть в известном числе русские невольники, вооружены европейскими ружьями со штыками, знакомы с военными построениями — колоннами, каре, и т. д., но производят их очень медленно. Относительно артиллерии в записке повторяется то, что Бутенев уже пишет в секретной части записки о заводском деле (см. выше). Артиллеристы — прислуга при орудиях — вооружены весьма широкими мушкетонами, которые стреляют одной большой и девятью малыми пулями. Настроение войск угнетенное, дисциплина держится только страхом, экипировка весьма плохая.

В записке приводится несколько подробнейших вариантов пути, по которому должны идти русские войска в Бухару и обратно, точно указываются рекомендуемые места стоянок, способы добычи воды, подножного корма и т. д. Количество русских войск определяется не более чем в 10 000, совершенно достаточное для успешного проведения военной экспедиции.

При захвате страны желательно, чтобы эмир не сбежал из Бухарии. Важно, чтобы он все обязательства утвердил своей подписью, да и сокровища его в таком случае скорее сохранились бы для контрибуции. Впрочем, если эмир сбежит, его можно заменить другим ханом. Важно только, чтобы претендент на престол был бы из потомков Чингисхана, так как по мнению жителей Средней Азии только они имеют право царствовать, а потомков его очень много, к ним принадлежат даже все киргизские султаны.

„Неизлишне, — продолжает Бутенев, — заметить следующее обстоятельство. В Бухаре живет один молодой человек 22 лет, по имени Мулла-Багис. Многие его считают братом эмира. Рассуждая строго, это невероятно, в частности потому, что при вступлении на престол эмир истребил всех своих братьев, дабы они не могли оспорить власть его на царство. Этого же он оставил без внимания? При всем том можно бы воспользоваться именем народа, и при надобности сделать его ханом... Должно, однако, признаться, что Мулла-Багис не оказывает особенно больших умственных способностей, хотя некоторые и утверждают, что он притворяется таким, дабы не показать себя опасным для эмира“.

Облегчает смену эмира то удобство, что Наср-Улла приходится потомком Чингисхана только по женской линии, а потому даже не имеет права царствовать. При назначении другого хана это

должно быть поставлено на вид народу, дабы охладить его к старому и привязать к новому хану.

Военный поход можно вполне провести так сказать на хозрасчете. По мнению Бутенева эта операция, выражаясь по-современному, не только экономически целесообразна, но и рентабельна.

Собрать с бухарцев деньги за военные издержки довольно легко. Доказывает это хотя бы недавний опыт эмира, с избытком собравший в короткий срок необходимые суммы для похода в Коканию.

Для русского военного похода в Бухару потребуется по расчетам автора 9 миллионов 600 тыс. рублей ассигнациями. Нет сомнения, что, „употребя некоторое более сильное понуждение“, а равно воспользовавшись сокровищами хана, его министров и проч., указанная сумма легко увеличится вдвое, каких расходов ни в каком случае не может стоить война против Бухарии.

Войска должны кормиться, конечно, на счет бухарцев. Недостатка в провизии не будет. „Ласки, угрозы и наказания всегда доставят провиант и мясную порцию в достаточном количестве. У купцов, на базарах и особенно у сельских хозяев всегда найдется довольно провианта для столь малого числа войск, как будет русских (около 10000 человек)“.

„Подобные меры жители не будут считать особенным стеснением и по их понятиям о нравах

войны и победителей. Они и не будут ожидать ничего лучшего. Сверх того, чем более стеснения будут претерпевать бухарцы, тем сильнее будут считать русских более окажут им покорности“.

Таковы были занятия „по горной части“ начальника российской миссии во время его вынужденного „бездействия“ в Бухаре, в окружении бухарских и английских соглядатаев, в самой резиденции бухарского Иоанна Грозного.

2. Зима и весна в Бухаре (1842). Единственный прием недовольного эмира. Возвращение в Россию и смерть Лемана

„Мы греемся здесь на декабрьском и январском солнышке, — пишет Леман из Бухары в Симбирск Розенбергу, — и зажигаем ежедневно наши трубки о солнце зажигательным стеклом. К полудню у нас обычно бывает на солнце $+25 - 27^{\circ}$ по Реомюру“.

К концу января зима, однако, вступила в свои права. На солнце в 12 ч. дня стала всего $+5^{\circ}$, в тени же был мороз в -15° , даже -18° по Р. Такие морозы для Бухары оказались совершенно исключительными. „Самые старики не запомнят таких холодов, как было в этот раз“, пишет Бутенев и продолжает: „в сильные большие морозы большая часть купцов даже не сидели в своих лавках на базарах“. Не приходится удивляться

поведению торговцев при том способе отопления или, вернее сказать, согревания себя, который здесь практиковался зимой в помещениях. „Греются здесь,—пишет Виткевич,—посредством сандали—род низенького столика, под который ставят жаровни, покрывают стол одеялами и садятся в кружок, сунув ноги и руки под стол“. „И тем не менее, — продолжает Леман, — у нас ежедневно к столу подаются три раза в день удивительно свежие и нежные дыни, яблоки, груши, гранаты и т. д.“.

В феврале, однако, в воздухе значительно потеплело. В начале марта термометр показывал + 31° по Р. Короткая весна Бухары приближалась полным ходом. В середине февраля прилетели гуси, утки, появились в небе стаи стремящихся с юга на север перелетных птиц, пронеслись с курлыканьем журавли, аисты, чибисы, заползали муравьи, зажужжали мухи. Леман поймал у себя в комнате пробравшуюся к нему ящерицу.

19 февраля разразилась сильная гроза. В двадцатых числах предгорья покрылись травой, зазеленели степные пространства, поля, зацвели лютик и вероника, налились почки на пирамидальных тополях и вязах, прилетели ласточки, а в самом конце февраля буря с дождем закончилась сильнейшим снегопадом, и термометр упал до — 1° по Р. Три дня шел обильный снег при температуре ниже нуля. „Мороз сделал очень много вреда фруктовым деревьям... особенно пострадали персиковые деревья“ (Бутенев).

Потом погода быстро прояснилась и на небе засияла двойная радуга. Стало снова тепло. Зацвели тополя, вязы, ивы, абрикосовые деревья, зарозовели персиковые кусты. Комнаты в доме миссии украсились ветками цветущих вишен, яблонь и груш.

Иногда шел дождь, и по вечерам вспыхивали зарницы. Как-то налетела с юга из пустыни буря. Воздух стал тяжелым и душным. Все небо окрасилось в зловещий желтый цвет. Густые тучи из крутящегося тончайшего песку, „весьма вредного для глаз“, и блестящих чешуек слюды понеслись по улицам. Глухой рев шторма звучал в ушах. В окрестностях города выросли новые барханы. Их песчаные лавины погребли под собой многие плантации и фруктовые сады.

„Но страшнее бури,—говорили местные жители Леману,—землетрясения, что время от времени потрясали столицу Бухары. За 25 лет до приезда миссии землетрясение разрушило многие дома в городе, убило людей и животных“.

Сильно тянуло Лемана на родину. Утомило однообразие жизни, мучили неопределенность положения, волнения за судьбу экспедиции, друзей и свою собственную, хотелось повидать близких.

В апреле, наконец, эмир перед своим отбытием в новый поход на Коканд назначил путешественникам прощальную аудиенцию.

На этот раз во дворце царило очень воинственное настроение. Двор и внутренние дворцовые

помещения были заполнены войсками в боевом снаряжении. Сверкающие сабли, щиты из кожи носорогов, тяжелые пищади, развевающиеся знамена поражали глаз. Слух оглушали трубные звуки и дробь барабанов. После некоторого ожидания появился эмир.

Быстро подойдя к Бутеневу, он ему сказал: „Я уже многое с вами обсуждал. То, что я хотел бы еще дополнить к нашему разговору, вы узнаете от визиря. Всего хорошего“. Вслед за сим, поспешно сбежав по ступенькам дворца, он вскочил на коня.

Так кончилась эта своеобразная аудиенция, которой миссия ожидала около полугода.

Было ясно одно. Повелитель Бухары очень недоволен работой экспедиции. Золота она ему не нашла. Каменный же уголь и руды, открытые Богословским и Леманом, его совсем не интересовали. И конечно уже никакого дела эмиру не было до исключительно богатых, чисто научных результатов экспедиции, не имевших непосредственно практического значения.

Отправились путешественники в обратный путь, будучи в опале, уже без почетных проводов, без парада, запросто, однако все же под присмотром прикомандированного эмиром к миссии бухарца Кары-Нассыр-Джана, бывшего смотрителя русского посольского дома в Бухаре.

На следующий же день по прибытии в лагерь, этот посланец эмира потребовал от Бутенева выдать ему обратно шесть человек русских, находившихся в Бухаре в неволе и взятых миссией для доставления в Россию согласно договоренности с эмиром. Пришлось подчиниться, а между тем из числа этих невольников четверо были престарелые, больные и увечные, а двое—малолетние дети, к тому же все они до отъезда „искупились из неволи“.

Потянулись снова поля, сады, селения, пустынные степи. К этому времени жаркое солнце успело уже выжечь всю травянистую растительность и иссушить последние источники воды, образовавшиеся от таяния снегов и дождей. Перешли без затруднений вброд обмелевший после весеннего разлива Зеравшан.

Возвращались той же дорогой, которой пришли в Бухару. Возвышенности с ущельями и пропастями сменялись томительными безлюдными пустынями, покрытыми бесчисленными барханами. Леман ревностно собирал по пути растения и животных. Встречались караваны, становища казахов с их кибитками. Стада верблюдов, коз, овец паслись на зеленеющих участках по берегам рек и в оазисах, орошаемых каналами.

У Баккалийских ключей к каравану присоединился бухарец Худояр, назначенный посланником в Россию. Перед переправой через р. Сыр-дарью приехали из Хивинской крепости начальники со

многими другими видными чиновниками в сопровождении отряда войск около 150 человек. Начальники пили чай у Бутенева, получили от него подарки и удалились. Взамен подарков они прислали Бутеневу двух исхудалых баранов и голову подмоченного сахара, прося вместе с тем в подарок несколько пистонных ружей и пистолетов. Только после удовлетворения этой достаточно назойливой „просьбы“ к стоянке лагеря поздно вечером прибыли перевозные лодки и началась переправа через Сыр.

Обратный путь на родину обошелся, правда, без „разбойных“ нападений, но все же приходилось быть на-чеку, особенно к ночи глядя. Так 23 мая вечером, когда смерклось, после того как караван покинул озеро Сары-Куль, „часовыми замечены были,—пишет Бутенев в походном журнале,—на окрестных возвышенностях подаваемые в разных местах сигналы через высекание огня в огнивы и через подъем и махание в воздухе зажженного дерева. По сему должно было ожидать нападения, и все люди были под ружьем до двух часов ночи“.

3 июня у реки Илек путешественников застала ужасная буря с проливным дождем, от которого останавливались верблюды.

Все помыслы и усилия путешественников были направлены на то, чтобы возможно скорее добраться живыми до русских границ и не подвергнуться участи Стоддарта и Конолли, дожи-

вавших в это время свои последние дни в бухарской тюрьме.

Такое общее настроение не помешало, однако, неутомимому Леману как раз на обратном пути (апрель—май и начало июня) сделать наиболее ценные ботанические сборы.

В своем предварительном отчете о ботанических коллекциях, собранных Леманом в это время, проф. Бунге пишет: „Песчаные пустыни Кызыл-кум, Кара-кум, гранитные скалы Бакали, старое русло Сыр-дарьи, Куван- и Яны-дарьи доставили много нежных, маленьких растений, продолжительность жизни которых очень коротка, так как несколькими днями позже те же, еле выросшие и цветущие растения уже собраны с плодами“ (Бунге).

7 июня усталые люди и животные достигли Куралинского форпоста на реке Илеке. Местные жители — староверы-казаки — встретили их довольно гостеприимно. Однако, по всем видимостям „русского православного, да еще курящего, крепко не долюбливали, с ними вместе из одной посуды не ели, а всегда давали особую; впрочем, вино и водку пили из одной рюмки“.

Занимались они преимущественно скотоводством и рыбной ловлей.

Отсюда вдоль реки Бердянки экспедиция дошла через два дня до Оренбурга.

Царство „мертвых душ“, только что разоблаченное Гоголем, встретило путешественников зна-

комыми картинами — народ в лаптях, онучах и домотканной сермяге, грязь и смрад в курных избах, тусклый свет лучины, лебеда и жолуди вместо пищи в неурожайных местах, повальные болезни, — вся подъяремная русская крепостная жизнь подневольного труда, нужды и горя снова развернулась перед соотечественниками.

По распоряжению из Петербурга Бутенев и Ханыков должны были незамедлительно выехать для докладов в столицу, что они и выполнили.

В последующем Бутенев был директором Петербургского технологического института и начальником Петербургского монетного двора.

Ханыков напечатал в 1844 г. обстоятельный труд „Описание Бухарского ханства“, переведенный на английский, французский и немецкий языки. За этой работой последовал ряд научных статей, приведших Ханыкова в Академию Наук, членом-корреспондентом которой он был избран в 1857 г.

После совершенной под его руководством экспедиции в Хорасан и Афганистан, Ханыков уехал в Париж и, обработав собранные материалы, издал капитальный труд „Mémoire sur l'ethnographie de la Perse“, заслуживший автору золотую медаль Парижского географического общества и возведший его в почетные члены ряда иностранных географических обществ.

По отзыву акад. Н. Веселовского, Ханыков был „одним из замечательнейших русских ориенталистов; к сожалению в России, — говорит Веселовский, — не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции“.

Приходится, однако оговориться, что делая этот упрек, акад. Веселовский выносит тем самым приговор между прочим и себе, как типичному представителю казенной науки дореволюционного времени, ставившей всяческие преграды действительному научному развитию.

Одним из молодых выдающихся научных работников являлся Леман, и его уже сторожила обычная для подобных ему в царской России участь.

Никто не позаботился о том, чтобы дать отдохнуть истомленному непрерывными суровыми экспедициями, положившему всю силу своей молодости на пользу науки, работнику уже с надломленным здоровьем. С трудом добравшись до Оренбурга, —

„Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают“

(Пушкин) —

Леман остановился в Оренбурге только для того, чтобы спешно привести в порядок свои обширнейшие коллекции, дневники и заметки.

Едва, в течение около месяца, закончив эту работу, он немедленно выехал из Оренбурга и в тот же день прибыл в Бузулук. Здесь он почувствовал себя плохо, но пересилил себя и доехал до Самары. В Самаре пришлось слечь на два дня. Снова переломив себя, Леман отправился уже совершенно расхворавшимся в Симбирск.

В знойную летнюю пору кибитка довезла его почти в беспамятстве по ухабам пыльного города до городской больницы, где Леман и скончался 28 лет от роду от „нервной лихорадки“. Повидимому, это была или схваченная им в Бухаре тяжелая форма тропической малярии или приобретенный уже по приезде в Россию сыпной тиф.

Оставшиеся после Лемана вещи в количестве 9 ящиков и 7 пакетов были сданы на хранение в полицейское управление.

Глава VI. Судьба научного наследия Лемана

Значение работы Лемана и других участников экспедиции

Надо было спасти драгоценное научное наследство Лемана, оставшееся беспризорным, — коллекции его, рукописи.

Генерал Шуберт, почетный член Академии Наук, начальник корпуса военных топографов, первым узнав в Петербурге о смерти молодого натуралиста в Симбирске, сообщает об этом академику Бэру, бывшему руководителю Лемана на Новой Земле. Бэр начинает энергично хлопотать о том, чтобы вещи Лемана возможно скорее и „верной оказией“ были направлены из Симбирска в Академию. Но вырастает неожиданное препятствие.¹

Родственники Лемана по праву наследства требуют передачи вещей Лемана им. Возникает длиннейшая и бесплодная переписка Бэра с родственниками, ведутся неприятные личные переговоры с ними. Выясняется, что за спиною родст-

¹ См. М. М. Соловьев, Переписка акад. К. М. Бэра с проф. А. А. Бунге (Архив истории науки и техники, вып. XI, изд. АН СССР, 1936 г.).

венников стоят еще другие лица. Дерптский проф. Бунге претендует на ботанические коллекции своего ученика, но их стремится получить помимо Академии и Петербургский ботанический сад в лице его директора ботаника Фишера; Ханыков хочет получить свою долю; акад. Кеппен требует себе статистические материалы, добытые Леманом, и, наконец, сами родственники открывают свои собственные карты. Они готовы „предоставить“ коллекции и рукописи Лемана Академии, но за надлежащую плату. Как самое предложение продать, так и цена, назначенная наследниками, удивили Бэра. „Насколько мне известно,—пишет Бэр по этому поводу профессору Бунге,—господа Леманы люди со средствами“.

Атмосфера сгущается. Сплетни, интриги, столь свойственные научной среде того времени, еще более усложняют положение. Показательно для этого дела письмо приятеля Лемана Розенберга Бэру. Убеждая Бэра отстоять коллекции и рукописи Лемана для Академии, он пишет: „надо бояться больше всего официального вмешательства с двух сторон, во-первых: со стороны Ф. (подразумевается очевидно директор Ботанического сада Фишер. М. С.) и, во-вторых, со стороны Ханыкова... Я заклинаю вас, господин статский советник, памятью моего незабвенного и вам дорогого друга, противостойте вы решительно таким попыткам и не выпускайте ничего из своих рук“.

А выпустить из рук пришлось. Родственники добились своего. Коллекции перешли к ним и остались у них. Только гербарии Лемана были ими направлены для обработки профессору Бунге в Дерптский университет, да рукописи пришлось передать Академии для редактирования. Бэр тщательно рассмотрел последние. Они оказались в плачевном состоянии. „Чьи-то грубые руки, — пишет Бэр профессору Бунге, — разрознили все бумаги самым ужасающим образом. Отдельные листки, относящиеся к Новой Земле, лежали среди листков, относящихся к Хиве или Самарканду“.

Прошло целых два года, и наследники Лемана снова подняли вопрос о продаже оставшихся у них коллекций Лемана Академии. Но время для выгодной продажи было уже совсем упущено. Два года перед тем министром финансов был граф Канкрин, благоволивший Академии и в частности Бэру. „А потому, — пишет Бэр профессору Бунге, — у Академии нашлись бы тогда и необходимые средства для покупки коллекций Лемана. Теперь же, — продолжает Бэр, — Академия совершенно обанкротилась, да и новый министр финансов (Ф. П. Вронченко. М. С.) менее всего склонен идти навстречу таким расходам. На одно аналогичное ходатайство он уже ответил: *«Je crache sur les sciences»* (Плевать мне на науки!)“.

Люди все же сторговались, и коллекции поступили в собственность Академии. Специально

выбранная комиссия академиков, ознакомившись с этими материалами, дала им весьма высокую оценку и признала необходимым результаты обработки коллекций Лемана и его собственные рукописи возможно скорее напечатать в академических изданиях. Но президент Академии отклонил это предложение за отсутствием средств и в свою очередь рекомендовал передать описание путешествия Лемана для издания только что созданному Географическому обществу, „которому было бы очень кстати дебютировать научной работой, высокое значение которой признано Академией“.

Однако Общество отнеслось к этому замыслу „с достаточной прохладностью“ („avec assez de tiédeur“, пишет Бэр). Только через полгода оно сочло нужным ответить Академии отказом напечатать работу Лемана, „потому что она написана на немецком языке, на котором дебютировать Русскому географическому обществу в печати является делом мало приличным (peu convenable)“.

Что оставалось делать?

За отсутствием собственных средств Академия решила продать часть ботанических коллекций Лемана и на вырученные деньги начать печатать описание его путешествия. Только тогда, наконец, длинную, полную недоразумений и интриг историю с рукописями и сборами Лемана удалось довести до благополучного конца.

Описание „многотрудной экспедиции по Киргизским степям в Бухару и Самарканд и прилегающий хребет Кара-тау“ издано было на немецком языке Академией под редакцией акад. Г. П. Гельмерсена. Бывший наставник Лемана, член-корреспондент Академии Наук Л. А. Бунге чрезвычайно тщательно в течение целых 8 лет обрабатывал собранную Леманом коллекцию растений, „обогатив отечественную флору более чем 180 новыми видами, 20 неописанными родами и бездной новых наблюдений“ (отзыв акад. Максимовича). В этой работе имя Лемана получили 18 видов из числа открытых Леманом растений и один род *Alexandra* (*Alexandra lehmanni* Bge). При одном новом виде автором выставлен сам Леман.

Не позабыл Бунге и приятеля Лемана, погибшего в Бухаре англичанина Конолли. В память последнего он назвал описанный им новый вид привезенного Леманом из Бухары характерного для барханных песков очень красивого деревца — *Ammodendron conollyi* Bge.

По утверждению В. И. Липского, рассматриваемая работа Бунге является одной из самых важных работ, касающихся флоры Средней Азии (и вообще пустыней России). Труд Бунге, так же как и обработка богатейших энтомологических коллекций, выполненная членом-корреспондентом Академии Наук Эдуардом Менетрие, напечатаны были также Академией. По данным последней

работы, А. Леман, как свидетельствует об этом А. П. Семенов-Тянь-Шанский, за 13 месяцев своей среднеазиатской миссии (1841—1842 гг.) собрал свыше 1000 видов насекомых, в том числе около 70 видов жуков¹ (рис. 9).

Обширные сборы эти впервые приподняли завесу над фауной пустынь, полупустынь, оазисов и отчасти гор Средней Азии.

Размеры и содержательность энтомологических сборов Лемана, от наблюдения которого не ускользнули даже мелкие мирмекофилы, особенно замечательны, если принять во внимание, что по условиям того времени путешественнику самому приходилось монтировать в пути всех собираемых насекомых. При этом Леман оставил обстоятельнейшие дневниковые записи со всеми нужными хронологическими, географическими и отчасти экологическими данными, еще до сих пор недостаточно использованными.

Наконец акад. Ф. Ф. Брандт описал в виде приложения к работе Гельмерсена позвоночных животных, собранных Леманом.

Н. А. Северцов, продолжавший после Лемана фаунистические исследования в Средней Азии, отдал должную дань заслугам в этом деле своего так рано погибшего предшественника, посвятив

¹ Собранный Леманом энтомологический материал содержал между прочим ряд характернейших для туранской фауны представителей новых родов.

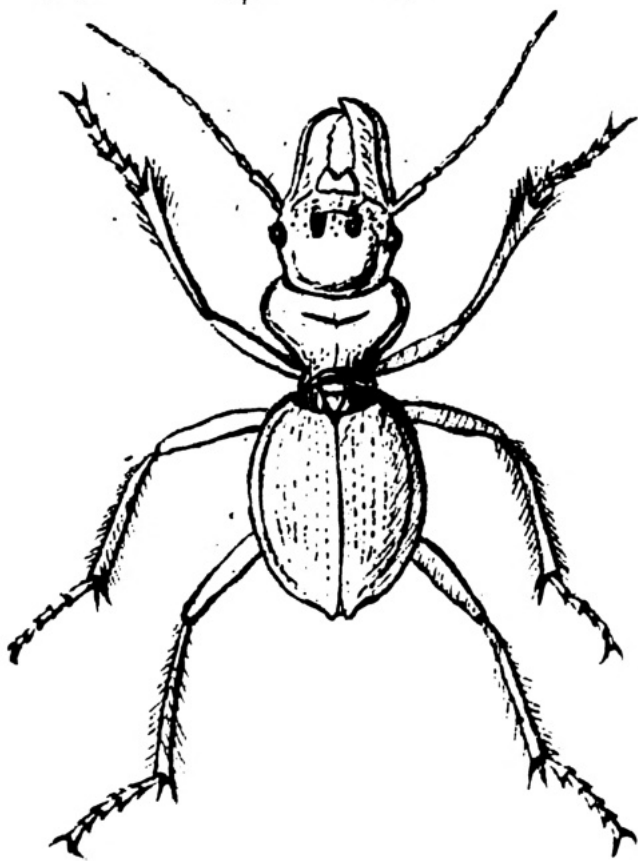

Рис. 9. Самая замечательная находка А. Лемана среди жесткокрылых насекомых. Представитель нового эндемичного Туранской области рода семейства жуужелиц — *Machozetus lehmanni* (Mén.), названный известным зоологом Менетрие в память Лемана его именем (рис. Лемана в натуральн. величину).

его памяти характерный для Средней Азии вид зайца (*Lepus lehmanni* Sev.).

В честь Лемана названа и типичная горная ящерица Туркестана агама, *Agama (Stellio) lehmanni* Str., описанная А. М. Никольским. В каменистых местах, среди осыпей с крупными камнями, на крутых, почти отвесных скалах, по которым с таким увлечением карабкался Леман, — ее любимое местопребывание.

Переходя к оценке работ Бухарской экспедиции, опубликованных другими ее участниками, приходится прежде всего отметить одну общую для них, столь характерную для царской администрации, отталкивающую и антинаучную черту, которая, правда, проскальзывает иногда и у Лемана: это — резко выраженный великодержавный шовинизм их, буржуазный пафос колонизаторов.

Для Ханыкова, Бутенева, а иногда и Богословского, народы, обитающие Бухару, в сущности говоря, все на одно лицо, все они или „лукавые льстецы“, или „мошенники“, или „разбойники“ и „коварные хищники“. Однако, если отвлечься от этого свойственного в большей или меньшей степени всем указанным работам специфического недостатка — полного подчинения официальной идеологии царизма, — то надо признать, что все же по определенным специальным отраслям изыскания эти положительного значения отнюдь не лишены.

Капитальный труд Ханыкова является и сейчас, по отзыву востоковедов, в некоторых отношениях наиболее достоверным и единственным источником сведений о старой Бухаре.

Богословский обнаружил в верховьях Зеравшана месторождения меди. При этом в одном из обследованных им мест нашлись следы разведок на медь, производившихся неизвестно кем всего за несколько лет до приезда экспедиции. Причину прекращения работ Богословский склонен был видеть в большой твердости залегающей здесь жильной породы. В горах Кукертли, „прорезывающих Кызыл-кумы“, Богословский открыл второе месторождение меди.

Работы его подтвердили наличие в Бухаре и свинца. Крупные разработки свинцовой руды существовали в то время в системе гор Куштанг. Они снабжали свинцом все Бухарское ханство. В настоящее время узбекистанские месторождения меди и свинца приобрели всесоюзное значение. На склонах гор, ближайших к Бухаре, Богословским описаны месторождения извести и алебастра, представляющие собою в качестве вяжущих веществ цементное сырье. Как нам теперь известно, сырье это находится в Узбекистане в неограниченном количестве. Обнаружена была Богословским и каменная соль; недалеко от г. Бухары встретился графит. Шел он главным образом на окраску ресниц и бровей бухарских женщин. В отрогах хребта Кукертян, севернее Кара-тау

отмечена им бирюза (в виде примазки на кремнистом сланце).

Недостаточно благоприятные результаты дали поиски главного предмета изысканий экспедиции — золота. Оно оказалось не местного происхождения, а приносимым в речном песке из отдаленных мест, причем весьма тонкое, мелкое и с точки зрения Богословского не стоящее обработки. Собственно коренных золотосодержащих запасов не попадалось.

Современные сведения о запасах золота в Узбекистане в основном не противоречат выводам Богословского, так как и сейчас коренных месторождений золота в Узбекистане не известно. Судя по имеющимся данным, эта республика не имеет особых шансов рассчитывать найти „крупные промышленные золоторудные месторождения“ (Б. Н. Наследов). В Таджикистане, в местах, где Богословский не был, золото встречается, как коренное, так и в россыпях. Таджикистан превращается сейчас в одну из баз Союза по золотопромышленности (Д. В. Никитин).

В напечатанных работах по горному делу Бутенев подводит главным образом итоги исследованиям своих сотрудников по Бухарской экспедиции. Медь, железо и бирюзу он отмечает в горах Нура-тау, свинец и серебро в окрестностях Гиссара и в горах Кара-тау. В последних найден кроме того каменный уголь (Леман), квасцы, асфальт, селитра и сера, железный и медный купорос. Кроме соляных залежей в горах (Карши),

Бутенев упоминает о соляном озере, из которого добывали соль, в области Ходжа-Ханадзи на юго-запад от г. Бухары.

Мрамор из Нура-тау, обследованный экспедицией, хвалит Виткевич. „Мрамор хороший,—пишет он,—белый с желтыми прожилками, но его почти нигде не употребляют и не умеют обделывать“.

В настоящее время уже начата и усиленно развивается добыча этого мрамора довольно хорошего качества.

Не надо забывать, что наиболее важные из работ Бутенева не подлежали опубликованию. Из последних, как указывалось, в особой тайне хранилась обстоятельная записка начальника миссии „о возможностях и средствах похода на Бухарию с войсками“.

Властитель Бухары все же избег печальной участи, которую уготовал ему в своей военной записке Бутенев. Наср-Улла умер в 1860 г. эмиром, процарствовав в Бухаре 34 года и так и не став ни русским ни английским вассалом. Только при сыне его Сеид Мозаффар-Эддин-хане Бухара потеряла самостоятельность и попала в вассальную зависимость от царской России. Впервые столкновение русских войск с бухарскими произошло 24 года спустя после Бухарской экспедиции на левом берегу Сыр-дарьи, у Ирджара. Двухтысячным отрядом генерала Романовского вся сорокатысячная армия эмира, вооруженная лучшим английским оружием, в течение двух часов была совер-

шенно разгромлена и обращена в бегство. В захваченном лагере не остыла еще еда, кипятился чай и дымились кальяны. Русские овладели громадным количеством провианта, палаткой хана, а он сам еле спасся бегством.

Бутенев в то время еще был жив и мог удостовериться в правильности данного им в своей военной записке прогноза относительно боевых качеств войск ненавистного ему, недоброй памяти „бухарского деспота“.

Таким образом Бухарская экспедиция, повидимому, представляла собой какую-то и может быть немаловажную величину в отношении военном, а следовательно в конечном счете и политическом. В этом смысле она, насколько нам известны источники, никакой оценке не подвергалась, что вполне понятно, приняв во внимание особую засекреченность военной записки Бутенева.

Другая судьба постигла миссию в отношении ее оценки с дипломатической, а отсюда опять же и сугубо политической точки зрения.

Венгерский (Вамбери), немецкий (Hellwald) и русские исследователи определяли ее значение в этом смысле равным нулю, что с нашей точки зрения неправильно. Причиною такого неверного суждения является опять же, надо полагать, засекреченность документов, только теперь ставших доступными для изучения.

Миссия косвенно сыграла свою большую роль в указанном отношении уже тем, что собрала ряд

преследовавших в конечном счете политические задачи сведений о торговле, сельском хозяйстве, общественных отношениях в стране, характеризующих в частности руководящие слои Бухары во главе с ее повелителем.

Но независимо от этого и в разрешении поставленных ей завоевательной политикой Николая I прямых политических задач миссия далеко не оказалась бессильной, как свидетельствуют об этом секретные документы.

В Бухаре, при чрезвычайно тяжелых условиях работы, одновременно соревновались две миссии в борьбе за влияние представляемых ими могущественнейших, враждебных друг другу государств.

Одна из миссий была правительством этой страны посажена в тюрьму и уничтожена, другая из этой страны благополучно вернулась, заверенная в дружеских чувствах эмира к царю. Англии предстояло жестоко отплатить Бухаре за казнь ее представителей, еще более обострив свои отношения к Бухаре. Но она этого не сделала, так как за Бухарой стояла царская Россия. Представитель ее сумел, несмотря на крайнюю arrogance поведения эмира, сохранить с Бухарой внешне мирные отношения, наладить с Бухарой, несмотря на оскорбительные выходки хана, пусть плохой мир, но все же лучше доброй ссоры, до нужной для торжества русского царизма поры.

Надо признать поэтому, что Бутенев в качестве политического разведчика русского правительства проявил в Бухаре исключительное понимание сложности положения, крайнюю осторожность и умелую выдержку в искусной дипломатической игре, которую он вел, в результате чего спасена была и жизнь членов миссии и не пострадал в глазах правящих сфер Бухары авторитет того правительства, которое он представлял. Английским агентам при равных условиях не удалось этого достигнуть.

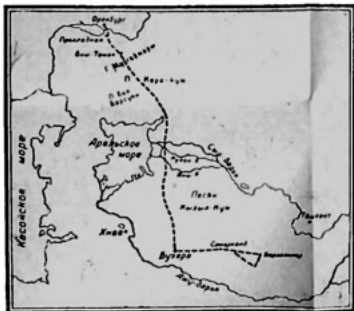
Найденные секретные документы явно свидетельствуют, что русские агенты Бутенев и Ханыков в борьбе за влияние своего правительства в Бухаре несомненно вступили в дипломатический бой с английскими политическими разведчиками, „благородным рыцарем“ Стоддартом и „чистым голубем“ Конолли, как их дословно аттестует англофил и руссофоб и в свою очередь апологет национального гнета Вамбери. Едва ли не главным пособником Бутенева в этой политической борьбе был военный инспектор и генералиссимус войск Бухары Абдул Самет-хан, конечно извлекавший личную пользу из добрых отношений к России“, он же „лицемерный друг и предатель англичан“, „подлый и лукавый персидский бродяга“—по аттестации тайного агента английского правительства Вамбери.

Нет оснований для обвинения русской миссии непосредственно в гибели членов английской

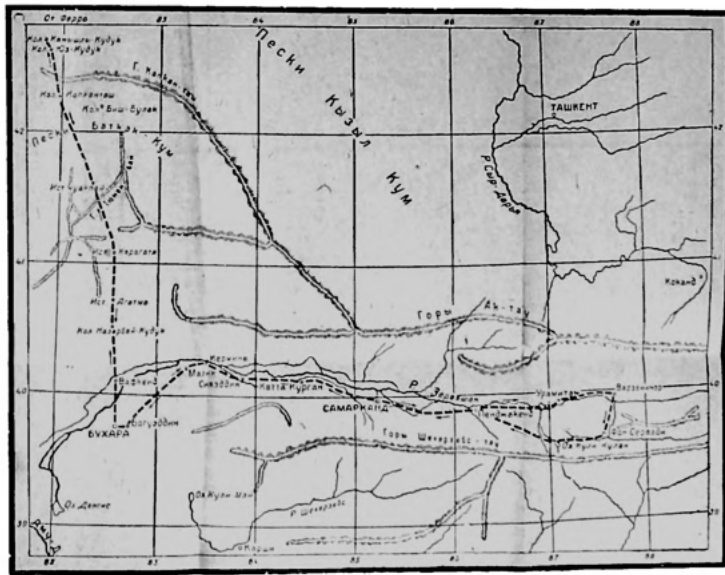
миссии. Наоборот, все данные говорят за то, что Бутенев, несмотря на борьбу, которую он вел с английским влиянием, искренне принимал все возможные в его положении меры, чтобы облегчить участь англичан, томившихся в тюрьме. Однако нельзя не признать, что силою вещей более удачная политика русской миссии поставила английскую миссию в худшее положение и, следовательно, косвенно не могла не способствовать печальному и по всем видимостям неожиданному для русского посольства концу английской миссии.

Тяжело было сознать это Бутеневу.

В некрологе о нем, напечатанном в „Горном журнале“ (1864), автор некролога, упоминая об „особом поручении, с которым Бутенев был отправлен в Бухару“, пишет: „как он выполнил свое дипломатическое поручение, знает министерство иностранных дел. Об этом он с посторонними не говорил. Как известно только, что путешествие это сопряжено было с большими физическими затруднениями, о них он впрочем всегда упоминал с удовольствием“.

Воспроизведена со сборного листа «Карте части Средней Азии» 1816 г., составленной Делью карт с напечатанным маршрутом экспедиции 1811—1812 гг.

Воспроизведена (на русском языке) с немецкой карты, приложенной к «Путешествию Делью в Бухару и Самарканд» 1841 г. в масштабе 50 верст в один дюйм. (Karte zu Lehmanns Reise nach Buchara und Samarkand vom Jahre 1841. Fort und Steinbach. Petersburg. K. A. B. N. № 17.)

Главнейшие использованные источники и литература

- Алексеев, П. К. Ф. Бутенев, Некролог. Горн. журнал, ч. I, № 2, 1864, стр. 331—340.
- Богословский 2-й. Записка о долине Зеравшана и горах ее окружающих. Горн. журнал, кн. X, 1842, стр. 1—22.
- Bokhara. The Encyclopedia Britannica. Eleventh Edition, vol. IV (Bis to Cal), p. 157. Baeriana.
- Бэр, К. Э. Рукописи архива Академии Наук СССР. Архив АН СССР, Бэровский фонд.
- Bunge, A. Vorläufige Nachricht über die hinterlassenen Sammlungen von Alex. Lehmann. (Aus einem Schreiben des Hrn. Prot. Alex. von Bunge d. 7. März, in Mohl und Schlechtendal). Botan. Zeitung I, 1843, pp. 254—256.
- Bunge, A. Reliquiae Lehmanianae, I Abth. Mémoires des savants étrangers, t. VII, СПб., 1852.
- Bunge, A. Beiträge zur Kenntniss der Flora Russlands u. der Steppen Centralasiens. S.-Petersb. 1852.
- Бутенев 2-й. Минеральные богатства Бухарии. Горный журнал, ч. IV, кн. XI, СПб., 1842.
- Бутенев 2-й. Замечания о ковке булата в Бухаре. Там же.
- Бутенев 2-й. Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарии. Там же.
- Бутенев 2-й. Заводское дело в Бухаре. Там же.
- Бутенев 2-й. Монетное дело в Бухарии. Там же.
- Бутенев 2-й. Результаты метеорологических наблюдений на пути из Оренбурга в Бухарию и со времени пребывания в ней в 1841 и 1842 годах. Там же.
- Бутенев, К. Ф. Заводское дело в Бухарии. Мануфактурные и горнозаводские известия, 1843, № 1.
- Бутенев, К. Ф. Записка о возможности и о средствах похода на Бухару с войском. (Рукопись.)

- Бутенев, К. Ф. Путевой журнал, веденный во время командировки в Бухарию. (Рукопись.)
- Бутенев, В. Г. Константин Федорович. Русский биографический словарь (Бетанкур-Бекстер).
- Вамбери. История Бухары или Трансокеании, пер. Павловского. СПб., 1873.
- Вамбери. Путешествие по Средней Азии в 1863 г. СПб., 1865
- Венгеров, С. А. Леман Александр. Источники словаря русских писателей, том I, СПб., 1900.
- Иванов, П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Госуд. институт геол. разв. Изд. Л.—М., 1932.
- Curzon. Russia in Centralasia 1889. Russia in Centralasia in 1889 and the Anglo-Russian Question by the Hon. George N. Curzon, M. P. Fellow of All Souls College, Oxford, London. 1889.
- Кашкаров, Д., проф. Животные Туркестана, вып. I и II. Туркестанское госуд. издательство. Ташкент, 1923.
- Майор Ковалевский и капитан Гернгрос. Путевой журнал со времени следования по Киргиз-Казачьей степи с 30 октября 1839 по 11 марта 1840 г. (Рукопись.) Ленинградское отделение Центтрархива.
- Larousse. Stoddart Charles. Grand Dictionnaire universel du XIX siècle, t. 14.
- Леман. А. И. Рукописи Архива Академии Наук СССР. Архив Академии Наук СССР, Лемановский фонд.
- О Лемане. Ученые записки АН, том II, 1854.
- Alexander Lehmanns Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 u. 1842 nach den hinterlassenen Schriften desselben, bearbeitet und mit Anmerkungen versehen von G. v. Helmersen nebst einem zoologischen Anhang von J. F. Brandt mit fünf lithographierten Tafeln und einer Karte. S.-Petersb., 1852. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. 17 Bd., 1852.

Леман Александр. Брокгауз и Ефрон, Энциклопед. словарь, т. 34.

Липский, В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы, ч. 1, СПб., 1902.

Масон, М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых. Лгр. Изд. Акад. Наук СССР, 1934.

Menetries. Catalogue des insectes recueillis par feu M. Lehmann, avec les descriptions des nouvelles espèces.

Mémoires de l'Acad. d. sc. de St.-Petersb. VI Série, Sciences math., phys. et natur. T. 8, Seconde partie. Sciences natur. Tome 6, 1 et 2 livr. St.-Petersb. pp. 17—67.

Наследов, Б. Н. Металлорудная база Узбекистана. Узбекистан. Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана 19—28 XII 1932 г., т. II. Лгр., изд. Акад. Наук СССР, 1933.

Нейман, К. Ф. Афганистан и англичане в 1841 и 1842 гг. 1848.

Некрологи об А. Лемане

1. Геннадий, Григорий. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. 20, Берлин, 1880.

2. Московские ведомости, 1842, № 86, стр. 645.

3. S.-Petersb. Zeitung, 1842, № 103.

4. Северная Пчела, 1842, № 235.

5. Bunge. Inland, 1842, № 44.

Никитин, Д. В. Перспективы золотопромышленности в Таджикистанской ССР, кн. „Проблемы Таджикистана“, том I. Лгр., 1933, стр. 73—83, 260—61.

Семенов, Г. М., проф. и Вилькошевский, П. В., доц. Указатель литературы по Самарканду и Самаркандскому краю. Узбекистанский госуд. университет им. т. Икрамова. Стеклограф УзГУ, 1935, Самарканд.

Соловьев, М. М. Бэр на Новой Земле. 3-е изд. Акад. Наук СССР, Лгр., 1934.

- Соловьев, М. М. Новые данные о путешествии акад. Бэра на Новую Землю. Вестник Академии Наук СССР, 1934, № 5 (май), стр. 38—47.
- Соловьев, М. М. Переписка академика К. М. фон-Бэра с профессором А. А. Бунге (1837 — 1873 гг.). Архив истории науки и техники, вып. XI, 1936.
- Сталин, И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей. Партиздаг ЦК ВКП(б), 1935.
- Фридлянд, Ю. С. Проблемы энергетики Узбекистана. Узбекистан, т. II, Лгр., изд. АН СССР, 1933.
- Ханыков, Н. В. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
- Ханыков, Н. В. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, т. 73.
- Hellwald. Die Russen in Centralasien, 1873.
- Федченко. Растительность Туркестана. Петроград, 1915 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. О настоящем и прошлом Бухары

Стр.

1. Бухара до экспедиции 1841 г. Миссия русского правительства в Бухару 1841 г. Прикомандирование к ней Лемана. Инструкция начальнику миссии, „открытая“ и „секретная“	3
2. Жизнь и научная деятельность Лемана до отъезда в Бухару (1814—1842 гг.)	20

Глава II. Путь от Урала до г. Бухары

1. От реки Урала до пустыни Кара-кум	31
2. Через пустыню Кара-кум до пустыни Кызыл-кум.	41
3. По пустыне Кызыл-кум. Река Зеравшан. Прибытие в столицу эмира — Бухару	52
4. Личность эмира	63

Глава III. От Бухары до Самарканда

1. Пребывание в г. Бухаре	69
2. „Священный“ Богуэддин. Пустыня Майнк. Гостеприимный бек города Кермине	89
3. Горы Карнап-тау. Вдоль берегов вверх по течению Зеравшана до стен Самарканда	100

Глава IV. Город Самарканд

1. Вид и история города Самарканда	113
Исторические постройки. Население города	122

*Глава V. От Самарканда до неизведанных
золотоносных возвышенностей Фон-тау. Воз-
вращение в Россию*

1. Пенджикент и его любознательный бек. Горный Зе- равшан. Золотопромыватели. Опасности пути . . .	135
2. Золотоносный Фон (Фан). Вершины Кара-тау. Таин- ственная гора „вечных огней“	143
3. Угрозы бухарского руководителя миссии Рамазана. Возвращение в Самарканд	149
4. Вынужденная зимовка в г. Бухаре. Трагический ко- нец английских путешественников Конолли и Стоддарта. Зимние наблюдения Лемана	155
5. Зима и весна в Бухаре (1842). Воинственный прием недовольного эмира. Возвращение в Россию и смерть Лемана	185

Глава VI. Судьба научного наследия Лемана

Значение работы Лемана и других участников экспе- диции	195
Карты: Общий маршрут экспедиции и карта путешест- вия по Бухаре	210—211
Главнейшие использованные источники и литература .	211

